This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

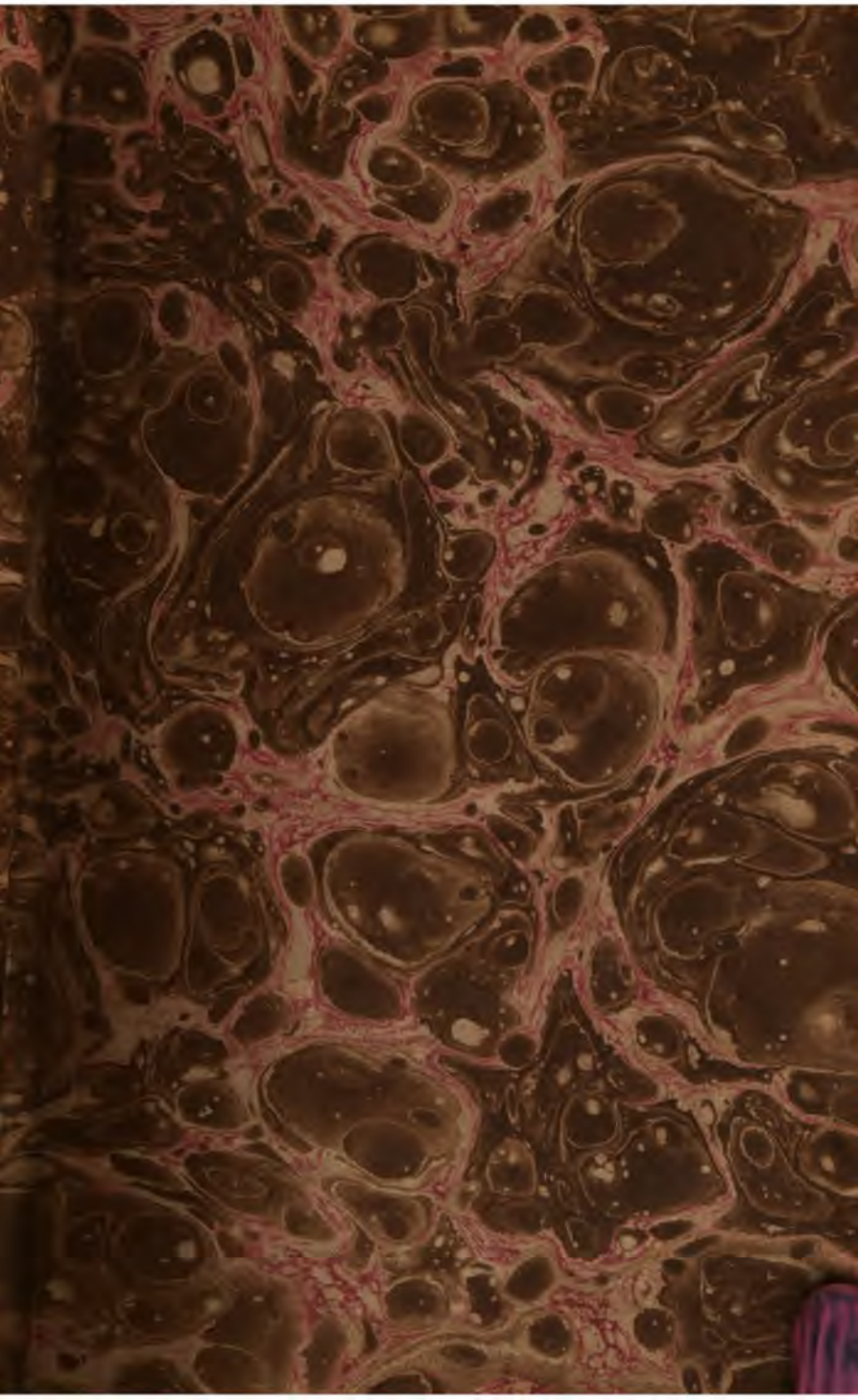
HD WIDENER
HW B3JH A

US
2319
4.4.10

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF

SUSAN GREENE DEXTER



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КНИЖНЫЙ ФОНД.
866

ИСТОРІЯ

ЖИЗНИ и ПУТЕШЕСТВІЙ

ХРИСТОФОРА КОЛОМБА.

ИСТОРІЯ

ЖИЗНИ И ПУТЕШЕСТВІЙ

ХРИСТОФОРА КОЛОМБА.

Сочиненіе

ВАШИНГТОНА ИРВИНГА.

Переводъ съ Французскаго,

НИКОЛАЯ ПОЛЕВОГО.

Venient annis
Saecula seris, quibus Oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat tellus, Typhisque novos
Detegat orbes, nec sit terris
Ultima Thule.

SENECA, *Medea.*

Томъ четвертый.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Печатано въ типографіи Х. Гинце.
1837.

US 2319.4.4.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
DEXTER FUND
FEB 12 1931

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

СПб., Сентября 29 дня, 1856 года.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ИСТОРІИ

ХРИСТОФОРА КОЛОМБА,

Содержащія въ себѣ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ

И

НЕИЗДАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

		СТРАН.
№1	Перевезеніе останковъ Коломба изъ Санъ-Доминго въ Гаванну	1
2	Подробности о потомкахъ Коломба	10
3	Фернандо Коломбъ	45
4	Предки Коломба	50
5	Мѣсто рожденія Коломба	56
6	Коломбы	71
7	Экспедиція Іоанна д'Анну	76
8	Взятіе въ плѣнъ Венеціянскихъ галеръ Коломбомъ-Младшимъ	84
9	Америкъ Веспуцій	87
10	Мартинъ Алонсо Пинсонъ	121
11	Слухи, носившіеся о лоцманѣ, умершемъ въ домѣ Коломба	125
12	Мартинъ Бехэмъ	132
13	Путешествія Скандинавовъ	140

		стран.
№ 14	Путешествія древнихъ вокругъ Африки	152
15	О судахъ Коломба	158
16	О путяхъ, которыми слѣдовалъ Коломбъ въ первое свое путешествіе	164
17	Правила, по которымъ упоминаемыя въ этомъ сочиненіи суммы приведены въ нынѣшнія монеты	196
18	Марко Поло	200
19	Сочиненіе Марка Поло. Зипангу, Зипангри, или Чипанго	214
20	Сиръ Джонъ Мандевиль	224
21	О зонахъ, или земныхъ поясахъ	228
22	Объ Атлантидѣ, Платона	232
23	Мнимый островъ Санъ-Брандань	236
24	Островъ Семи-Городовъ	251
25	Открытіе острова Мадеры	255
26	Лась-Касасъ	264
27	Пьеръ Мартиръ	282
28	Овидо	295
29	Лось-Палаціосскій патеръ	298
30	« Navigazione del re de Castiglia delle isole e paese nuovamente ritrovate. — Navigatio Christophori Columbi. »	300
31	Антоніо де-Геррера	303
32	Епископъ Фонсека	308
33	Завѣщаніе Коломба	314
34	Подпись Коломба	335

Конецъ оглавленія четвертаго Тома.

ПРИЛОЖЕНІЕ № I.

Перевезеніе останковъ Колумба изъ Санъ-Доминга въ Гавану.

По окончаніи войны между Франціей и Испаніей, въ 1795 году, всѣ Испанскія владѣнія на островѣ Испаніолѣ были уступлены Франціи IX-ю статьею мирнаго договора. Для надзора за исполненіемъ трактата была отправлена къ этому острову, въ условленное время, Испанская эскадра, подъ начальствомъ донъ Габріеля де-Аристисабаля, генералъ-лейтенанта королевскаго флота.

11-го декабря 1795 года генералъ Аристисабаль написалъ къ маршалу и губернатору Испаніолы, донъ Іоахиму Гарсіи, въ его резиденцію, Санъ-Доминго, письмо слѣдующаго содержанія: «Извѣстясь, что смертные останки знаменитаго адмирала, донъ Христофора Коломба, погребены въ соборной церкви здѣшняго города; я, какъ Испанецъ и главнокоман-

дующій дѣйствующею эскадрой его величества, считаю долгомъ просить васъ дозволить мнѣ перевезть прахъ героя на островъ Кубу, имъ-же открытый, и на которомъ онъ первый водрузилъ знамя креста.» Далѣе, генералъ изъявляетъ желаніе, чтобъ этотъ церемоніалъ былъ совершенъ гласно, съ возможною торжественностью и соблюденіемъ всѣхъ формальностей,» дабы отвратить тѣмъ всякую возможность утратить изъ виду, по небреженію или безпечности, смертные останки великаго человѣка, съ которыми связано воспоминаніе о событіи, составляющемъ славнѣйшую эпоху Испанской Исторіи, и доказать всѣмъ народамъ, что Испанцы, несмотря на теченіе вѣковъ, никогда не переставали чтить память своего *достойнаго и доблестнаго генерала морей* и не оставили даже праха его въ то время, когда мѣстныя власти Испанскаго правительства удалялись съ острова.» Въ заключеніе, донъ Аристисабаль прибавляетъ, что хотя онъ, по недостатку времени и важнымъ затрудненіямъ, не можетъ испросить на этотъ счетъ разрѣшенія его величества, однакожъ увѣренъ, что донъ Іоахимъ, какъ губернаторъ, по присвоенной ему власти, можетъ удовлетворить и самъ его желаніе и дозволить ему перевезть прахъ адмирала въ Кубу на кораблѣ *Санъ-Лоренсо*.

Губернаторъ принялъ живѣйшее участіе въ намѣреніи благороднаго Испанца. Онъ от-

вѣчалъ ему, что герцогъ де-Верага, происходящій отъ Коломба по прямой линіи, относился къ нему съ той-же просьбой и уже сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія по этому предмету, на свой счетъ, изъявивъ притомъ желаніе, чтобъ и останки адлантадо, донъ Варфоломея Коломба, были также перевезены изъ Испаніолы, и послалъ уже надписи для ихъ гробницъ; наконецъ, что онъ, губернаторъ, хотя дѣйствительно не имѣетъ на этотъ случай королевскаго повелѣнія, однакожъ, какъ предложеніе генерала совершенно согласно съ признательными чувствами Испанскаго народа и одобрено всѣми мѣстными властями, то онъ готовъ способствовать ему всѣми зависящими отъ него средствами. Получивъ этотъ отвѣтъ, генералъ Аристисабаль написалъ къ архіепископу Кубы, донъ Фернанду Портилло-и-Торресъ, находившемуся тогда въ Санъ-Доминго, что онъ надѣется получить его благословеніе и содѣйствіе въ столь благочестивомъ дѣлѣ.

Отвѣтъ архіепископа состоялъ изъ самыхъ лестныхъ выраженій для достойнаго предводителя эскадры и самыхъ почтительныхъ для памяти Коломба. Онъ изъявлялъ всю ревность, которою былъ одушевленъ — воздать должную дань признательности и уваженія къ праху человѣка, такъ много сдѣлавшаго для славы Испаніи. Особы, уполномоченныя герцогомъ де-Верагой дѣйствовать отъ его

имени, также почтенный деканъ каѳедральной церкви съ своимъ причетомъ, и всѣ прочія лица и мѣстныя власти, къ которымъ относился донъ Габріель де-Аристисабаль, изъявили столь-же ревностную готовность содѣйствовать исполненію этой трогательной и торжественной церемоніи.

Послѣ этихъ предварительныхъ сношеній почтеннаго генерала Аристисабаля, въ которыхъ были соблюдены всѣ правила этикета и всѣ обычныя формальности, приступили къ совершенію церемоніала, съ пышностью и торжественностью, соотвѣтственными важности предмета.

20-го декабря 1795 года почетнѣйшія особы города, духовные сановники и чиновники гражданскіе и военные собрались въ эпархіальномъ соборѣ. Въ присутствіи этого важнаго собранія отворили небольшой склепъ за хорами, въ капитальной стѣнѣ, по правую сторону большаго алтаря, и вынули оттуда обломки свинцоваго гроба, кости и небольшое количество земли, очевидно образовавшейся изъ остатковъ человѣческаго тѣла. Все это тщательно собрали и заключили въ свинцовый вызолоченный ящикъ, около полуаршина длины и ширины и въ четверть аршина вышины, съ желѣзнымъ замкомъ, отъ котораго ключь вручили архіепископу. Потомъ ящикъ поставили въ гробъ, обитый чернымъ бархатомъ и украшенный золотыми галунами

и бахромой, а гробъ положили въ нѣкотораго рода особый временный склепъ, или мавзолей.

На другой день совершили надъ останками Коломба торжественное поминовеніе въ соборной церкви. Послѣ всенощной, архіепископъ, въ полномъ облаченіи, отслужилъ панихиду въ присутствіи главнокомандующаго флотомъ, доминиканцевъ, францисканцевъ, братьевъ-милосердія и другихъ членовъ почетнаго собранія, присутствовавшаго наканунѣ при выносѣ тѣла; послѣ панихиды архіепископъ произнесъ надгробную рѣчь.

Въ тотъ-же день, въ четыре часа по полудни, гробницу перенесли на корабль съ торжественнѣйшимъ церемоніаломъ, въ сопровожденіи духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ сановниковъ, подъ знаменами, обтянутыми крепомъ, при пѣніи гимновъ и залпахъ изъ крѣпостной артиллеріи. Почетнѣйшіе члены разныхъ сословій несли гробъ по очередно на себѣ. Губернаторъ принялъ ключь изъ рукъ архіепископа и вручилъ его намѣстнику Гаванны, для храненія до-тѣхъ-поръ, пока послѣдуетъ на этотъ счетъ высочайшая воля. Гробъ поставили на бригантину ***Открытіе***, которая, какъ и всѣ прочіе корабли эскадры, выкинули траурные флаги. Весь флотъ салютовалъ праху Коломба и отдалъ ему всѣ почести, присвоенныя адмиральскому рангу.

Изъ Санъ-Домингскаго порта его перевезли

въ заливъ Окоа и передали тамъ на корабль *Санъ-Лоренсо*, вмѣстѣ съ портретомъ Коломба, присланнымъ изъ Испаніи герцогомъ де-Верагой, съ тѣмъ чтобъ онъ былъ помѣщенъ у того мѣста, гдѣ будутъ погребены останки знаменитѣйшаго изъ всѣхъ его предковъ. Корабль тотчасъ-же поднялъ паруса и прибылъ въ Гаванну, на островѣ Кубѣ, 15-го января 1796 года. Память открывшаго этотъ островъ была почтена жителями изъявленіемъ столь-же глубокихъ чувствъ признательности какъ и въ Испаніолѣ. Главные мѣстные начальники, въ сопровожденіи высшихъ офицеровъ арміи и флота, отправились на корабль. Церемоніалъ повторился съ тою-же торжественностью, какъ и въ Санъ-Доминго. Останки адмирала приняли съ корабля съ благоговѣніемъ и перемѣстили на фелуку, которая перевезла ихъ на берегъ, въ сопровожденіи трехъ рядовъ фелукъ и малыхъ судовъ королевскаго флота, украшенныхъ прилично обстоятельствамъ и наполненныхъ заслуженными офицерами и гражданскими чиновниками. За ними слѣдовали еще двѣ фелуки: одна съ почетною морскою стражей, которой знамена и барабаны были обтянуты чернымъ флеромъ; на другой находились главнокомандующій, министръ морскихъ силъ и главный штабъ. Когда суда вошли въ портъ военные корабли, стоявшіе въ немъ на якорѣ, отдали имъ почести, принадлежащія зва-

ніямъ адмирала и главнокомандующаго флотомъ. На берегу процесію встрѣтилъ губернаторъ съ генералами и штабомъ. Отъ самаго берега гробницу несли черезъ двойной рядъ войскъ, выстроенныхъ вдоль улицъ до обелиска на Большой-Площади, гдѣ поставили ее на погребальныя дроги, приготовленныя заблаговременно. Здѣсь останки Коломба и ключь отъ гробницы были переданы съ прежними формальностями генералъ-губернатору острова; открыли гробъ и освидѣтельствовали, въ присутствіи всѣхъ сопровождавшихъ, находящееся въ немъ. Послѣ того всѣ отправились большою процесіей въ соборъ, гдѣ, по отслуженіи епископомъ обѣдни и панихиды, смертные останки Коломба были закладены въ стѣну, по правую сторону большаго алтаря. « При этой почетной церемоніи, » говоритъ авторъ сочиненія, изъ котораго мы почерпнули вышеприведенныя подробности (1), « присутствовали всѣ духовные и свѣтскіе сановники, Гаваннское дворянство и всѣ сословія города, въ изъявленіе высокаго уваженія и благоговѣйнаго воспоминанія о памяти героя, который открылъ Новый-Свѣтъ и первый осѣнилъ этотъ островъ знаменемъ святаго креста. »

Это былъ послѣдній случай, гдѣ Испанія

(1) Navarette, tome, II., p. 365.

могла изъявить свои чувствованія къ Коломбу, и авторъ приведеннаго нами сочиненія съ живѣйшимъ удовольствіемъ воспользовался собранными имъ свѣденіями, чтобъ описать обстоятельно этотъ трогательный и торжественный церемоніалъ, исполненный благородныхъ чувствъ во всѣхъ его подробностяхъ, и дѣлающій столько чести характеру націи. Но это-же самое описаніе о перемѣщеніи праха Коломба изъ Санъ-Доминго въ Гаванну по истеченіи почти трехъ вѣковъ, съ гражданскими и военными почестями, съ величественными и торжественными обрядами Церкви и съ искренними изъявленіями почитанія знатнѣйшихъ людей и первѣйшихъ сановниковъ государства, — невольно увлекаетъ воображеніе къ той эпохѣ, когда онъ былъ отправленъ изъ того-же Санъ-Домингскаго порта, обремененный позорными цѣпями, сопровождаемый ругательствомъ черни, — когда имущество и добрая слава его, казалось, погибали подъ однимъ ударомъ.

Всѣ подобныя почести ничего не значатъ для мертвыхъ, и не могутъ вознаградить сердца, переставшаго биться для жизни, за перенесенныя имъ страданія и несправедливости: совсѣмъ тѣмъ, онѣ заключаютъ въ себѣ обильный источникъ утѣшенія для знаменитыхъ людей, гонимыхъ и оклеветанныхъ современниками; онѣ помогаютъ имъ мужественно бороться со всѣми несправедливостя-

ми въ настоящемъ, показывая на дѣлѣ, что истинное достоинство переживаетъ клевету— и рано или поздно вознаграждается славой и удивленіемъ позднѣйшихъ вѣковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Подробности о потомкахъ Коломба.

По смерти Коломба, сынъ его, Діэго, наслѣдовалъ его право на званія вице-короля и губернатора Новаго-Свѣта, на основаніи договора, заключеннаго Испанскими государями съ отцемъ его. По единогласному свидѣтельству историковъ, Діэго Коломбъ отличался строгою честностью, обладалъ замѣчательными дарованіями и имѣлъ характеръ открытый и благородный. Геррера часто упоминаетъ о кроткомъ и любезномъ его обращеніи, и говоритъ, что онъ былъ исполненъ благородства и — врагъ всякой лживости. Эта неспособность скрывать свои ощущенія часто повергала его въ сѣти людей коварныхъ, посѣдѣвшихъ въ обманахъ, которые отравляли жизнь его безпрерывными огорченіями. Но врожденное праводушіе и непреодолимая сила истины поддерживали его въ такихъ затруднительныхъ

обстоятельствахъ, въ которыхъ люди болѣе его расчетливые и гибкіе потерялись-бы совершенно.

Непосредственно послѣ смерти Коломба, донъ Діэго, какъ его наслѣдникъ по прямой линіи, потребовалъ передачи ему родовыхъ достоинствъ и преимуществъ, которыми отецъ его не пользовался въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Но если холодный и подозрительный Фердинандъ былъ способенъ забыть долгъ благодарности и справедливости въ отношеніи къ Коломбу, тѣмъ менѣе могъ ожидать отъ него сынъ адмирала. Донъ-Діэго упорно требовалъ отъ него возстановленія правъ своего дома въ продолженіе двухъ лѣтъ сряду,— но безъ всякаго успѣха. Недовѣрчивость Фердинанда къ Коломбамъ повидимому усилилась еще болѣе дарованіями новаго представителя ихъ фамиліи, получившаго воспитаніе на его глазахъ въ качествѣ пажа королевскаго двора, котораго характеръ онъ имѣлъ столько случаевъ узнать и оцѣнить. Наконецъ, по возвращеніи Фердинанда изъ Неаполя въ 1508 году, донъ Діэго сдѣлалъ ему совершенно прямой вопросъ, съ тою откровенностью, которую приписываютъ ему историки: « Почему его величеству не угодно даровать ему, какъ милости, того, что принадлежитъ ему по праву, и положиться на вѣрность человѣка обязаннаго ему своимъ воспитаніемъ? » Фердинандъ отвѣчалъ, что

онъ увѣренъ въ немъ, но не въ дѣтяхъ и наслѣдникахъ его. Діэго возразилъ, что несправедливо наказывать его за вины дѣтей, которыхъ, можетъ-быть, онъ вовсе не будетъ и имѣть.

Несмотря на то, что разсудокъ и справедливость были на сторонѣ молодаго адмирала, онъ не могъ склонить упорнаго короля исполнить его просьбу. Наконецъ, убѣдясь въ невозможности получить удовлетвореніе отъ личнаго правосудія и великодушія Фердинанда, онъ просилъ у него позволенія представить свои права на разсмотрѣніе и рѣшеніе гражданскихъ судовъ. Король не могъ отказать ему въ столь законной просьбѣ, и донъ Діэго подалъ прошеніе въ «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи,» о возвращеніи ему всѣхъ достоинствъ и преимуществъ, утвержденныхъ правительствомъ въ его родѣ договорами, заключенными королемъ и королевою съ его отцемъ, — вступивъ такимъ-образомъ съ Фердинандомъ въ тяжбу.

Его притязанія опровергали доводомъ, что договоръ Коломба съ правительствомъ, заключенный въ 1492 году, по которому адмиралу и наслѣдникамъ его представлялось право на безсмѣнное намѣстничество въ новооткрытыхъ земляхъ, недѣйствителенъ: во-первыхъ потому, что онъ противенъ выгодамъ государства; во-вторыхъ, что онъ противорѣчитъ положительному закону, изданному въ

1480 году въ Толедѣ, по которому ни одно мѣсто, заключающее въ своемъ вѣдомствѣ управленіе судебною частью, не можетъ быть наслѣдственнымъ. Поэтому, говорили ему, право на вице-королевское званіе могло быть дано адмиралу только по его смерть, и даже при жизни онъ справедливо былъ лишенъ его за злоупотребленіе власти. Къ этому присовокупляли еще, что подобныя пожалованія противны преимуществамъ, присвоеннымъ Испанской коронѣ, отъ которыхъ она не можетъ отказаться. Противъ недѣйствительности договора, донъ Діэго возражалъ, что означенный договоръ есть «взаимное и добровольное условіе, обязывающее по законамъ къ исполненію обѣ стороны, заключившія его, и что, слѣдственно, онъ, Діэго, не можетъ быть лишенъ ни одной изъ привиллегій, въ немъ означенныхъ, пока не откажется отъ нихъ добровольно-же; что если королевскими указами отъ 2 іюня 1506 года изъ Вилла-Франка и 28 августа 1507 года изъ Альмазана, повелѣно выдавать ему десятую часть доходовъ Индіи, то и всѣ другія права его должны быть также признаны; что-же касается до отрѣшенія отца его отъ должности вице-короля за злоупотребленіе власти, то это совершенно ложно: потому-что одна только неслыханная дерзость Бобадиллы была причиной его арестованія въ 1500 году, противъ воли и повелѣній государей, какъ доказываетъ это собствен-

поручное письмо ихъ къ адмиралу изъ Валенціи-де-ла-Торры, въ 1502 году, въ которомъ они изъявляютъ сожалѣніе о случившемся и обнадеживаютъ, что онъ получитъ справедливое удовлетвореніе и что всѣ права его, личныя и наслѣдственныя, останутся неприкосновенными (1). »

Эта достопамятная тяжба началась въ 1508 году и продолжалась нѣсколько лѣтъ. Кромѣ приведенныхъ нами здѣсь доводовъ, право донъ Діэго оспоривали еще тѣмъ, будто-бы отецъ его не первый открылъ твердую землю, а послѣ другихъ, и то нѣкоторыя только части ея. Это возраженіе было опровергнуто положительнымъ образомъ несомнѣнными доказательствами противнаго. Притязанія донъ Діэго были разсмотрѣны во всѣхъ подробностяхъ и строго повѣрены. Наконецъ клеветники славы Коломба принуждены были умолкнуть навсегда единогласнымъ рѣшеніемъ Совѣта — въ пользу донъ-Діэго, — рѣшеніемъ, которое дѣлаетъ столько чести правосудію и самостоятельности этого судилища (2).

Не смотря на то, хитрый Фердинандъ постоянно находилъ предлоги уклоняться отъ утвержденія въ фамиліи Коломбовъ столь об-

(1) Извлеченіе изъ подлинниковъ тяжебнаго дѣла, историкомъ Мюнносомъ. MS.

(2) Въ статьѣ: «Америкъ Веспуцій,» подробности этой тяжбы изложены полнѣе (См. Прил. № 9).

ширной власти, съ которою весьма неохотно разставалась его недовѣрчивая политика. Молодой адмиралъ обязанъ былъ окончательнымъ успѣхомъ въ своемъ дѣлѣ удачному совершенію дѣла совсѣмъ другаго рода. Онъ влюбился въ донну Марію де-Толеда, дочь Фернанда де-Толеда, великаго командора Ліона, и племянницу донъ Фабриція де-Толеда, знаменитаго герцога Альбы, перваго любимца короля. Донъ Діэго простиралъ свои виды слишкомъ высоко: отецъ и дядя донны Маріи были могущественнѣйшіе гранды гордой Испаніи и двоюродные братья Фердинанда. Несмотря на то, слава Коломба, отразившаяся на дѣтяхъ его, и права Діэго, признанные «Совѣтомъ о дѣлахъ Индіи,» утверждали за нимъ достоинства и доходы, достаточные для притязанія на знаменитѣйшіе союзы въ королевствѣ. Онъ получилъ руку донны Маріи безъ всякаго затрудненія, и такимъ образомъ чужеземная фамилія Коломбовъ привилась къ отрасли благороднѣйшаго дома въ Испаніи. Изъ этого вышло то, что необходимо выходитъ въ подобныхъ случаяхъ. Донъ Діэго вдругъ пріобрелъ то волшебное могущество, которое въ свѣтѣ означаютъ словомъ *связи*, — и вмѣстѣ съ нимъ благоклонность Фердинанда, которой такъ долго не удостоивался сынъ Коломба, и которую такъ легко получилъ племянникъ герцога Альбы. Отецъ и дядя супруги дона Діэго

успѣли наконецъ, хотя съ большимъ трудомъ, побѣдить сопротивленіе монарха и склонить его на удовлетвореніе хотя части справедливыхъ требованій дона Діэго. Онъ утвердилъ его въ достоинствахъ и власти, которыми пользовался Николай, — Овандо но благоразумно устранилъ титулъ вице-короля.

Овандо былъ отозванъ, чтобъ очистить мѣсто дону Діэго; этимъ поступкомъ король вмѣстѣ исполнялъ, хотя довольно поздно, и обѣщаніе, данное имъ Изабеллѣ на смертномъ ея одрѣ: умирающая королева взяла съ Фердинанда слово — лишить губернатора мѣста, въ наказаніе за истребленіе бѣдныхъ ея дикихъ подданныхъ, и за жестокую позорную казнь, которой онъ подвергъ жену кацика Каонабо, Анакоану.

Но исполняя просьбу королевы, Фердинандъ однакожъ не лишилъ Овандо своей благосклонности. Онъ не имѣлъ того великодушнаго состраданія къ бѣдствіямъ ближнихъ, которымъ было преисполнено сердце Изабеллы. Овандо поступками своими съ дикими Американцами нарушилъ всѣ права человѣчества; но это но мѣшало ему оставаться въ глазахъ короля дѣятельнымъ и полезнымъ ему чиновникомъ. Впрочемъ, притѣснительная система Овандо вполнѣ согласовалась съ духомъ его собственнаго правленія. Фердинандъ далъ повелѣніе флоту, на которомъ отправился новый губернаторъ, возвратиться подъ

начальствомъ Овандо, и всѣ принадлежащія ему помѣстья и невольниковъ оставилъ въ полномъ его владѣніи.

Нѣкоторые писатели изображаютъ Овандо человѣкомъ вовсе не корыстолюбивымъ и утверждаютъ, что онъ вымучивалъ сокровища у жителей Новаго-Свѣта насильственными мѣрами отнюдь не для себя, а для своего государя. Шарльвуа намѣкаетъ, что тайная причина удаленія его отъ должности заключалась болѣе во враждѣ къ нему неумолимаго и всемогущаго Фонсеки, которую онъ имѣлъ несчастіе навлечь на себя (1).

Новый адмиралъ отправился изъ Санъ-Лукара 9-го іюня 1509 года, съ супругою, братомъ донъ Фернандомъ, который достигъ тогда совершеннолѣтія и получилъ отличное воспитаніе, и двумя дядями своими — донъ Варѳоломеемъ и донъ Діэго, въ сопровожденіи многочисленнаго кортежа рыцарей, послѣдуемыхъ своими супругами и молодыми знатными дѣвицами — болѣе примѣчательными по благородству крови, нежели по огромности доходовъ, которыхъ послали родственники въ Новый-Свѣтъ — искать богатыхъ жениховъ (2).

Хотя король и не далъ дону Діэго титула вице-короля, однакожъ всѣ вообще, изъ вѣж-

(1) Charlevoix, chap. 5, p. 272 et 274.

(2) Las Casas, lib. II, cap. 49, MS.

ливости, величали его этимъ званіемъ; также и супругу его называли вице-королевой.

Донъ-Діэго началъ свое правленіе съ великолѣпіемъ, невиданнымъ до-того въ колоніи. Вице-королева, дама съ большими достоинствами, образовала при себѣ изъ благородныхъ рыцарей и дѣвицъ лучшихъ фамилій, составлявшихъ ея свиту, родъ двора, разливша-го нѣкоторый блескъ на этотъ полудикій островъ. Вскорѣ прибывшія съ нею дѣвицы вышли замужъ за богатѣйшихъ колонистовъ и сильно содѣйствовали къ смягченію общественныхъ нравовъ, огрубѣвшихъ отъ недостатка спасительной узды, налагаемой вліяніемъ женщинъ. Донъ-Діэго считалъ себя на правахъ вице-короля; но вскорѣ Фердинадъ сдѣлалъ распоряженіе, которое показало, что онъ отнюдь не признавалъ его притязаній. Не предувѣдомивъ дона-Діэго, онъ раздѣлилъ Дарiенской перешеекъ чертой, мысленно проведенною черезъ заливъ Ураба, на двѣ большія провинціи, и одну изъ этихъ провинцій, именно восточную, названную имъ ***Новою-Андалузіей,*** отдалъ въ управленіе Алонсо де-Ойедѣ, а губернаторомъ другой, западной, заключающей въ себѣ богатые берега Вераги, и наименованной — ***Кастилла дель-Оро,*** или Золотой Кастиліей, назначилъ рыцаря Діэго де-Никуэса. Еслибъ при этомъ назначеніи король руководствовался чувствами признательности и справедливости, управленіе

Верагскимъ берегомъ слѣдовало-бы поручить адлантадо, донъ Варѳоломею Коломбу, который участвовалъ въ открытіи новыхъ странъ, и съ братомъ своимъ, адмираломъ, такъ жестоко пострадалъ въ его предпріятіяхъ. Кромѣ того, необыкновенныя дарованія адлантадо, должны-бы были указать на него политикѣ короля, какъ на человѣка болѣе всякаго другаго способнаго занять это мѣсто; но Фердинандъ зналъ возвышенный духъ адлантадо, и опасался, что, получивъ губернаторство, онъ потребуетъ отъ него и преимуществъ, соотвѣтственныхъ своему званію и чувству собственнаго достоинства: поэтому оставилъ его въ сторонѣ и предпочелъ ему авантуристовъ болѣе сговорчивыхъ и покорныхъ его волѣ.

Донъ-Діэго былъ крайне недоволенъ этой мѣрой, приведенной въ дѣйствіе безъ его соучастія. Онъ справедливо считалъ ее нарушеніемъ договора, заключеннаго правительствомъ съ отцемъ его, и нѣсколько разъ утвержденнаго какъ за нимъ, такъ и за наслѣдниками его. Кромѣ того, онъ встрѣтилъ еще новыя затрудненія по поводу управленія островомъ Санъ-Хуаномъ, или Порто Рико, завоеваннымъ около того-же времени, и на которомъ тогда учреждалась колонія. Однакожъ, послѣ множества препятствій, назначенные имъ чиновники были окончательно утверждены правительствомъ въ ихъ званіяхъ.

Подобно отцу своему, онъ принужденъ былъ бороться съ злоумышленными партіями, потому-что враги Коломба обратили ненависть свою на его сына. Нѣкто Мишель Пассамонтъ, королевскій казначей, вступилъ съ нимъ въ открытую вражду подъ покровительствомъ, и даже по наущенію, епископа Фонсеки, питавшаго къ донъ Діэго ту-же непримиримую ненависть, которую сохранялъ до смерти къ адмиралу. Множество мелочныхъ обстоятельствъ поселили неудовольствія между губернаторомъ и нѣкоторыми низшими чиновниками колоніи; къ нимъ присоединились оставшіеся сторонники Рольдана (1), и вскорѣ на островѣ образовались двѣ партіи: одна адмиральская, другая казначея Пассамонта, которой цѣлью было — стараться всѣми средствами вредить дону Діэго и чернить передъ правительствомъ всѣ его поступки клеветой и доносами, исполненными злости и нелѣпостей. Между прочимъ взводили на него, будто бы онъ намѣренъ былъ объявить себя независимымъ владѣтелемъ острова, и въ доказательство приводили, что онъ подъ предлогомъ дома, въ которомъ было множество оконъ, строитъ для себя укрѣпленіе. Король, отягченный лѣтами, предоставлялъ разсмотрѣніе большей части дѣлъ Новаго-Свѣта, Фонсекѣ, постоянно ими завѣдывавшему, и слѣдо-

(1) Herrera, decad. I, lib. VII, cap. 12.

валь всѣмъ внушеніямъ прелата, который, не находя причинъ благопріятствовать потомкамъ Коломба, съ такимъ искуствомъ давалъ вѣсъ жалобамъ, поступающимъ изъ колоніи на донъ-Діэго, что Фердинандъ въ 1510-мъ году учредилъ въ Санъ-Доминго верховное судилище, подъ названіемъ «Королевской-Аудіенціи,» куда разрѣшено было подавать апеляціи на всѣ опредѣленія адмирала, даже по тѣмъ предметамъ, которыхъ рѣшеніе непосредственно зависѣло до-того времени отъ правительства. Донъ-Діэго счелъ эту мѣру оскорбительною для себя, и явно клонящеюся къ уничтоженію его власти.

Молодой адмиралъ съ своимъ праводушнымъ, открытымъ, довѣрчивымъ характеромъ, не могъ состязаться съ хитрою политикою своихъ враговъ, соединившихся противъ него, всегда готовыхъ воспользоваться малѣйшими его ошибками и представить ихъ въ видѣ преступленій. Онъ встрѣчалъ на каждомъ шагу новыя затрудненія, которыхъ не въ силахъ былъ преодолѣть. Вступая въ должность губернатора, онъ былъ исполненъ благороднѣйшихъ намѣреній: рѣшился уничтожить всѣ притѣсненія, исправить злоупотребленія, — и всѣ благонамѣренные люди радовались его назначенію. Но вскорѣ онъ увидѣлъ, что слишкомъ много положился на свои силы и не сообразилъ ихъ съ затрудненіями, ожидавшими его на этомъ новомъ для него

поприщѣ. Всѣ свои расчеты онъ основывалъ на добротѣ своего сердца, не имѣя полнаго понятія о развращеніи людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Онъ воспротивился раздѣлу туземцевъ между колонистами, въ качествѣ невольниковъ, — этому источнику жестокостей всякаго рода; но всѣ богатые колонисты и многіе вельможи при дворѣ возстали противъ него и старались поддержать это злоупотребленіе, столь выгодное для нихъ. Убѣжденный, съ одной стороны въ опасности покушенія уничтожить эту мѣру и въ сомнительности успѣха своихъ усилій, съ другой — онъ видѣлъ, что эта самая несправедливость приноситъ ему огромную прибыль. Личная выгода присоединилась къ другимъ уважительнымъ причинамъ, — и онъ призналъ наконецъ неисполнимымъ то, что сначала казалось ему только труднымъ. Однимъ словомъ, раздѣлъ остался въ прежнемъ видѣ, въ какомъ былъ и до него, съ тою только разницею, что онъ смѣнилъ нѣкоторыхъ приставовъ, обвиняемыхъ въ жестокостяхъ, и опредѣлилъ на ихъ мѣста другихъ чиновниковъ, по своему избранію, — которые ни чѣмъ не уступили въ варварствѣ своимъ предшественникамъ. Эта уступчивость привела въ уныніе преданную ему партію и ободрила его противниковъ. Между тѣмъ друзья смѣненныхъ имъ чиновниковъ возстали противъ него съ громкими воплями, и дѣла дошли до такого

непріятнаго состоянія, что еслибъ не умеръ около того-же времени Овандо, то полагаютъ, что онъ былъ-бы присланъ изъ Испаніи смѣнить дона Діэго. Покореніе острова Кубы и устройство на немъ колоніи, въ 1510 году, были счастливыми происшествіями въ правленіи молодаго адмирала. Онъ донесъ объ этомъ Фердинанду, поздравляя его съ пріобретеніемъ величайшаго и прекраснѣйшаго острова въ цѣломъ мірѣ, не потерявъ ниодного человѣка. Это извѣстіе было очень пріятно королю; но вмѣстѣ съ нимъ было привезено также и множество жалобъ на адмирала.

Фердинандъ, несмотря на свое равнодушіе къ дону Діэго, зналъ очень хорошо, что большая часть этихъ жалобъ несправедлива и проистекала изъ злобы и зависти враговъ губернатора. Совсѣмъ тѣмъ, онъ счелъ нужнымъ послать въ 1512 году въ Испаніолу донъ Варѳоломея Коломба съ самою подробною инструкціей племяннику его, адмиралу.

Донъ Варѳоломей еще носилъ званіе «адлантадо Индіи,» хотя Фердинандъ, по расчетамъ себялюбія, постоянно удерживалъ его въ Испаніи, употребляя для открытій людей низшаго достоинства. Онъ прибавилъ къ его содержанію пожизненное владѣніе и управленіе небольшимъ островомъ Мона; назначилъ ему въ удѣлъ двѣсти невольни-

ковъ и далъ мѣсто главнаго надсмотрщика всѣхъ рудниковъ, какіе откроются на островѣ Кубѣ: это послѣднее мѣсто оказалось впослѣдствіи весьма прибыльнымъ (1). Въ инструкціи, данной королемъ дону Діэго, онъ приказывалъ, между прочимъ, уменьшить, согласно представленію братьевъ доминиканцевъ, треть работъ туземцевъ, добывая въ облегченіе имъ черныхъ невольниковъ изъ Гвинеи (2), и для отличія ихъ отъ Караибскихъ невольниковъ, предназначенныхъ для болѣе тяжкихъ работъ, чѣмъ всѣ прочія туземныя племена, налагать всякому Караибу наногѣ клеймо раскаленнымъ желѣзомъ (3).

Когда Ойеда и Никуэсса, назначенные Фердинандомъ для управленія Дарiенскимъ перешейкомъ, на Твердой Землѣ, съ обязанностью завести тамъ поселенія, не успѣли въ этомъ предпріятіи, король написалъ въ 1514 году въ Испаніолу, что дозволяетъ адлантадо, донъ Варѳоломею Коломбу, если онъ пожелаетъ, учредить колонію на Верагскомъ берегу и управлять всѣмъ этимъ краемъ подъ главнымъ начальствомъ адмирала донъ Діэго, сообразно съ властью и преимуществами послѣдняго. Если-бъ монархъ взялъ въ соображеніе собственныя свои выгоды и уважилъ дарованія и заслуги адлантадо, онъ распоря-

(1) Charlevoix, *Hist. de Saint-Domingue*, p. 531.

(2) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. IX, cap. 5.

(3) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. IX, cap. 5.

дился-бы такимъ образомъ гораздо ранѣе; но теперь уже было поздно. Болѣзнь не дозволила адлантадо исполнить этого предпріятія: дѣятельная, трудолюбивая жизнь его приближалась къ концу.

Множество доносовъ, исполненныхъ клеветы, которые были посланы въ Испанію Пассамонтомъ и другими врагами дона Діэго, и разныя мѣры правительства, которыя адмиралъ считалъ несоотвѣтственными своему достоинству и нарушающими данныя ему преимущества, побудили наконецъ его просить позволенія явиться ко двору, для объясненій и оправданія своихъ дѣйствій. Получивъ разрѣшеніе, онъ отправился въ Испанію 9 апрѣля 1515 года, оставивъ съ вице-королевой донной Маріей, дядю своего, адлантадо. Король принялъ его съ отличными знаками уваженія, которыхъ онъ, конечно, заслуживалъ. Всѣ его предпріятія, какъ самимъ имъ веденныя, такъ и выполненныя по его указаніямъ, были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ. Въ его правленіе заведена прибыльная ловля жемчужныхъ раковинъ на Кубагскомъ берегу; покорены, и частію возделаны, острова Куба и Ямайка, безъ кровопролитія; должность губернатора онъ исправлялъ съ безкорыстіемъ; и если подалъ поводъ къ жалобамъ на себя, то единственно только усиліями облегчить угнѣтеніе туземцевъ. Король далъ повелѣніе прекратить всѣ

тяжебныя дѣла, производившіяся въ аппеляціонномъ-судѣ и другихъ мѣстахъ, по жалобамъ частныхъ лицъ на убытки, понесенные ими постановленіемъ губернатора о раздѣлѣ невольниковъ, и всѣ акты по этимъ дѣламъ представить къ нему, на личное его разсмотрѣніе. Однакожъ, несмотря на всѣ эти знаки благоволенія, когда адмиралъ потребовалъ части доходовъ съ провинціи Кастилла-дель-Оро, на томъ основаніи, что онѣ открыты отцомъ его, какъ это доказывалось ясно названіями многихъ мѣстъ, какъ напримѣръ: ***Номбра-де-Діосъ***, ***Порто-Белло*** и ***Эль-Ретрета***, — король велѣлъ снять показаніе съ экипажей, сопутствовавшихъ Коломбу при его открытіяхъ, въ надеждѣ доказать, что Дарiенскій перешеекъ и Заливъ-Ураба открыты не имъ. «Такимъ образомъ, говоритъ Геррера, донъ Діэго былъ безпрестанно вовлекаемъ въ споры съ казной, и можно сказать, что онъ наслѣдовалъ вполнѣ всѣ хлопоты и заботы своего отца (1).»

Вскорѣ послѣ отъѣзда донъ Діэго изъ Санъ-Доминга, дядя его, донъ Варѳоломей, скончалъ свою дѣятельную и трудолюбивую жизнь. До насъ не дошли подробности о его смерти, и нигдѣ не упоминается о годахъ его жизни, должно однакожъ полагать, что онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ. Говорятъ,

(1) Herrera, decad. II, lib. IX. cap. 7.

что это событіе сильно опечалило Фердинанда, который имѣлъ высокое мнѣніе о характерѣ и дарованіяхъ адлантадо. «Этотъ человѣкъ, говоритъ Геррера, не уступалъ въ достоинствахъ брату своему, адмиралу, и обнаружилъ-бы ихъ блистательнымъ образомъ, еслибъ былъ употребленъ въ дѣла; что онъ былъ храбръ, превосходный мореходецъ и преисполненъ благородства (1).» Бездѣйствіе, въ которомъ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни, Шарльвуа приписываетъ ревнивому духу короля Фердинанда. Фамилія Коломбовъ и безъ того уже казалось ему слишкомъ могущественною, и еслибъ адлантадо открылъ Мексику, то онъ могъ потребовать отъ него такихъ-же выгодныхъ условій, какія заключилъ братъ его, адмиралъ, съ правительствомъ (2).

«Говорили, прибавляетъ Геррера, что король, желая отвлечь вниманіе адлантадо отъ дѣлъ Новаго-Свѣта, старался занимать его въ Европѣ, употребляя въ разныя порученія.» По смерти адлантадо, островъ Мона, дарованный ему въ пожизненное владѣніе, снова отошелъ подъ управленіе короля, который утвердилъ свой участокъ (repartimiento) двухсотъ невольниковъ за вице-королевой, донной Маріей.

(1) Herrera, decad I, lib. X, cap. 16.

(2) Charlevoix, *Hist. de Saint-Domingue*, liv. V.

Между-тѣмъ, пока донъ Діэго ходатайствовалъ о назначеніи ему аудіенціи для оправданія своихъ дѣйствій, Фердинандъ умеръ 28 генваря 1516 года. Внукъ его и наслѣдникъ, принцъ Карлъ, впослѣдствіи императоръ Карлъ V, находился тогда во Фландріи, и управленіе государствомъ оставалось нѣкоторое время въ рукахъ кардинала Хименеса, который не хотѣлъ взять на себя рѣшенія дѣла адмирала. Такимъ образомъ, не прежде какъ уже въ 1520 году адмиралъ получилъ отъ императора Карла V формальное объявленіе, что всѣ доносы, сдѣланные на него, ложны. Императоръ, удостовѣрившись что обвиненія Пассамонта и сторонниковъ его не что иное какъ сцѣпленіе явныхъ клеветъ, повелѣлъ донъ Діэго вступить снова въ исправленіе своей должности., хотя его тяжба съ казной еще не была рѣшена, и написать къ Пассамонту, чтобъ онъ предалъ забвенію всѣ минувшіе поводы къ неудовольствіямъ и несогласіямъ и впредь сохранялъ-бы дружелюбныя сношенія съ донъ Діэго. Между прочими вознагражденіями, онъ призналъ право донъ Діэго на управленіе островомъ Испаніолой и всѣми землями, открытыми отцомъ его, въ качествѣ вице-короля и губернатора (1). Однакожъ его власть была значительно ограничена новыми постановленія-

(1) Herrera, decad. II, lib. IX, cap. 7.

ми: надъ нимъ учредилось нѣкотораго рода надзирательство, изъ особаго, назначеннаго императоромъ сановника, которому дано было право доносить на него въ Совѣтъ, — но безъ всякой власти. Донъ Діэго отправился изъ Испаніи вначалѣ сентября 1520 года. По пріѣздѣ въ Санъ-Доминго, онъ нашелъ, что многіе чиновники, пользуясь его продолжительнымъ отсутствіемъ, устранили отъ себя всякое вліяніе главнаго управленія надъ колоніями и употребляли во зло свою власть. Онъ немедленно смѣнилъ ихъ, назначивъ на ихъ мѣста другихъ, и потребовалъ отъ нихъ отчета въ управленіи ввѣренными имъ частями. Этой мѣрой онъ вооружилъ противъ себя множество дѣятельныхъ и сильныхъ враговъ, какъ въ колоніяхъ, такъ и въ самой Испаніи.

Въ продолженіе отсутствія адмирала произошли значительныя перемѣны на островѣ Испаніолѣ. Разработка минъ упала, потому что разведеніе сахарнаго тростнику оказалось источникъ вѣрнѣйшаго обогащенія. Въ Испаніи вошло въ пословицу, что великолѣпные дворцы, воздвигнутые Карломъ V въ Мадритѣ и Толедѣ, построены изъ Испаніольскаго сахару. Множество невольниковъ было вывезено изъ Африки, по той причинѣ, что они оказались способнѣй слабыхъ туземцевъ къ воздѣланію сахарнаго тростнику. Съ бѣдными Неграми обходились съ необыкновен-

ною жестокостью; они даже не находили себѣ защитниковъ между сострадательными людьми, потому-что рабство дикихъ Новаго-Свѣта основывалось единственно на правѣ сильнаго, между-тѣмъ какъ Негровъ считали по самому цвѣту ихъ тѣла рожденными для невольничества, и такъ-какъ ихъ продавали и покупали въ собственномъ ихъ отечествѣ, то и находили, что это состояніе должно быть естественно имъ. Однакожъ, несмотря на всю природную терпѣливость Негровъ и на всю привычку ихъ къ страданіямъ, варварское обращеніе съ ними Европейцевъ, довело ихъ наконецъ до мщенія.

27 декабря 1522 года въ Испаніолѣ открылось первое возмущеніе Африканцевъ. Оно началось въ сахарной плантаціи дона Діэго, гдѣ около двадцати Негровъ, къ которымъ присоединилось почти столько-же изъ сосѣдней плантаціи, достали оружіе, напали на владѣльцевъ своихъ, умертвили ихъ и разсѣялись въ окрестностяхъ, въ намѣреніи разграбить нѣкоторыя плантаціи, истребивъ Испанцевъ, и усилившись освобожденіемъ изъ оковъ своихъ соотечественниковъ, овладѣть городомъ Агуа, или, въ случаѣ неудачи, укрыться въ горахъ.

Донъ Діэго, получивъ извѣстіеобъ этомъ возмущеніи, тотчасъ-же отправился изъ Санъ-Доминго съ нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ жителей преслѣдовать бунтовщиковъ. На

другой день похода онъ остановился на берегу Нисао, чтобъ дать отдыхъ своимъ спутникамъ и дождаться подкрѣпленія. Въ это время одинъ изъ сопровождавшихъ его владѣльцевъ, по имени Мельхіоръ де-Кастро, узналъ, что Негры опустошили его плантаціи, разграбили домъ и увели съ собой его туземныхъ невольниковъ, безъ дозволенія адмирала отправился ночью съ двумя товарищами къ своей плантаціи; нашелъ тамъ все расхищеннымъ и пустился преслѣдовать Негровъ, прославъ къ адмиралу нарочнаго просить подкрѣпленія. Къ нему отправили на-скоро восемь кавалеристовъ, вооруженныхъ копьями и щитами, съ шестью пѣшими солдатами, которыхъ посадили къ нимъ за сѣдла. Сверхъ этого подкрѣпленія, де-Кастро имѣлъ съ собой трехъ кавалеристовъ, и съ этимъ малымъ отрядомъ, на разсвѣтѣ дня, онъ настигъ Негровъ. Возмутившіеся невольники, вооруженные камнями и копьями, увидѣвъ своихъ притѣснителей, тотчасъ-же устроились въ боевой порядокъ, испуская ужасные вопли. Испанскіе кавалеристы, взявъ щиты въ лѣвыя руки, опустили копья и ударили на нихъ во всю конскую скачь. Африканцы въ то-же мгновеніе смѣшались и обратились въ бѣгство къ горамъ, оставя на мѣстѣ шесть убитыхъ и нѣсколько раненыхъ. Между-тѣмъ къ де-Кастро подоспѣлъ адмиралъ съ своимъ отрядомъ, и оба они продолжали преслѣдовать

бѣгущихъ, которыхъ, по мѣрѣ того какъ они попадались въ ихъ руки, тотчасъ-же вѣшали на ближайшихъ деревьяхъ и оставляли въ такомъ положеніи, въ намѣреніи поселить этимъ зрѣлищемъ ужасъ между ихъ соотечественниками. И въ самомъ дѣлѣ, это безотлагательное наказаніе отвратило на будущее время всякое покушеніе къ возстанію Африканскихъ невольниковъ (1).

Между-тѣмъ многочисленные враги дона Діэго въ колоніяхъ и въ Испаніи не оставались въ бездѣйствіи. Давній противникъ его, казначей Пассамонтъ, сдѣлалъ доносъ, которымъ обвинялъ его въ присвоеніи всей почти власти «Королевскій-Ауедіенціи,» и въ нарушеніи указа его величества, возстановившаго адмирала въ вице-королевскомъ званіи, которому онъ придалъ такое обширное значеніе, какого очевидно вовсе не заключалось въ намѣреніяхъ государя. Это обвиненіе произвело желаемое дѣйствіе при дворѣ: въ 1523 году донъ Діэго получилъ отъ «Совѣта о дѣлахъ Индіи» весьма строгій выговоръ. Его упрекали во всѣхъ взведенныхъ на него врагами злоупотребленіяхъ и въ присвоеніи излишней власти, и приказывали подъ опасеніемъ лишенія всѣхъ титуловъ и преимуществъ, уничтожить сдѣланныя имъ нововведенія и привесть все въ прежній порядокъ;

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. III, lib. IV, cap. 9.

а чтобъ онъ не имѣлъ повода отговориться неполученіемъ этого повелѣнія, Совѣтъ въ тоже время предписалъ «Королевской-Ауді-енціи» обнародовать его и приказать всѣмъ и каждому сообразоваться съ нимъ и наблюдать за надлежащимъ его исполненіемъ Вмѣстѣ съ тѣмъ, Совѣтъ увѣдомлялъ его особымъ письмомъ, что его присутствіе необходимо въ Испаніи для объясненій по всѣмъ означеннымъ предметамъ и для совѣщанія о мѣрахъ противъ разныхъ злоупотребленій и на счетъ преобразованій въ управленіи невольниками, для ихъ облегченія: однимъ словомъ, его требовали ко двору — не ожидая дальнѣйшихъ повелѣній (1).

Донъ-Діэго ясно видѣлъ, что его отзываютъ отъ должности, и немедленно повиновался. По пріѣздѣ въ Испанію, онъ тотчасъ-же явился ко двору, находившемуся тогда въ Виторіи, съ смѣлымъ видомъ и самоувѣренностью человѣка, которому не въ чемъ упрекать себя. Онъ защищался такъ хорошо, что нетолько доказалъ императору и Совѣту свою невинность по всѣмъ статьямъ доноса, но даже совершенно убѣдилъ ихъ въ своей вѣрности по исполненію возложенныхъ на него обязанностей; въ усердіи къ общественному благу и къ славѣ державы, и доказалъ, что всѣ жалобы на него проистекли изъ за-

(1) Herrera, decad. I, lib. V, cap. 4.

висти и вражды Пассомонта и другихъ королевскихъ чиновниковъ въ колоніяхъ, для которыхъ нестерпима всякая высшая власть, обуздывающая ихъ своеволіе. Оправдавшись совершенно и обнаруживъ клевету враговъ своихъ, донъ Діэго льстилъ себя надеждой, что послѣ этого скоро получитъ справедливое удовлетвореніе по требованіямъ своимъ на казну. Но это дѣло касалось денегъ и обширныхъ, богатыхъ провинцій, и потому онъ встрѣтилъ здѣсь затрудненія и проволочки, неразлучныя съ требованіями подобнаго рода. Наконецъ императоръ, побуждаемый убѣдительными просьбами адмирала, велѣлъ учредить по этому предмету особую коммисію изъ великаго-канцлера брата Лойасы, — духовника императора и президента «Совѣта о дѣлахъ Индіи,» — и многихъ другихъ первостепенныхъ сановниковъ, которымъ было поручено изслѣдовать разныя обстоятельства, относящіяся къ требованіямъ адмирала на казну и къ тяжебнымъ дѣламъ, производившимся въ Совѣтѣ, съ полною властью произнесть окончательное рѣшеніе, какъ справедливость требовать будетъ.

Но изслѣдованіе шло такъ медленно, сопровождалось такими препятствіями, притѣсненіями и непріятностями, что несчастный Діэго, подобно отцу своему, умеръ прежде рѣшенія дѣла. Цѣлыхъ два года онъ скитался

за дворомъ изъ города въ городъ, въ Витторію, Бургосъ, Валладолиду, Мадритъ и Толеду. Наконецъ зимой 1525 года императоръ переѣхалъ ихъ Толеды въ Севиллу, и адмиралъ собрался отправиться туда же, вслѣдъ за нимъ, несмотря на то, что здоровье его было уже совершенно разстроено трудами и заботами, и что въ это время онъ страдалъ изнурительною лихорадкой. Историкъ Овидо видѣлъ его въ Толедѣ за два дня до отъѣзда и старался, вмѣстѣ съ друзьями адмирала, отклонить его отъ этого путешествія, столь вреднаго для его здоровья въ такое суровое время года. Но ихъ совѣты не подѣйствовали; донъ Діэго не зналъ еще всей опасности своего положенія, и отвѣчалъ имъ, что на пути въ Севиллу заѣдетъ въ церковь Гваделупской Богоматери поклониться ея образу и надѣется, что заступничествомъ Пресвятой Дѣвы-Маріи получитъ скорое исцѣленіе (1). Онъ отправился изъ Толеды на носилкахъ, 21 февраля 1526 года, исповѣдавшись и причастившись Святыхъ-Таинъ, и въ тотъ же день прибылъ въ Мольтальбанъ, лежащій миляхъ въ шести отъ Толеды. Тамъ болѣзнь его до того усилилась, что онъ почувствовалъ приближеніе смерти. Слѣдующій день онъ посвятилъ на примиреніе своей совѣсти съ Небомъ и умеръ 23 февраля, имѣя не бо-

(1) Charlevoix, *Hist. de Saint-Domingue*, l. IV.

лѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду. Его преждевременная кончина была ускорена огорченіями и несправедливостями, которымъ онъ подвергался почти безпрерывно. « Онъ потребилъ свои силы, говоритъ Геррера, на защиту правъ своихъ и себя лично противъ клеветы своихъ враговъ, которые старались хитростями и коварствомъ помрачить славу отца и добродѣтели сына (1). »

Мы видѣли, что открытіе Новаго-Свѣта было для Коломба источникомъ оскорбленій, и горестей, наполнившихъ весь остатокъ его жизни, и что зависть и вражда, преслѣдовавшія его, достались въ наслѣдство и его сыну. Теперь намъ остается только разсказать въ нѣсколькихъ словахъ о томъ, какъ сбылись надежды Коломба на утвержденіе въ его родѣ пріобретенныхъ имъ богатствъ и почестей.

Въ то время, когда донъ Діэго Коломбъ умеръ, супруга его и семейство находились въ Санъ-Домингѣ. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей, Людовика и Христофора, и трехъ дочерей, Марію, Іоанну и Изабеллу, изъ которыхъ первая вышла за-мужъ за донъ Санчо де-Кордову, вторая за донъ Людовика де-Куэру, третья за донъ Георга Португальскаго, графа де-Гельвеса. Онъ имѣлъ еще од-

(1) Herrera, decad. III, lib. VIII, cap. 15.

ного побочнаго сына, по имени Христофора (1).

По смерти донъ-Діэго, вице-королева, женщина съ возвышенною и благородною душей, оставшись вдовой съ пятью дѣтьми, заботилась о сохраненіи и поддержаніи своихъ фамильныхъ правъ. Зная, что на основаніи преимуществъ, данныхъ Христофору Коломбу, дѣти ея имѣли полное право на вице-королевское званіе въ провинціи Верагѣ, открытой ихъ дѣдомъ, она просила «Королевскую-Аудіенцію» въ Испаніолѣ, разрѣшить ее — набрать людей и снарядить эскадру для населенія означенной провинціи.» Королевская-Аудіенція» отказала ей въ этомъ требованіи и представила просьбу императору, который отвѣчалъ, что рѣшеніе ея должно отложить до-тѣхъ-поръ, пока будетъ признана законность ея требованія, потому-что, хотя онъ въ разныя времена и поручалъ многимъ

(1) *Memorial ajustado sobre el Estado de Veragua.* Шарльвуа упоминаетъ еще объ одномъ сынѣ, по имени Діэго, и называетъ одну изъ дочерей Филиппиною. Споторно говоритъ, что Марія, дочь Діэго, постриглась въ монахини, смѣшивая ее съ племянницей. Это мелочныя ошибки, которыя исправляются только для избѣжанія упрека въ небрежности. Излагаемыя здѣсь подробности о потомкахъ Коломба согласны съ родословнымъ деревомъ его фамиліи, предъявленнымъ въ «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи» въ продолженіе большой тяжбы за ея права.

лицамъ изслѣдовать сомнѣнія и возраженія, возникавшія со стороны правительства на счетъ правъ адмирала, однакожъ по сю-пору еще ничего окончательно не рѣшено (1). Такимъ-образомъ предпріятіе вице-королевы осталось навсегда безъ исполненія.

Спустя нѣсколько времени послѣ этой попытки, она отправилась въ Испанію, въ намѣреніи хлопотать о правахъ старшаго сына своего, донъ Людовика, которому исполнилось тогда шесть лѣтъ. Карла V не было въ Испаніи; но императрица приняла ее весьма благосклонно. Сынъ ея, донъ Людовикъ, былъ немедленно утвержденъ въ званіи адмирала Индіи; сверхъ-того, императоръ увеличилъ доходы вдовствующей вице-королевы и оказалъ другія милости ея семейству; только титула *вице-короля* никогда и никто не могъ склонить его утвердить за донъ Людовикомъ, несмотря на то, что это званіе было пожаловано отцу его, за нѣсколько лѣтъ до его смерти, какъ наслѣдственное (2).

Въ 1538 году мы видимъ молодаго адмирала, донъ Людовика, которому тогда исполнилось уже около восемнадцати лѣтъ, при дворѣ, отыскивающаго судебнымъ порядкомъ свое право на вице-королевскій титулъ. Два года спустя это дѣло было рѣшено третейскимъ

(1) Herrera, decad. IV, lib II, cap 6.

(2) Charlevoix, *Histoire de Saint-Domingue*, l. VI, p. 443.

судомъ, составленнымъ изъ дяди его, донъ-Фердинанда, и кардинала Лойасы, предсѣдателя «Совѣта о дѣлахъ Индіи.» По ихъ опредѣленію, донъ Людовикъ былъ наименованъ *генералъ-капитаномъ* Испаніолы, — но съ такими ограниченіями, что этотъ титулъ потерялъ все свое значеніе. Послѣ этого рѣшенія, донъ Людовикъ отправился въ Испаніолу; но не долго тамъ пробылъ. Онъ увидѣлъ, что всѣ его званія и преимущества не что иное какъ неизсякаемый источникъ безпрерывныхъ заботъ, которыя наконецъ до того утомили его, что онъ рѣшился предложить Карлу V добровольную сдѣлку, которая обезпечивала его спокойствіе и была пріятна правительству. Этой сдѣлкой онъ отказался отъ всѣхъ притязаній на санъ вице-короля Новаго-Свѣта, и въ замѣнъ его получилъ отъ императора титулъ герцога Вераги и маркиза Ямайки (1). Онъ уступилъ также права свои на десятую часть доходовъ съ Индіи, за пенсію въ тысячу золотыхъ дублоновъ (2). Донъ Людовикъ не долго пользовался этимъ доходомъ, умѣреннымъ, но вѣрнымъ, замѣнившимъ великолѣпныя, но безплодныя притязанія. Вскорѣ послѣ сдѣлки онъ умеръ, оставивъ по себѣ одного только побочнаго сы-

(1) Charlevoix, *Histoire de Saint-Domingue*, l. VI, p. 446 et 447.

(2) Spotorno, *Hist. de Colomb*, p. 120.

на, Христофора; но отъ брака съ донной Маріей де-Москуэра онъ имѣлъ двухъ дочерей, Филиппу и Марію; послѣдняя постриглась въ монахини въ Санъ-Квирцскомъ монастырѣ, въ Валенціи.

Такъ-какъ донъ Людовикъ не имѣлъ законнаго сына, то ему наслѣдовалъ племянникъ его, Діэго, сынъ брата его, Христофора. Но двоюродная сестра молодаго наслѣдника, Филиппа, дочь покойнаго донъ Людовика, объявила свои притязанія на наслѣдство, и между ними завязалось тяжба. Между-тѣмъ и Квирцской монастырь, въ которомъ постриглась донна Марія, объявилъ свои претензіи, на основаніи ея правъ. Побочный сына дона Людовика Христофора также вмѣшался въ тяжбу, но его тотчасъ-же устранили, по причинѣ его незаконнорожденности. Наконецъ донъ-Діэго и двоюродная сестра его, Филиппа, расчитавъ, что вмѣсто безконечной тяжбы имъ гораздо выгоднѣй соединить свои права посредствомъ брака, вступили въ супружество, и союзъ ихъ былъ счастливъ; однакожъ они не имѣли дѣтей. Діэго умеръ въ 1578 году бездѣтенъ, и съ нимъ пресѣклась прямая мужеская линія дома Христофора Коломба.

Тогда возникла одна изъ важнѣйшихъ тяжбъ, какія только когда-либо существовали въ мірѣ, за помѣстья и титулы великаго человѣка, открывшаго Новый-Свѣтъ. У дона Діэго было

двѣ сестры, Франсиска и Марія: первая изъ нихъ и дѣти второй объявили права свои на наслѣдство. Потомъ явился Бернардъ Коломбъ де-Коголетто, выдававшій себя за потомка по прямой линіи донъ-Варѳоломея Коломба, адлантадо, брата Христофора Коломба; но его притязанія отвергли, потому-что извѣстно было, что адлантадо не оставилъ по себѣ ниодного законнаго или признаннаго сына. Къ нимъ еще присоединился и вступилъ въ дѣятельное соискательство нѣкто Балдассаръ, или Балтазаръ Коломбъ, изъ дома Куччаро и Консано, въ Монферратскомъ герцогствѣ въ Піемонтѣ, нарочно пріѣхавшій въ Испанію изъ Италіи и проведшій нѣсколько лѣтъ въ отысканіи своего права на наслѣдство. Онъ предъявилъ родословное дерево своей фамиліи, на которомъ было означено имя Доминика Коломба, синьйора де-Куччаро, по увѣренію его, отца адмирала Христофора Коломба. Онъ доказалъ существованіе этого Доминика въ надлежащую эпоху и представилъ разныхъ свидѣтелей, которые показали, что знаменитый мореплаватель дѣйствительно родился въ замкѣ Куччаро и присовокупили, что онъ убѣжалъ оттуда съ двумя братьями, будучи еще весьма молодъ, и съ той поры уже не возвращался (1). Въ числѣ свидѣтелей упоминаютъ объ одномъ монахѣ,

(1) Bossi, *Hist. de Colomb, Dissert.*, p. 67.

который присягнулъ, что Коломбъ и братья его родились въ замкѣ Куччаро; но впослѣдствіи оказалось, что монахъ утверждалъ событіе, совершившееся болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до начатія процесса, и искатель принужденъ былъ взять это показаніе обратно. Притязанія Балтазара были отвергнуты и доказательства его не приняты, потому-что они основывались на однихъ лишь слухахъ и преданіяхъ. По представленнымъ имъ документамъ оказалось, что предокъ его, Доминикъ, умеръ въ 1456 году, между-тѣмъ какъ Доминикъ, отецъ Коломба, по неопровержимымъ доказательствамъ, жилъ еще болѣе тридцати лѣтъ послѣ означеннаго времени.

Тяжба была окончательно рѣшена «Совѣтомъ о дѣлахъ Индіи» 2 декабря 1608 года. Мужеская линія объявлена пресѣкшеюся. Наслѣдство, съ титуломъ герцога Верагскаго, досталось дону Нунно, или Нуньйо, Гельвесу де-Португалло, внуку Изабеллы, третьей дочери донъ Діэго, сына адмирала и донны Маріи де-Толеды. Нисходящая линія отъ двухъ старшихъ сестеръ Изабеллы, имѣла бо́льшія права; но она еще до рѣшенія тяжбы угасла совершенно. Изабелла вышла за-мужъ за донъ Георга Португальскаго, Графа де-Гельвеса: «и такимъ образомъ, говоритъ Шарльвуа, имѣнія и достоинства Коломба перешли въ отрасль Португальскаго дома Браганцовъ, основавшагося въ Испаніи, котораго наслѣдники

титулуются: *de Portugallo. Colon, duc de Veraguas, marquis de la Jamaïca, y almirante de las Indias* (1).»

Требованія Балтазара Коломба де-Куччаро, возобновлялись три раза, и всѣ три раза были отвергнуты Совѣтомъ. Ему отказали и въ вспомогательной пенсіи, назначенной завѣщаніемъ Коломба въ пользу бѣдныхъ родственниковъ, хотя противныя стороны изъявили на то свое согласіе (2).

Онъ умеръ въ Испаніи, послѣ многолѣтняго и безполезнаго иска. Сынъ его возвратился въ Италію, не отступившись однакожъ отъ своихъ притязаній и продолжая упорно доказывать ихъ дѣйствительность. Онъ говорилъ, что нельзя было и ожидать справедливости отъ Испанцевъ, потому-что они находили свои выгоды не выпускать изъ государства имѣній и титуловъ, принадлежащихъ его дому, и намѣкалъ, что предпочелъ кончить эту тяжбу частною мировою сдѣлкой съ своими противниками, получивъ съ нихъ двѣнадцать тысячъ золотыхъ дублоновъ. Споторно, основываясь на свидѣтельствѣ Игнатія де-Джіовани, ученаго каноника, называетъ этотъ намѣкъ хвастливою выходкой со стороны претендатора, которою онъ хотѣлъ прикрыть

(1) Charlevoix, *Hist. de Saint-Domingue*, t. I, l. VI, p. 477.
(2) Bossi, *Dissertation sur la patrie de Colomb.*

неудачу что́ доказывается всѣмъ извѣстною его бѣдностью (1).

Несмотря на то, однакожъ, фамилія Куччаро сохраняетъ по сю-пору свои претензіи и оказываетъ глубочайшее уваженіе къ памяти адмирала, знаменитѣйшаго изъ своихъ предковъ, и нѣкоторые путешественники донынѣ посѣщаютъ съ благоговѣніемъ древній замокъ ея, какъ мѣсторожденіе открывшаго Новый-Свѣтъ.

(1) Spotorno, p. 127.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 5.

Фернандо Коломъ.

Фернандо Коломбъ, или Колонъ, какъ его называютъ въ Испаніи, побочный сынъ и историкъ адмирала, родился въ Кордовѣ. Неизвѣстно въ точности время его рожденія. Эпитафія опредѣляетъ его 28 сентября 1488 года; а по оригинальнымъ бумагамъ, сохранившимся въ Севильской церкви и разсмотрѣннымъ дономъ Діэго Ортисъ-де-Цунигой, историкомъ того города, можно заключить, что онъ произошелъ на свѣтъ 29 августа 1487 года. Мать его, Беатриса Энрикесъ, принадлежала къ почтенной фамиліи, но не была супругой адмирала, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ ея біографовъ.

Въ началѣ 1495 года Фернандо съ старшимъ братомъ своимъ, Діэго, былъ представленъ ко двору дядей своимъ, донъ Варѳоломеемъ, для опредѣленія въ придворный штатъ, пажемъ принца Іоанна, сына и наслѣдника

Фердинанда и Изабеллы. Въ этомъ званіи онъ оставался, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, до самой смерти принца, а потомъ Изабелла взяла ихъ въ свою службу пажами-же. Слѣдственно, оба они получили хорошее воспитаніе, и Фернандо впослѣдствіи обнаружилъ на дѣлѣ пріобретенныя имъ познанія.

Въ 1502 году, еще въ весьма юныхъ лѣтахъ, именно на четырнадцатомъ или пятнадцатомъ году, онъ сопутствовалъ отцу своему въ его четвертой экспедиціи для открытій и переносилъ всѣ трудности плаванія съ мужествомъ, о которомъ адмиралъ разсказываетъ съ похвалою и удивленіемъ.

Послѣ смерти отца своего, Фернандо, кажется, еще два раза путешествовалъ въ Новый-Свѣтъ. Онъ сопровождалъ также императора Карла V въ Италію, Фландрію и Германію. Цунига говоритъ (*Annales de Sevilla* 1593; N 3), что онъ путешествовалъ по всей Европѣ и нѣкоторымъ частямъ Африки и Азіи. Фернандо былъ одаренъ умомъ, вкусомъ и самыми счастливыми наклонностями, и потому всѣ эти случаи къ пріобретенію познаній не были потеряны для него; онъ имѣлъ обширныя свѣденія въ геграфіи, навигаціи и естественной исторіи. При любознательномъ умѣ и любви къ чтенію, онъ составилъ себѣ избранную, но многотомную библіотеку, въ которой заключалось болѣе двадцати тысячъ печатныхъ книгъ и руко-

писей. Съ одобренія императора Карла V, онъ располагалъ учредить въ Севиллѣ академію и училище для математическихъ наукъ, и уже приступилъ къ исполненію своего намѣренія, выстроивъ великолѣпное зданіе за стѣнами города, на Гвадалквивирѣ, тамъ, гдѣ нынче монастырь Санъ-Лауреано. Но его здоровье было уже потрясено въ основаніи трудами, понесенными имъ въ продолженіе путешествій его моремъ и землею, и преждевременная смерть не допустила его выполнить этого предпріятія, прервавъ и всѣ другія его занятія. Онъ умеръ въ Севиллѣ 12 іюля 1539 года, имѣя отъ рожденія, какъ означено въ эпитафіи, пятдесятъ лѣтъ девять мѣсяцевъ и четырнадцать дней.

Онъ не оставилъ по себѣ дѣтей, и даже вовсе не былъ женатъ. Тѣло его погребено, согласно его желанію, въ Севильской соборной церкви, которой онъ завѣщалъ свою драгоцѣнную библіотеку. Ее помѣстили, говоритъ Цунига, въ отдѣльномъ церковномъ зданіи, бывшемъ нѣкогда королевскою часовней, убранномъ чернаго дерева шкафами превосходной отдѣлки, и въ которомъ стѣны и потолокъ росписаны альфреско, — гдѣ эта библіотека погребена и понынѣ, забытая и потерянная для свѣта (1).

Донъ Фернандо посвятилъ наукамъ боль-

(1) Zuniga, *Annales de Sevilla*, lib. XIV, p. 496.

пую часть своей жизни. Изъ надгробной его надписи видно, что онъ сочинилъ книгу въ четырехъ частяхъ, или четырехъ томахъ, которой заглавіе сглажено временемъ на памятникѣ, и самое сочиненіе потеряно для свѣта. Объ этой утратѣ должно сожалѣть тѣмъ болѣе, что по свидѣтельству Цуниги, основанномъ на остаткахъ надписи, книга эта содержала въ себѣ, между множествомъ историческихъ, нравственныхъ и географическихъ предметовъ, свѣденія о странахъ, въ которыхъ онъ путешествовалъ, и въ особенности о Новомъ-Свѣтѣ и о путешествіяхъ и открытіяхъ его отца. Но важнѣйшее его произведеніе, пережившее всѣ прочія,— «Исторія адмирала,» писанная на Испанскомъ языкѣ, — уцѣлѣла до нашего времени. Ее перевелъ на Италіянскій языкъ Алонсо де-Уллоа, и отъ этого-то перевода,— или лучше-сказать отъ втораго перевода, сдѣланнаго съ Италіянскаго на Испанскій языкъ, — произошли всѣ изданія этого сочиненія, появившіяся впослѣдствіи на разныхъ языкахъ. Странно, что оно сохранилось въ Испаніи не въ подлинникѣ, а въ переводѣ съ Италіянскаго перевода и исполнено ошибокъ противъ орфографіи собственныхъ именъ, также въ числахъ и разстояніяхъ. Донъ-Фернандо былъ очевидцемъ нѣкоторыхъ описанныхъ имъ событій, и именно—всего случившагося въ продолженіе четвертаго путешествія, въ которомъ онъ

сопровождалъ своего отца. У него находились бумаги и карты адмирала и новѣйшіе документы, изъ которыхъ онъ дѣлалъ извлеченія; наконецъ онъ былъ коротко знакомъ съ большею частью лицъ, дѣйствовавшихъ въ описанныхъ имъ происшествіяхъ. Исполненный правосудія и здравомыслія, онъ писалъ съ бо́льшимъ хладнокровіемъ, нежели сколько можно было ожидать этого, о предметахъ, касавшихся непосредственно чести, имущества и благосостоянія отца его, — и если должно сожалѣть о чемъ, такъ это единственно о томъ только, что онъ оставилъ въ неизвѣстности всю жизнь своего отца до самой эпохи открытій, — періодъ, заключающій въ себѣ около пятидесяти шести лѣтъ. Кажется, что онъ съ намѣреніемъ набросилъ тѣнь на этотъ безвѣстный промежутокъ жизни адмирала, желая представить его читателю тогда уже, какъ онъ сдѣлался славенъ своими подвигами и когда исторія его жизни слилась уже, нѣкоторымъ образомъ, съ исторіей человѣчества. Но тѣмъ не менѣе драгоцѣнно его сочиненіе и составляетъ краеугольный камень Исторіи Американскаго материка.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4.

Предки Коломба.

Кто были предки Коломба? Этотъ вопросъ, бывшій предметомъ жаркихъ преній, донынѣ не рѣшенъ удовлетворительнымъ образомъ. Многія богатыя фамиліи, владѣющія помѣстьями въ Плезансѣ, Монферратѣ и въ разныхъ частяхъ Генуэзской республики, объявляютъ притязанія на происхожденіе адмирала отъ ихъ домовъ, и къ нимъ недавно присоединилась еще одна благородная фамилія въ Моденѣ (1). Причина этого соперничества заключается въ простомъ, естественномъ желаніи — доказать свое родство съ великимъ человѣкомъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это желаніе проявлялось съ большимъ жаромъ, когда къ нему присоединялась надежда наслѣдовать титулы, почести и имущество Коломба, по пресѣченіи мужеской

(1) Spotorno, *Hist. mem.*, pag. 5.

линіи его потомковъ. Этотъ вопросъ окруженъ непроницаемою тмой, такъ что самые ближайшіе родственники адмирала, повидимому, ничего незнаютъ о своемъ происхожденіи.

Фернандо Коломбъ, въ «Жизнеописаніи адмирала,» послѣ пышнаго предисловія, въ которомъ онъ старается придать предкамъ отца своего какую-то неопредѣленную, неясную знаменитость, слегка упоминаетъ только о покушеніяхъ нѣкоторыхъ писателей затмить его славу предположеніями — будто-бы онъ родился въ той или другой ничтожной деревушкѣ, и распространяется съ большою благосклонностію о тѣхъ, которые опредѣляютъ его рожденіе въ мѣстахъ, гдѣ существовали знатныя фамиліи того-же имени и надгробные памятники съ гербомъ Коломбовъ и покрытыя ихъ эпитафіями. Онъ разсказываетъ, что услышавъ о родствѣ съ своимъ отцемъ двухъ братьевъ Коломбовъ, живущихъ въ замкѣ Кучурго, онъ лично посѣщалъ ихъ, и что младшему изъ нихъ было тогда уже за сто лѣтъ отъ роду. Однакожъ они не могли сообщить ему никакихъ свѣденій объ этомъ предметѣ. Послѣ того онъ обнаруживаетъ презрѣніе ко всѣмъ случайнымъ отличіямъ и объявляетъ, что «гораздо лучше начать родословную его фамиліи славою адмирала, чѣмъ доискиваться: разночинецъ-ли онъ

былъ, или имѣлъ соколовъ (1), » присовокупляя, что каждый день умираютъ тысячи знатныхъ людей, о которыхъ память изчезаетъ вмѣстѣ съ ними, даже между ихъ сосѣдами и родственниками, такъ-что впослѣдствіи нѣтъ возможности доказать, что они существовали.

Выразивъ такимъ-образомъ, въ этихъ и подобныхъ выраженіяхъ, равнодушіе свое къ суетнымъ отличіямъ свѣта, онъ жестоко возстаетъ на Августина Джіустиніани, называя его лжецомъ, опрометчивымъ, пристрастнымъ или недоброжелательнымъ соотечественникомъ, клеветникомъ адмирала — за то, что онъ сказалъ въ своемъ Psalterium, будто-бы Коломбъ въ молодости занимался механическими работами.

Но такъ-какъ, послѣ всѣхъ этихъ разсужденій, Фернандо оставляетъ вопросъ о рожденіи своего отца въ прежней неизвѣстности, — несмотря на то, что его щекотливость легко воспламеняется всякой разъ какъ только онъ встрѣчаетъ мѣсто, гдѣ приписываютъ ему скромное происхожденіе, — то все, что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ,

(1) Буквально по оригинальному—*cazador de volatetra, Сокольничій.* Птичья охота была въ то время увеселеніемъ самыхъ высшихъ сословій, и содержаніе соколовъ было почти необходимою отличительною принадлежностью дворянства.

приводитъ насъ къ убѣжденію, что онъ незналъ изъ исторіи своихъ предковъ ничего такого, чѣмъ-бы могъ гордиться.

Въ Геррерѣ есть нѣкоторыя подробности о благородствѣ и древности фамиліи Коломбовъ: вѣроятно отъ одной изъ отдаленныхъ вѣтвей этой фамиліи произошелъ и адмиралъ. Извѣстно, говоритъ Геррера, что императоръ Оттонъ II въ 940 году утвердилъ за тремя братьями — графами Петромъ, Іоанномъ и Александромъ Коломбо, феодальныя помѣстья, которыми они владѣли въ округахъ городовъ Акви, Савоны, Аста, Монферрата, Турина, Вичели, Пармы, Кремона, Бергама, и всѣми другими, которыя принадлежали имъ въ Италіи. Кажется, что эти братья Коломбо и тѣ, которые извѣстны подъ названіями де-Куччаро, де-Кучурео и де-Плезансъ, одни и тѣже лица, и что императоръ въ томъ-же году даровалъ имъ замки Куччаро, Консано, Россиньяно и другіе, и четвертую часть Бистаніи, принадлежавшей имперіи (1).

Отважнѣйшіе біографы, желавшіе во что-бы то ни стало облагородить происхожденіе Коломба, утверждали, что онъ сынъ владѣтеля Куччаро, Монферратскаго мѣстечка въ Піемонтѣ, и родился въ замкѣ своего отца, откуда вмѣстѣ съ братьями убѣжалъ и болѣе уже не возвращался. Этотъ фактъ доказыва-

(1) Геррера, decad. I, lib. I, cap. 7.

ли во время процесса, послѣдовавшаго по иску извѣстнаго Больдассара или Балтазара Коломбо, гражданина Генуэзскаго, родомъ изъ Куччаро, который объявлялъ притязанія на титулы и имущество фамиліи адмирала послѣ смерти Діэго Коломба, герцога Верагскаго, его правнука и послѣдняго потомка по прямой мужеской линіи. Но «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи» не призналъ притязаній Больдассара на это родство.

Эта романическая исторія, какъ и всѣ относящіяся къ благородству происхожденія Коломба, явно противорѣчатъ цѣлой его жизни, въ которой онъ принужденъ былъ бороться съ бѣдностью, незначительностью своего положенія въ свѣтѣ и тѣмъ предубѣжденіемъ, которое обыкновенно имѣютъ противъ людей неизвѣстныхъ фамилій.

« Можно ли повѣрить, говоритъ Босси, чтобъ человѣкъ, котораго враги безпрестанно укоряли въ низкомъ происхожденіи, не отвѣчалъ на ихъ обвиненія доказательствомъ своего благородства, еслибъ онъ былъ дѣйствительно потомокъ синьйоровъ де-Куччаро, де-Кансано или де-Россиньяно, и не воспользовался именами своихъ предковъ, которыя, послужили-бы ему столь сильною рекомендаціей въ глазахъ Испанскаго дворянства (1)? »

(1) *Dissertation*, etc.

Различныя фамилiи Коломбовъ, имѣющiя притязанiя на родство съ этимъ великимъ мореходцемъ, составляютъ, какъ кажется, вѣтви одного дерева, и невозможно сомнѣваться, чтобъ самъ онъ не происходилъ отъ какой нибудь дальней отрасли этого почтеннаго корня.

Совсѣмъ тѣмъ, ближайшiе предки Коломба, очевидно, принадлежали къ смиренному, но, трудолюбивому сословiю Генуэзскихъ гражданъ, до самаго Жiакомо Коломба, который, по словамъ историка Споторно, въ 1311 году былъ чесальщикомъ шерсти. И это легко согласуется съ намѣкомъ Фернандо Коломба, что фамилiя его отца была нѣкогда очень богата, но впала въ глубокую бѣдность отъ послѣдствiй Ломбардскихъ войнъ. И въ самомъ дѣлѣ, междоусобiя, раздиравшiя тогда Италiянскiя республики, расторгли и разсѣяли множество благороднѣйшихъ фамилiй, которыхъ однѣ отрасли сохранили обладанiе своими замками и помѣстьями, а другiя смѣшались съ самыми низшими классами городскихъ обывателей.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 5.

Мѣсторожденіе Коломба.

Мѣсторожденіе Коломба составляетъ предметъ важныхъ изслѣдованій. Колоссальность славы его такъ сильно поражаетъ умы, что многія государства стараются наперерывъ причислить его къ сонму своихъ сыновъ. И это очень естественно: никакое событіе не озаряетъ городъ такимъ блескомъ, какъ рожденіе въ немъ великаго человѣка.

Первоначальное и общепринятое мнѣніе было въ пользу Генуи; но впослѣдствіи Плезанскія, и въ особенности Піемонтскія, области объявили и поддерживали свои претензіи съ такою настойчивостью, что Генуэзская Академія Наукъ и Изящной Словесности рѣшилась въ 1812 году назначить для изслѣдованія ихъ притязаній особую комиссію изъ трехъ членовъ своихъ, синьйоровъ Серра, Карреги и Піаччіо.

Прежде всѣхъ писателей, оспоривающихъ честь мѣсторожденія Коломба въ пользу то-

го или другаго города, является Петро Марія Кампи, который утверждаетъ, въ своей ***Церковной Исторіи*** города Плезанса, что Коломбъ родился въ сосѣдственной съ этимъ городомъ деревнѣ Праделло. По надлежащемъ разобраніи дѣла, оказалось вѣроятнымъ, что Бертолино Коломбо, прадѣдъ адмирала, владѣлъ небольшимъ помѣстьемъ Праделло, съ котораго доходы получалъ впослѣдствіи Доминикъ Коломбо, урожденецъ Генуэзскій, а послѣ его смерти, дѣти его, Христофоръ и Варѳоломей. Но допустивъ даже несомнѣнность этого факта, мы не видимъ въ немъ доказательства, чтобъ адмиралъ, или отецъ его, или дѣдъ, были урожденцы деревни Праделло; напротивъ того, эти самыя обстоятельства приводятъ насъ къ заключенію, что постояннымъ мѣстопребываніемъ ихъ — была Генуя.

Притязанія Піемонта поддерживались болѣе вѣроятными доводами. Было доказано, что нѣкто Доминикъ Кодомбо владѣлъ замкомъ Куччаро въ Монферретѣ въ эпоху рожденія Христофора Коломба, который, какъ утверждали, былъ его сынъ и родился въ его замкѣ. Балтазаръ Коломбо, потомокъ Доминика, по пресѣченіи прямой мужеской линіи адмирала, вступилъ съ прошеніемъ въ «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи» о признаніи его наслѣдникомъ титуловъ и имѣній адмирала. Однакожъ Совѣтъ, какъ мы уже сказали выше (Приложеніе No 2), отвергъ его требованія,

потому-что, по разобраніи дѣла, оказалось, что Доминикъ Коломбо, отецъ адмирала, жилъ въ Генуѣ прежде смерти своего однофамильца, синьйора де-Куччаро, и долго еще послѣ него. Коммисары, назначенные Генуэзскою Академіей Наукъ и Изящной Словесности для изслѣдованія всѣхъ этихъ притязаній, послѣ продолжительныхъ и тщательныхъ розысканій, представили пространное и обстоятельное донесеніе въ пользу Генуи. Полное изслѣдованіе этого дѣла коммисіею помѣщено въ *Исторіи Коломба*, Босси, который подтверждаетъ ея мнѣніе въ одной ученой диссертаціи объ этомъ предметѣ. Еще можно присовокупить, что Пьеръ Мартиръ и Варѳоломей Ласъ-Касасъ, современники Коломба, знавшіе его лично, также Португальскій историкъ Хуанъ де-Барросъ, единогласно утверждаютъ, что Коломбъ родился — въ Генуэзской республикѣ.

Но послѣ этого главнаго рѣшенія, возникъ другой вопросъ, подавшій поводъ къ новымъ преніямъ,— но уже между самими Генуэзцами, именно о томъ, гдѣ родился Коломбъ: въ самомъ-ли городѣ Генуѣ, или въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ республики? Финале, Онегліа и Савона — города, лежащіе въ западной части Лигуріи, — Боччіаско, Коголетта и многіе другіе города и деревни, съ жаромъ доказываютъ свои права на эту честь. Фамилія Коломба владѣла небольшимъ помѣстьемъ

въ одной деревушкѣ, между Квинто и Нерви, которая называется *Torre dei Colombo* (1).

Варѳоломей Коломбъ, братъ адмирала, въ Латинской надписи на картѣ, представленной имъ Генриху VII, королю Англійскому, прибавилъ къ своей фамиліи — *de-Terra rubra*, и ФерандоКоломбъ говоритъ въ «Исторіи» своего отца, что и адмиралъ,» обыкновенно такъ подписывался до своего возвышенія.

Въ продолженіе нѣкотораго времени Когелетта одерживала верхъ надъ всѣми состязающимися городами. Въ этомъ городѣ есть нѣсколько фамилій, которыя считаютъ знаменитаго мореплавателя въ числѣ своихъ предковъ и хранятъ его портретъ. Говорятъ, что причина преимущества въ спорѣ Когелетты надъ другими городами заключается въ смѣшеніи адмирала, открывшаго Новый-Свѣтъ, съ двумя другими адмиралами того-же имени, которые родились въ ней, и изъ которыхъ съ однимъ, а можетъ быть и съ обоими, Коломбъ ѣздилъ въ морскія экспедиціи (2).

Притязанія Генуэзскаго городаСавоны недавно были поддержаны съ большою силою синьоромъ Жіовани Баттиста Беллоро, Савонскимъ адвокатомъ, въ остроумной диссертаціи, написанной въ видѣ письма отъ 12 мая 1826 года къ барону Заху, издателю одного весь-

(1) Bossi, Французскій переводъ, Парижъ, 1824, стр. 69.
(2) Bossi, Французскій переводъ, Парижъ, 1824, стр. 66.

ма уважаемаго астрономическаго и географическаго журнала (1).

Синьйоръ Беллоро утверждаетъ, какъ достовѣрный фактъ, что Доминикъ Коломбо долгое время былъ гражданиномъ Савоны; что онъ жилъ въ этомъ городѣ, и что Христоферъ Коломбъ подписалъ тамъ одну рукопись въ 1472 году.

Онъ говоритъ, что въ концѣ XIV столѣтія одна изъ площадей этого города называлась *Piatea Columbi*; что самому округу Савоны Лигурійское правительство дало названіе *Jurisdizione di Columbi*, въ полной увѣренности, что великій мореплаватель — Савонскій урожденецъ, и наконецъ, что Коломбъ наименовалъ одно изъ первыхъ своихъ открытій, — небольшой островокъ не вдалекѣ отъ Испаніолы, — *Савоной*.

Беллоро ссылается на многихъ Савонскихъ писателей, и въ особенности на поэтовъ; приводитъ также мѣста изъ разныхъ иностранныхъ историковъ и поэтовъ, и такимъ-образомъ утверждаетъ фактъ, поддерживаемый многими особами, которыхъ авторитетъ весьма уважается, что Коломбъ—урожденецъ Савонскій. Но въ особенности онъ опирается на свидѣтельство Маньифика Франсуа Спинолы, которое приводитъ Альбертъ Поллеро.

(1) *Correspondance astronomique et géographique du baron de Zach*, vol. XIV, Cahier 6, lettre XXIX, 1826.

Спинола говоритъ, что онъ видѣлъ въ Севиллѣ гробницу Христофора Коломба съ эпитафіей, которая положительнымъ образомъ опредѣляетъ мѣсторожденіе адмирала въ Савонѣ. «*Hic jacet Christophorus Columbus, Savonensis* (1). Доказательства синьйора Беллоро обнаруживаютъ его усердіе къ славѣ своего роднаго города, — но они недостаточны для оправданія факта, который онъ старается утвердить. Онъ ясно доказываетъ, что многіе писатели почитаютъ Коломба урожденцемъ Савонскимъ; но можно привесть еще гораздо большее число другихъ авторовъ, изъ которыхъ многіе были современники адмирала, нѣкоторые — короткіе друзья, иные — сограждане, свидѣтельствующихъ, что онъ родился въ городѣ Генуѣ. Даже изъ Савонскихъ писателей, Юлій Салиноріо, глубоко изслѣдовавшій этотъ предметъ, положительно выводитъ то-же заключеніе: «*Genova, citta nobilissima, era la patria de Colombo* (2). »

Синьйоръ Беллоро, кажется, справедливо утверждаетъ, что Доминикъ, отецъ адмирала, долго жилъ въ Савонѣ. Но изъ самой диссертаціи его видно, что Христофоръ, подписав-

(1) Philippo Alberto Pollero *Epicherema, cioe breve Discorso per difesa di sua persona e caratteri.* Torino, per Gio. Bat. Zappata, 1696 (читай: 1694); in 4°, pag. 47.

(2) Благороднѣйшій городъ Генуя былъ отечествомъ Коломба.

шій въ 1472 году, какъ свидѣтель, одну духовную, самъ именуется въ ней «Генуэскимъ урожденцемъ:» *Christophorus Colombus Lanegerius de Januâ.* Этотъ фактъ приводится и другими авторами, которые полагаютъ, что означенный Христофоръ былъ именно мореходецъ Коломбъ, навѣстившій своего отца въ промежуткѣ первыхъ путешествій своихъ. Слѣдственно, это обстоятельство не опровергаетъ, а утверждаетъ мнѣніе, что Коломбъ родился въ Генуѣ.

Эпитафія, на которую въ особенности опирается синьйоръ Беллоро, не можетъ быть принята какъ доказательство. Христофоръ Коломбъ былъ погребенъ не въ Севильскомъ соборѣ, и ему не воздвигнуто въ этомъ зданіи никакого памятника. Гробница, о которой говоритъ ученый прелатъ Филиппъ-Альбертъ Поллеро, вѣроятно, заключала въ себѣ прахъ Фернандо Коломба, сына адмирала, погребеннаго именно въ Севильскомъ соборѣ, которому онъ завѣщалъ свою прекрасную библіотеку, и въ которомъ сооруженъ ему памятникъ. Быть-можетъ также, что надпись, приведенная синьйоромъ Беллоро, была ошибочно снята Маньификомъ Франсуа Спинолой, на память, и подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія — что онъ передъ собой видѣлъ гробницу адмирала. Къ невѣрности памяти Маньифика должно отнесть и прозваніе *Savonensis*, потому-что Фернандо Коломбъ родился въ Кордовѣ.

Изслѣдованіемъ вопроса о мѣсторожденіи Коломба занимался также, съ величайшею тщательностію, Д. Жіовани-Батиста Споторно, ученый королевскаго университета въ Генуѣ, въ своихъ «*Историческихъ Запискахъ* о Коломбѣ,» и рѣшилъ его въ пользу Генуи. Въ доказательство, что фамилія Коломбовъ издавна жила въ этомъ городѣ, онъ приводитъ одну выписку изъ маклерской книги (*registre du notariat*), въ которой значится, что въ 1311 году гражданинъ, по имени. Жіакомо Коломбо, ремесломъ чесальщикъ шерсти, жилъ за воротами Св. Андрея; а изъ одной Записки (*Memoire*), изданной Генуэзскою Академіей, видно, что въ 1489 году Доминикъ Коломбо имѣлъ собственный домъ, лавку и садъ съ колодеземъ въ улицѣ Андреевскихъ-Воротъ, находившейся прежде внѣ города, — именно въ томъ самомъ мѣстѣ, какъ полагаютъ, гдѣ жилъ Жіакомо Коломбо, — и что онъ нанималъ еще другой домъ, принадлежащій монастырю Св. Стефана, въ Віа-Мульченто, ведущей изъ Андреевской улицы въ Страда-Джуліа (1).

Синьйоръ Босси говоритъ, что въ документахъ, недавно отысканныхъ въ монастырѣ Св. Стефана, часто упоминается имя Доминика Коломбо, съ 1456 по 1459 годъ, и что онъ означается въ нихъ сыномъ Джіовани

(1) Spotorno (Англійскій переводъ), стр. 11 и 12.

Коломбо, мужемъ Сусанны Фонтанароссы и отцомъ Христофора, Варфоломея и Жіакомо, или Діэго (1), и присовокупляетъ, что изъ приходной книги канониковъ видно, что послѣдняя сумма, слѣдующая за наемъ Доминикомъ Коломбомъ монастырскаго дома, уплачена имъ въ 1489 году. Онъ предполагаетъ, что адмиралъ родился въ этомъ самомъ домѣ, въ Віа-Мульченто, и былъ крещенъ въ церкви Св. Стефана. Онъ-же говоритъ, что комиссарамъ, назначеннымъ отъ Генуэзской академіи, была представлена на разсмотрѣніе одна древняя рукопись, съ отмѣткой нотаріуса на полѣ, что «имя Христофора занесено въ приходскую книгу этой церкви, въ которой онъ получилъ крещеніе (2).»

Андрей Бернальдесъ, Лосъ-Палаціосскій патеръ, искренній другъ Коломба, говоритъ, что онъ родился въ Генуѣ (3). Августинъ Джіустиніани, современникъ Коломба, утверждаетъ тоже въ своемъ ***Psautier polyglotte***, изданномъ въ Генуѣ въ 1516 году. Антоніо де-Геррера, авторъ отличающійся особенною точностью, хотя и не современникъ Коломба, но имѣвшій случаи разсматривать достовѣрнѣйшіе документы, также положительно говоритъ, что онъ родился въ городѣ Генуѣ.

(1) Босси (*Франц. перев.*) стр. 76.

(2) Босси (*Франц. перев.*), стр. 76.

(3) Cura de los Palacios, cap. 118, MS.

Къ этимъ именамъ можно еще присовокупить имя Александра Джеральдини, брата нунція, наставника дѣтей Фердинанда и Изабеллы и короткаго пріятеля Коломба(1); Антонія Галло(2), Варѳоломея Сенарайа (3) и Уберто Фогліетто (4), — которые всѣ были современники Коломба и урожденцы Генуэзскіе, и еще одного неизвѣстнаго автора, издавшаго въ Венеціи въ 1509 году описаніе своего путешествія, предпринятаго для открытій (5). Безполезно ссылаться на позднѣйшихъ историковъ, раздѣлявшихъ тоже мнѣніе, потому-что, конечно, они почерпали свѣденія изъ приведенныхъ нами источниковъ.

Мы вошли въ эти подробности о мѣсторожденіи Коломба потому, что вопросъ о немъ былъ предметомъ жаркихъ преній, продолжающихся и понынѣ. Можно однакожъ считать этотъ споръ окончательно рѣшенымъ, величайшимъ изъ всѣхъ авторитетовъ въ этомъ дѣлѣ, то-есть — словами самого Коломба, который въ духовномъ завѣщаніи своемъ, писанномъ въ 1498 году и принятомъ Испанскими судебными мѣстами за документъ въ тяжбѣ его потомковъ, объявляетъ въ двухъ мѣстахъ,

(1) Alexandre Geraldini, *Itin. ad reg. sub oequin.*

(2) Ant. Gallo, *Annales de Génes.* — Muratori, tom. XXIII.

(3) Senaraya. — Muratori, tom. XXVI.

(4) Foglietto, *Elog. clar Ligur.*

(5) Grineus, Nov. *Orb.*

что онъ родился въ городѣ Генуѣ: *Siendo yo nacido en Genova* — «я, урожденецъ Генуэзской,» и далѣе повторяетъ эти слова какъ-бы желая обратить на нихъ особенное вниманіе своихъ наслѣдниковъ и тѣмъ побудить ихъ къ выполненію нѣкоторыхъ обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ завѣщаніемъ и доказывающихъ его привязанность къ мѣсту своего рожденія. «Приказываю, упомянутому донъ-Діэго, сыну моему, или тому кто наслѣдуетъ вышеозначенное майоратство, имѣть всегда въ городѣ Генуѣ одного члена нашей фамиліи, назначивъ ему такую пенсію, чтобъ онъ могъ содержать себя прилично, какъ слѣдуетъ родственной намъ особѣ, съ тѣмъ, чтобъ онъ жилъ тамъ постоянно съ своимъ семействомъ, — и не прерывать своихъ связей съ Генуей, а считаться ея гражданиномъ, дабы означенный родственникъ, въ случаѣ надобности, могъ всегда найти тамъ помощь и защиту: *ибо я оттуда и родился тамъ* (1).»

(1) «Mando al dicho don Diego, mi hijó, o à la persona que herederà el dicho mayorasgo, que tenga y sostenga siempre en la ciudad de Génova una persona de nuestro linage que tenga alli casa y muger, y le ordene renta con que pueda vivir honestamente, como persona tan llegata à nuestro linage, y haga pie y raiz en la dicha ciudad como naturalde ella, porque podrà haber de la dicha ciudad ayuda y favor en las cosas del menester suyo, *por que de ella sali y en ella naci.*»

Въ другомъ мѣстѣ духовной онъ выражаетъ свои чувства къ Генуѣ съ сыновною нѣжностью. «Приказываю упомянутому Діэго, или тому, кто наслѣдуетъ майоратство, во всѣхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ всегда имѣть въ виду славу, благоденствіе и приращеніе могущества города Генуи, и употреблять всѣ средства и способы на защиту и увеличеніе благосостоянія и славы этой республики, во всемъ, что не будетъ противно служенію Церкви Господней и достоинству короля и королевы, нашихъ государей, и преемниковъ ихъ.»

Около 1785 года было найдено въ библіотекѣ Корсини, въ Римѣ, еще другое завѣщаніе Коломба, писанное имъ въ Валладолидѣ 4-го мая 1506 года, за шестнадцать дней до его смерти, безъ соблюденія установленныхъ формъ и незасвидѣтельствованное никакимъ судебнымъ мѣстомъ. Это завѣщаніе названо «Походнымъ,» потому-что оно принадлежало къ роду тѣхъ духовныхъ, которыя законъ дозволяетъ писать военнымъ людямъ наканунѣ сраженія и вообще во всѣхъ случаяхъ, когда имъ угрожаетъ смерть. Оно было написано адмираломъ на чистой страницѣ молитвенника, подареннаго ему папою Александромъ VII. Коломбъ завѣщалъ эту книгу «любезному отечеству своему, Генуэзской республикѣ.»

Въ этомъ «Походномъ завѣщаніи» Коломбъ приказываетъ своему наслѣднику учредить въ

Генуѣ больницу для бѣдныхъ; назначаетъ ей опредѣленный доходъ на содержаніе и утверждаетъ республику преемницею своего имущества по «адмиральству Индіи» въ случаѣ пресѣченія мужеской линіи его потомства.

Въ достовѣрности этого документа многіе сомнѣвались. Говорили, что вовсе неправдоподобно, чтобъ Коломбъ прибѣгнулъ къ обычаю, который, по всѣмъ вѣроятностямъ, не былъ ему извѣстенъ. На это возраженіе можно сказать, что Коломбъ, напротивъ того, очень хорошо зналъ всѣ особенности военной жизни, и не одинъ разъ, въ минуты опасности, когда угрожало ему какое-нибудь роковое событіе, писалъ письма изъ предосторожности. По числу, выставленному на этомъ завѣщаніи, видно, что оно было написано за нѣсколько дней до его смерти, — быть можетъ, въ тѣ часы, когда онъ считалъ себя при послѣднемъ издыханіи. Это обстоятельство можетъ объяснить нѣкоторое различіе между обыкновеннымъ его почеркомъ и тѣмъ, которымъ написано завѣщаніе, тѣмъ съ большею вѣроятностью, что припадки хирагры часто не позволяли ему писать иначе какъ только по ночамъ. Несходство подписи подало въ особенности поводъ къ сомнѣніямъ; но, кажется, Коломбъ не всегда подписывался одинаковымъ образомъ, и притомъ еслибъ завѣщаніе было подложно, то составитель его именно на эту часть обратилъ-бы особенное

вниманіе. Кромѣ того, подложность этого акта не представляла никакой выгоды обманщику, и во все время никто не дѣлалъ нималѣйшей попытки извлечь изъ него пользу. Въ 1502 году Коломбъ, приготовляясь къ отплытію въ четвертое и послѣднее путешествіе для открытій, отослалъ къ другу своему, Николо Одериго, бывшему Генуэзскому посланнику при Испанскомъ дворѣ, засвидѣтельствованныя Севильскими алькадами копіи со всѣхъ данныхъ ему Испанскими государями жалованныхъ грамотъ и высочайшихъ повелѣній, которыми возлагались на него разныя порученія, и въ тоже время просилъ особымъ письмомъ банкъ Св. Георгія въ Генуѣ выдавать этому городу десятую часть его доходовъ на уменьшеніе пошлины съ хлѣба, вина и другихъ припасовъ.

Что могло-бы побудить Коломба принимать столь живое участіе въ благоденствіи Генуи, еслибъ онъ родился не въ ней, а въ какой-нибудь другой Италіянской области, изъ числа оспоривающихъ честь называться мѣстомъ его рожденія? Онъ ничѣмъ не былъ обязанъ Генуѣ; провелъ въ ней немногіе годы своей молодости, и она же, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, отвергла его предложеніе объ открытіи «съ презрѣніемъ.» Ни что не можетъ объяснить его привязанности къ Генуѣ, кромѣ того сыновняго чувства, которое влечетъ сердце чело-

вѣка къ его родинѣ, какъ-бы далеко онъ не жилъ отъ ней, какъ бы давно въ ней не былъ, и какъ-бы мало не былъ обязанъ ей. И еслибъ Коломбъ родился въ которомъ нибудь изъ Генуэзскихъ городовъ или деревень, объявляющихъ на это притязаніе: съ какой стати онъ сдѣлалъ-бы всѣ эти завѣщанія — именно въ пользу города Генуи, а не роднаго своего города или деревни?

Эти завѣщанія очевидно были внушеніемъ того тайнаго чувства любви, которое привязываетъ насъ къ отечественному краю. Въ то время, когда онъ писалъ ихъ, онъ стоялъ уже выше всякаго вліянія ложнаго стыда на этотъ счетъ. Слава его была столь блистательна, что озарила-бы собой и самую убогую хижину, а любовь его къ родинѣ такъ сильна, что онъ не могъ въ послѣднія минуты своей жизни не заняться ею, не обнаружить ее явными доказательствами, и съ краю могилы не бросить взляда на свою колыбель. Уже однѣхъ этихъ причинъ, почерпнутыхъ изъ естественнаго чувства, кажется достаточно, чтобъ рѣшить вопросъ въ пользу Генуи.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 6.

Коломбы.

Въ первую половину жизни Коломба существовали два другіе мореплавателя того-же имени, занимавшіе довольно важныя мѣста во флотѣ и пользовавшіеся нѣкоторою знаменитостью. По словамъ Фернандо Коломба (1), оба они были родственники отца его, который участвовалъ иногда съ ними въ морскихъ экспедиціяхъ; а самъ Коломбъ въ одномъ письмѣ своемъ говоритъ: «Я не первый адмиралъ въ нашемъ родѣ.»

Эти однофамильцы были — дядя и племянникъ. Послѣдняго историки называютъ Коломбомъ-Младшимъ, а Испанскіе писатели — Коломбомъ-эль-Мозо. Дядя служилъ во Французской службѣ, вѣроятно вступивъ въ нее въ то время, когда Генуя находилась подъ покровительствомъ или, лучше сказать, подъ властью Франціи. Говорятъ, что онъ

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 1.

участвовалъ въ экспедиціяхъ Іоанна д'Анжу противъ Неаполя, и что Коломбъ бывалъ съ нимъ въ морскихъ предпріятіяхъ. Цурита упоминаетъ о старшемъ Коломбѣ, участвовавшемъ въ войнѣ Испаніи съ Португаліей, возгорѣвшейся по поводу требованій принцессы Іоанны на Кастильскій престолъ (1). Въ 1476 году Португальскій король рѣшился отправиться во Францію Средиземнымъ-Моремъ, въ намѣреніи склонить Людовика XI, своего союзника, внести войну въ провинцію Гвипускоа.

« Король, говоритъ Цурита, оставилъ Торо 13 іюня и проплылъ внизъ по рѣкѣ до города Порто, гдѣ остановился въ ожиданіи эскадры Французскаго короля, состоявшей подъ начальствомъ Колона (Коломба), долженствовавшей пройти Гибралтарской-Проливъ и бросить якорь въ Марсели.

« По нѣкоторомъ замедленіи, именно въ концѣ іюля, Коломбъ прибылъ съ Французскою эскадрой въ Бормео, на Бискайскомъ берегу, гдѣ претерпѣлъ сильную бурю и потерялъ адмиральскій корабль. Оттуда онъ отплылъ къ берегамъ Галиціи, въ намѣреніи атаковать Рибальдо, и потерялъ тамъ много людей. Наконецъ отправился къ Лиссабону, чтобъ принять на флотъ Португальскаго короля, который и отплылъ на его судахъ, въ

(1) *Annales de Arragon*, liv. XI, p. 261.

августѣ, посадивъ на нихъ двѣ-тысячи-двѣсти человѣкъ пѣхоты и четыреста-семдесятъ кавалеристовъ, для усиленія Португальскихъ гарнизоновъ на Варварійскихъ берегахъ. Эта эскадра состояли изъ двѣнадцати кораблей и пяти карабеллъ.

« Остановясь на нѣсколько времени у Цейты, флотъ отправился къ Колибрѣ, гдѣ король вышелъ на берегъ въ половинѣ сентября, потому-что бурное погода не позволила эскадрѣ дойти до Марсели (1). »

Этотъ Коломбо очевидно тотъ самый морской офицеръ, о которомъ Жоржъ Шофпье, въ своемъ *Supplement au Dictionnaire de Bayle* (2), говоритъ слѣдующее :

« Незнаю, до какой степени должно вѣрить факту, приведенному въ *Ducatiana* (Т. I, ст. 143) что Коломбъ (онъ разумѣетъ Христофора Коломба) начальствовалъ сильною эскадрой Людовика XI, и въ отмщеніе Испанцамъ, вторгшимся около того времени въ Руссильйонъ, счелъ себя въ правѣ, ненарушая мира между двумя державами, захватить ихъ суда, напавъ на двѣ галеры, зафрактованныя нѣсколькими частными лицами, и овладѣвъ ими. Король Фердинандъ, получивъ жалобу на этотъ поступокъ, требовалъ отъ Людовика XI удовлетворенія, называя, въ письмѣ своемъ

(1) Zurita, liv. XIX, p. 51.

(2) Tome II, page 126.

къ нему отъ 9 декабря 1474 года, ***Христофора Коломба*** Французскимъ подданнымъ, потому-что онъ, какъ извѣстно, родомъ изъ Генуи, которой настоящій государь Людовикъ XI, хотя герцогъ Миланскій и владѣлъ ею и Савоной въ качествѣ леннаго владѣтеля съ его согласія (1). »

Кажется, что флотъ, появившійся въ 1475 и 1476 годахъ въ Левантѣ и атаковавшій въ одномъ дѣлѣ Венеціянскую эскадру, прикрывавшую островъ Кипръ, былъ тотъ самый, которымъ командовалъ тотъ-же Коломбъ — дядя. Объ этомъ дѣлѣ упоминается въ одномъ письмѣ, писанномъ въ 1476 году двумя Миланскими дворянами къ своему герцогу, и на него ссылаетъ Босси, а за нимъ Споторно.

Коломбъ племянникъ, прозванный Испанцами Коломбо эль-Мозо, также командовалъ нѣсколько лѣтъ спустя Французской эскадрой, и имя его сдѣлалось ужасомъ Средиземнаго-Моря, какъ увидимъ въ другой статьѣ (Приложеніе № 8). Имена этихъ двухъ Коломбовъ, дяди и племянника, являясь изрѣдка и неопредѣленно въ темный періодъ жизни адмирала, ввели въ заблужденіе многихъ историковъ, которые смѣшали его съ ними. Фернандо Коломбъ говоритъ, что отецъ его въ продолженіе многихъ лѣтъ участвовалъ въ морскихъ экспедиціяхъ Коломба-Младшаго (1).

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 5.

Быть-можетъ, онъ и занималъ, въ разное время, въ эскадрахъ дяди и племянника какія-нибудь низшія командныя мѣста и участвовалъ въ описанныхъ нами произшествіяхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 7.

Экспедиція Іоанна д'Анжу.

Около того времени, какъ Коломбу исполнилось двадцать три года, Альфонсъ Аррагонскій, король Неаполитанскій, угрожалъ Генуѣ вторженіемъ. Это распространило всеобщее смятеніе въ его отечественномъ городѣ и подвергло его опасности. Генуя, чувствуя свое безсиліе бороться съ столь могущественномъ врагомъ и не найдя помощи въ Италіи, прибѣгнула къ покровительству Карла VII, короля Французскаго, который послалъ ей на помощь Іоанна д'Анжу, сына Рене, или Ренато, короля Неаполитанскаго, сверженнаго съ престола Альфонсомъ. Іоаннъ д'Анжу, иначе называемый герцогомъ Калабрійскимъ (1), немедленно принялъ начальство надъ городомъ,

(1) Титулъ герцога Калабрійскаго принадлежалъ сыну и наслѣднику короля Неаполитанскаго, какъ титулъ принца Гальскаго въ Англіи.

исправилъ его укрѣпленія и заперъ входъ въ гавань крѣпкими цѣпями. Въ продолженіе этого времени, Альфонсъ набралъ сильную сухопутную армію и соединилъ свой флотъ, состоявшій изъ двадцати кораблей и десяти галеръ у Анконы, на границахъ Генуи. Республика находилась въ величайшей опасности, какъ вдругъ Альфонсъ занемогъ *калантурой* (родъ воспалительной морской горячки, соединенной съ припадками бѣшенства) и умеръ, оставивъ королевство Аррагонское и Сицилійское брату своему, Іоанну, а Неаполитанское — сыну, Фердинанду.

Смерть Альфонса и послѣдовавшее за ней раздѣленіе его владѣній избавили Геную отъ опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ возродили надежды дома д'Анжу до-того, что герцогъ Іоаннъ, ободряемый тайными агентами Неаполитанскаго дворянства, рѣшился на отважное предпріятіе — возстановить оружіемъ свои права на Неаполитанскій престолъ. Генуэзцы приняли живѣйшее участіе въ его дѣлѣ и снабдили его кораблями, галерами и деньгами. Отецъ Іоанна, Рене или Ренато, снарядилъ для этой экспедиціи въ Марсельскомъ портѣ двѣнадцать галеръ, и велѣлъ обѣщать значительныя денежныя пособія и содѣйствіе Французскаго короля. Блистательная цѣль этой экспедиціи обратила на себя вниманіе предпріимчивыхъ умовъ того вѣка и привлекла подъ знамена герцога Калабрійскаго множе-

ство дворянъ, исполненныхъ рыцарскаго духа, простыхъ солдатъ, искателей фортуны; неустрашимыхъ корсеровъ, отважныхъ авантуристовъ и частныхъ людей, жаждущихъ добычи. Историки говорятъ, что въ это время Коломбъ служилъ въ Генуэзскомъ ополченіи на эскадрѣ, состоявшей подъ начальствомъ одного изъ своихъ однофамильцевъ и родственниковъ.

Экспедиція противъ Неаполя подняла паруса въ октябрѣ 1459 года и бросила якорь на высотѣ Сессы, между устьями рѣкъ Гарильяно и Вольторно. Вѣсть о прибытіи эскадры была знакомъ къ всеобщему возстанію въ Неаполѣ. Мятежные бароны и вассалы ихъ тотчасъ присоединились къ знаменамъ д'Анжу, и вскорѣ лучшія Неаполитанскія провинціи подчинились герцогу, между-тѣмъ какъ онъ съ арміей и эскадрой угрожалъ самому городу Неаполю.

Въ исторіи этой экспедиціи находимъ одинъ случай, показывающій дерзкую отважность флота, на которомъ находился тогда Коломбъ.

Армія Іоанна д'Анжу, будучи окружена и тѣсно сжата при устьѣ рѣки Сарно превосходнѣйшимъ непріятелемъ, находилась въ опасномъ положеніи. Въ это время главнокомандующій эскадрой сдѣлалъ съ своими экипажами высадку на берегъ и занялъ окрестности, въ надеждѣ пробудить своимъ появленіемъ въ народѣ прежній энтузіазмъ къ

знаменамъ д'Анжу и, быть-можетъ даже, овладѣть Неаполемъ нечаяннымъ нападеніемъ. Матросы, вовсе незнакомые съ дисциплиной сухопутныхъ регулярныхъ войскъ и проникнутые духомъ морскихъ разбоевъ и корсерствъ, разсѣялись по окрестностямъ для грабежа. Непріятель выслалъ противъ нихъ отрядъ пѣхоты, который сильнымъ натискомъ обратилъ ихъ въ бѣгство съ значительнымъ урономъ. Между-тѣмъ жители Соренты успѣли занять дефилеи, лежащіе на пути къ ихъ флоту, — напали на нихъ, и послѣ кровопролитной и ожесточенной драки, разбили на голову, такъ что очень немногіе только пробились къ кораблямъ. Говорятъ, что во время этого истребленія многіе матросы, въ изступленіи отчаянія, низвергались съ высокихъ скалъ въ море.

Борьба Іоанна д'Анжу съ Альфонсомъ за Неаполитанскій престолъ продолжалась четыре года. Сначала счастье благопріятствовало Іоанну, такъ-что онъ былъ уже, повидимому, близокъ къ цѣли своихъ усилій; но наступила несчастная полоса; онъ претерпѣлъ пораженіе на многихъ пунктахъ; возмутившіеся дворяне отстали отъ него одинъ за другимъ и покорились Альфонсу. Наконецъ герцогъ принужденъ былъ отступить къ острову Искіа, гдѣ онъ находился нѣкоторое время подъ защитой восьми галеръ, которыя въ тоже время крейсировали въ Неаполитанскомъ

Заливѣ (1). Полагаютъ, что на этой самой эскадрѣ, — столь благородно защищавшей дѣло герцога, въ счастьи и несчастьи, и оставившей его не прежде какъ уже онъ самъ отказался отъ своего несчастнаго предпріятія, — служилъ и Христоферъ Коломбъ.

(1) Colnucio, *Hist. Esp.*, lib. VII, cap. 17.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 8.

Взятіе Венеціянскихъ галеръ Коломбомъ-Младшимъ.

Такъ-какъ описаніе морскаго сраженія, во время котораго, по увѣренію Фернандо Коломба, отецъ его былъ выброшенъ на Португальскій берегъ, принято многими весьма уважаемыми историками, то не безполезно представить здѣсь особенныя причины, по которымъ это событіе не заслуживаетъ вѣроятія.

Фернандо положительно говоритъ, что это случилось въ дѣлѣ, о которомъ упоминаетъ Маркъ-Антоній Сабеликусъ въ восьмой книгѣ своей десятой «Декады;» что эскадрой, въ которой служилъ Коломбъ, командовалъ славный корсеръ, по имени Коломбо-Младшій (Коломбо-Эль-Мозо), и что Венеція отправила къ Португальскому королю посольство — благодарить его за помощь, оказанную имъ Венеціянскимъ капитанамъ и ихъ экипажамъ.

Не подвержено сомнѣнію, что Сабеликусъ упоминаетъ обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ; но дѣло въ томъ, что сраженіе происходило въ 1485 году, то-есть, уже спустя годъ ***послѣ отъѣзда Коломба изъ Португаліи.*** Цурита, въ своей Арагонской Лѣтописи, также говоритъ объ этомъ дѣлѣ, и оно помѣщено у него въ числѣ событій 1485 года. «Въ это время, говоритъ онъ, отплыли отъ Кадикса во Фландрію четыре Венеціянскія галеры, нагруженныя Левантскими товарами и въ особенности произведеніями Сициліи. Около мыса Санъ-Винцента напалъ на нихъ Французскій корсеръ, сынъ капитана Колона (Коломба), съ эскадрой, состоящею изъ семи кораблей, и 21 августа овладѣлъ ими (1).»

Въ «Исторіи Іоанна II», короля Португальскаго, сочиненый Гарсіей де Реезенде, заключаются болѣе подробныя свѣденія объ этомъ сраженіи, которое однакожъ и въ ней отнесено къ 1485 году. Авторъ говоритъ, что Венеціянскія галеры были взяты и ограблены Французами; что капитаны и экипажи этихъ галеръ, раненые и обобранные до чиста, и осыпанные всякаго рода оскорбленіями, были брошены на Каскоэсскомъ берегу, и тамъ получили помощь отъ донны Маріи де-Менезесъ, графини Монсанто; что король Іоаннъ II, узнавъ объ этомъ происшествіи,

(1) Zurita, кн. XX, гл. 64.

изъявилъ большое сожалѣніе, что подобное несчастье случилось у береговъ его владѣній, и желая доказать свое дружелюбное расположеніе къ Венеціянской республикѣ, велѣлъ ограбленныхъ капитановъ пригласить къ себѣ, приказалъ имъ выдать богатыя шелковыя, и изъ другихъ тканей, одежды, также лошадей и муловъ, чтобъ они могли представиться ко двору въ приличномъ видѣ, соотвѣтственно своему званію и достоинству республики, и принялъ ихъ съ особенною милостью и отличіемъ, наказавъ имъ, съ истинно царскою вѣжливостью, много пріятнаго какъ для нихъ лично, такъ и въ отношеніи къ Венеціянской республикѣ; выслушавъ разсказъ ихъ о сраженіи, въ которомъ они потеряли все, онъ велѣлъ имъ отпустить значительную сумму денегъ на выкупъ галеръ, а узнавъ, что Французскіе крейсеры перегрузили всѣ товары на свои корабли, запретилъ своимъ подданнымъ покупать что-либо изъ этого приза на всемъ пространствѣ своихъ владѣній; — что его великодушіе не ограничилось пособіемъ капитанамъ, но что онъ велѣлъ снабдить и экипажи всѣмъ нужнымъ и доставилъ имъ средства возвратиться въ Венецію на собственныхъ галерахъ; — что сановники республики были такъ глубоко тронуты щедростью короля Іоанна, что отправили къ нему большое посольство съ богатыми подар-

ками и съ изъявленіями живѣйшей признательности, возложивъ обязанность представителя посольства на Іеронима Доната, человѣка извѣстнаго глубокою ученостью и краснорѣчіемъ, котораго Іоаннъ принялъ самымъ почетнымъ образомъ и отпустилъ посольство съ подарками, достойными короля, въ числѣ которыхъ находились великолѣпно убранные мулы и клеперы и черные невольники въ богатыхъ одеждахъ (1).

Сабеликусъ, въ своей Венеціянской Исторіи (2) разсказываетъ это дѣло слѣдующимъ образомъ:

Четыре Венеціянскія галеры, подъ начальствомъ донъ Варѳоломея Миньйо, отплыли съ грузомъ. Когда онѣ находились на Иверійскомъ-Морѣ, Коломбъ-Младшій, племянникъ знаменитаго корсера Коломбо, съ

(1) Obras de Garcia de Reesende, c. 58. Evora, 1554.

(2) Маркъ Антоній Коччейо, извѣстный болѣе подъ именемъ *Сабеликуса*, — прозваніе, принятое имъ съ того времени, какъ онъ былъ увѣнчанъ въ педантской академіи Помпонія Летуса, какъ поэтъ. Онъ былъ современникъ Коломба, и въ восьмой книгѣ десятой «Декады» своей *Всеобщей Исторіи* упоминаетъ коротко объ его открытіяхъ. Нѣкоторые писатели называютъ его Титомъ-Ливіемъ своего вѣка; другіе обвиняютъ въ пристрастіи къ Венеціи. Скалигеръ укоряетъ его въ продажности, и утверждаетъ, что Венеціянское золото имѣло на него вліяніе.

семью вооруженными кораблями, встрѣтилъ ихъ ночью у Сакро-Промонтаріо, что нынѣ мысъ Санъ-Винцентъ. Хотя онъ настигъ эти галеры съ намѣреніемъ овладѣть ими, однакожъ не рѣшился вступить въ дѣло до разсвѣта; а чтобъ не потерять ихъ изъ виду, онъ слѣдовалъ за ними такъ близко, что носы его кораблей почти касались кормъ Венеціянскихъ судовъ. Съ наступленіемъ дня корсеръ началъ атаку, противъ которой Венеціянцы, не смотря на превосходство непріятеля въ корабляхъ и экипажахъ, держались нѣсколько времени довольно успѣшно. Рѣдко случается, чтобъ сраженія купеческихъ судовъ съ вооруженными кораблями были сопряжены съ столь огромною потерею людей, потому что первыя почти никогда не вступаютъ въ бой противъ сильнѣйшаго непріятеля, если не бываютъ вынуждены къ тому неизбѣжными обстоятельствами.

По увѣренію нѣкоторыхъ очевидцевъ этого дѣла, на Венеціянскихъ галерахъ погибло триста человѣкъ. Другіе считаютъ менѣе. Въ числѣ убитыхъ находились Лоренсо Мишель, капитанъ одной галеры, и Жіовани Дельфино, братъ другаго капитана. Сраженіе продолжалось отъ зари до двадцатаго часу дня (1). Венеціянцы были разбиты наголову.

(1) Сутки въ Италіи не дѣлятся на двѣ равныя части, по двѣнадцати часовъ въ каждой, — но просто на двадцать четыре часа.

Сначала сдалась *Дельфина*, а за ней и прочія три галеры. Люди, участвовавшіе въ этомъ упорномъ бою, говорили, что по окончаніи сраженія, на ихъ суднѣ лежало восемьдесятъ храбрыхъ, распростертыхъ на палубѣ отъ кормы до носа, и что непріятели, увидѣвъ ихъ, не могли воздержаться отъ состраданія и сказали съ гнѣвомъ, что Венеціянцы сами того хотѣли. Убитыхъ бросили въ море, а раненыхъ высадили на берегъ. Оставшіеся въ живыхъ были отвезены побѣдителями въ Лиссабонъ и тамъ распущены . . . . Король принялъ ихъ милостиво; больныхъ велѣлъ призрѣть, а прочимъ дать одежду и денегъ, каждому по званію. Кромѣ-того, въ цѣломъ королевствѣ запретилъ покупать товары, отнятые корсерами у Венеціянъ.

Вѣсть объ этомъ несчастномъ происшествіи распространила уныніе въ Венеціи: ея купцы лишились въ этомъ дѣлѣ двухъ-сотъ-тысячь червонцевъ, но потеря людей была для нихъ источникомъ еще сильнѣйшей горести (1).

(1) Marc. Ant. Sabelico, *Hist. Venet.*, decad. IV, lib. III.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 9.

Америкъ Веспуцій.

Америкъ Веспуцій былъ одинъ изъ первыхъ и самыхъ способныхъ мореплавателей, путешествовавшихъ по слѣдамъ Коломба. Многіе приписывали ему открытіе южнаго материка,— и по странной прихоти фортуны, именемъ его названъ цѣлый Новый-Свѣтъ. Но противъ этого составилась сильная противная партія, которая утверждаетъ, что Веспуцій не имѣлъ ни малѣйшаго права присвоивать себѣ открытія, и даже никогда не командовалъ никакою отдѣльною экспедиціей, а служилъ на эскадрахъ, которыми начальствовали другіе; что описаніе перваго его путешествія — чистая басня, и что онъ увидѣлъ въ первый разъ твердую землю уже послѣ открытія и обознанія ея берега Коломбомъ.

Такъ-какъ этотъ вопросъ былъ поводомъ къ жаркимъ и продолжительнымъ преніямъ,

породившимъ цѣлые томы сочиненій въ пользу и противъ него, то мы считаемъ не лишнимъ остановиться на немъ въ нашемъ произведеніи. Америкъ Веспуцій родился во Флоренціи 9-го марта 1451 года отъ благородной, но небогатой фамиліи. Отца его звали Анастасіемъ, мать — Елисаветой Мини. Онъ былъ третій сынъ и получилъ превосходное воспитаніе подъ руководствомъ своего дяди, Георга-Антонія Веспуція, ученаго монаха монастыря Св. Марка, дававшаго уроки многимъ знаменитымъ особамъ, того времени.

Америкъ Веспуцій прибылъ въ Испанію и поселился въ Севиллѣ, для надзора за коммерческими дѣлами Флорентійскаго дома Медичи и для поправленія дѣлъ своего неискуснаго брата, претерпѣвшаго много убытковъ и неудачъ (1).

Когда именно онъ пріѣхалъ въ Испанію — неизвѣстно; но сличивъ числа и обстоятельства, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своихъ письмахъ, надобно думать, что онъ уже былъ въ Севиллѣ когда Коломбъ возвратился изъ перваго своего путешествія.

Отецъ Станиславъ Канове, профессоръ математики во Флоренціи, издатель «Описанія жизни и путешествій Америка Веспуція,» говоритъ, что онъ, Веспуцій, былъ принятъ королемъ Фердинандомъ въ службу и посланъ

(1) Bandini, *Vita d'Amer. Vespucci.*

съ Коломбомъ во второе путешествіе для открытій. Онъ основываетъ этотъ фактъ на авторитетѣ одного мѣста въ Космографіи Себастіана Мюнстера, изданной въ 1550 году (1); но Мюнстеръ говоритъ, что Веспуцій сопутствовалъ Коломбу *въ первомъ* его путешествіи: слѣдственно ссылка Конове невѣрна; а сказаніе самаго Мюнстера опровергается письмами Веспуція, въ которыхъ онъ описываетъ энтузіазмъ, возбужденный въ немъ разсказами о новооткрытыхъ странахъ, и нигдѣ не говоритъ, чтобъ онъ участвовалъ въ которомъ нибудь изъ этихъ путешествій, о чемъ, безъ сомнѣнія, онъ не умолчалъ-бы, еслибъ дѣйствительно совершилъ ихъ, и даже описалъ-бы ихъ въ отдѣльномъ сочиненіи.

Первое положительное свѣденіе, которое мы имѣемъ о пребываніи Веспуція въ Испаніи, относится къ началу 1496 года. Изъ документовъ, сохранившихся въ королевскомъ архивѣ, видно, что онъ былъ агентомъ, или факторомъ, богатаго купеческаго дома Флорентійца Жуанато Бернарди, жившаго въ Севиллѣ и заключившаго съ Испанскими государями условіе о снаряженіи трехъ флотилій, каждую въ четыре корабля, для исправленія мѣстной службы въ новооткрытыхъ странахъ. Кажется, онъ былъ однимъ изъ участниковъ въ этомъ подрядѣ дома купцовъ Бернарди

(1) *Cosm. Munst.*, стр. 108.

потому-что когда Жуанато, въ декабрѣ 1495 года, умеръ, онъ въ январѣ слѣдующаго года занимался всѣми дѣлами по снаряженію экспедицій и условливался съ судохозяевами обо всемъ, что относилось къ платѣ и продовольствію припасами, сообразно условіямъ, заключеннымъ покойнымъ Жуанато Бернарди. 21 января 1496 года онъ получилъ отъ Бернарда Пинелло, королевскаго казначея, десять тысячь мараведовъ и продолжалъ заниматься приготовленіемъ всего нужнаго для снаряженія четырехъ карабеллъ, долженствовавшихъ, на основаніи договора между правительствомъ и домомъ Бернарди, отплыть въ Новый-Свѣтъ. Эти суда подняли парусa 3-го февраля 1496 года, но 18-го были застигнуты бурей и претерпѣли крушеніе; однакожъ весь экипажъ, кромѣ трехъ человѣкъ, спасся (1). Въ продолженіе этихъ занятій Америкъ Веспуцій необходимо долженъ былъ имѣть частые случаи къ свиданіямъ съ Коломбомъ, съ которымъ онъ повидимому всегда находился въ дружелюбныхъ отношеніяхъ, по свидѣтельству самаго адмирала въ письмахъ его къ сыну своему, Діэго. Бесѣды съ адмираломъ и личное участіе Веспуція въ снаряженіи экспедицій возбудили въ немъ желаніе посѣтить

(1) Всѣ эти подробности почерпнуты изъ рукописныхъ извлеченій, сдѣланныхъ изъ документовъ въ королевскомъ архивѣ Мюнносомъ, весьма уважаемымъ историкомъ.

новооткрытыя страны и взять личное участіе въ предпріятіяхъ, составлявшихъ тогда предметъ всѣхъ разговоровъ. Пріобрѣтя достаточныя познанія въ географіи и навигаціи, онъ приготовился устремиться на поприще открытій, и въ непродолжительномъ времени исполнилъ свое намѣреніе. Въ 1498 году Коломбъ, во время третьяго своего путешествія, открылъ берегъ Паріи, принадлежащій къ твердой землѣ, но который онъ принялъ за большой островъ, лежащій невдалекѣ отъ обширнаго материка. Онъ послалъ въ Испанію образцы перловъ, найденныхъ имъ на этомъ берегу, и представилъ самое восторженное описаніе сокровищъ, заключившихся, по его предположенію, въ открытой имъ странѣ.

Въ 1499 году экспедиція, состоящая изъ четырехъ кораблей, подъ начальствомъ Алонсо де-Ойеды, отплыла изъ Испаніи къ берегамъ Паріи, руководствуясь въ пути картами и письмами, полученными правительствомъ отъ Коломба. Эти бумаги были даны Ойеды его покровителемъ, епископомъ Фонсекой, главноуправляющимъ дѣлами Индіи, который исходатайствовалъ ему и самое позволеніе предпринять это путешествіе.

Полагаютъ, что Веспуцій участвовалъ въ издержкахъ на снаряженіе этой экспедиціи, и отправился съ ней въ морѣ на суднѣ, принадлежавшемъ дому Бернарди. Этимъ способомъ онъ пріобрѣлъ право раздѣлять выгоды

и потери предпріятія, потому-что Изабелла, какъ Кастильская королева, строго воспретила всѣмъ иностранцамъ производить торговлю съ ея за-Атлантическими владѣніями, не исключая даже и жителей королевства Арагонскаго.

Эскадра пристала къ Паріи, и прошедъ нѣсколько сотъ миль вдоль ея береговъ, признала ее за твердую землю. Она возвратилась въ Испанію въ іюнѣ 1500 года, а въ іюлѣ того-же года Америкъ описалъ свое путешествіе и послалъ его къ Лоренсу-ди Пьеръ-Франциско де-Медичи, во Флоренцію. Это описаніе оставалось неизвѣстнымъ, въ рукописи, до-тѣхъ-поръ, пока Бандини отыскалъ его и издалъ въ 1745 году.

Какъ въ описаніи этого путешествія, такъ и во всѣхъ другихъ, о разныхъ своихъ экспедиціяхъ, Веспуцій нигдѣ не называетъ по имени никого изъ лицъ, участвовавшихъ въ однихъ съ нимъ предпріятіяхъ. Онъ означаетъ время своего отъѣзда; говоритъ, что отплылъ въ море съ двумя карабеллами, — вѣроятно, снаряженными имъ или, вѣрнѣе, домомъ Бернарди, для этой экспедиціи; описываетъ занимательнымъ образомъ свое путешествіе и сношенія съ дикими, — и это описаніе сходствуетъ во многихъ существенныхъ пунктахъ съ отчетомъ о путешестіи, представленнымъ Ойедой и его спутниками

во время одного процесса, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Въ 1501 году Веспуцій, оставивъ безъ видимой причины Испанію, вступилъ въ службу Эммануила, короля Португальскаго, и отправился по его приказанію въ экспедицію, во время которой обозрѣлъ Бразильскіе берега. Это путешествіе онъ описалъ во второмъ письмѣ своемъ къ Лоренсо-ди-Пьеръ-Франциско де-Медичи, которое, такъ же какъ и первое его письмо, оставалось долгое время въ рукописи и было издано Бартолоччи уже въ 1789 году.

Но объ этомъ путешествіи Америка Веспуція, предпринятомъ по повелѣнію короля Эммануила, не найдено никакихъ свѣденій, ни малѣйшаго слѣда, въ государственномъ архивѣ Португаліи, въ Торре до Томбо, въ которомъ дѣланы были многократныя и весьма тщательныя разысканія по этому предмету. Странно также, что имя Веспуція не упоминается Португальскими историками, весьма точными въ означеніи именъ всѣхъ мореплавателей, занимавшихъ важныя мѣста въ ихъ отечествѣ, или оказавшихъ ему значительныя услуги. Совсѣмъ тѣмъ, не подвержено сомнѣнію, что онъ дѣйствительно совершилъ путешествіе около Бразильскихъ береговъ. По смерти Веспуція, племянникъ его, въ объясненіи по какому-то спорному пункту, опре-

дѣляетъ настоящую высоту мыса Св. Августина « по дневнику своего дяди. »

Въ 1504 году Веспуцій писалъ къ тому-же Лоренсо де-Медичи третье письмо, въ которомъ онъ излагаетъ уже гораздо пространнѣе подробности этого самаго путешествія, совершеннаго имъ въ Португальской службѣ. И это-то письмо составляетъ первое офиціяльное извѣстіе объ его путешествіяхъ. Кажется, оно было напечатано на Латинскомъ языкѣ въ Страсбургѣ, въ 1505 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: ***Americus Vespucius, de Orbe Antarctico per regem Portugalioe pridem invento*** (1).

Второе изданіе этого письма было напечатано въ Виченцѣ, въ 1507 году, въ Собраніи Путешествій, изданномъ Францискомъ ди-Монте-Альбоддо, безъ означенія имени автора; а въ 1508 году оно было переведено и издано въ Миланѣ на Италіянскомъ языкѣ, и въ то-же время перепечатано на Латинскомъ, въ одномъ сочиненіи, подъ заглавіемъ: ***Itinerarium Portugalensium.*** При составленіи этой статьи мы руководствовались Миланскимъ изданіемъ на Италіянскомъ языкѣ (2) и Ла-

(1) Panzer, tom. VI, pag. 33. *Apud Esame critico*, pag. 88, *anotazione* I.

(2) Это рѣдкое произведеніе, котораго одинъ экземпляръ находится у О. Рича, считается древнѣйшимъ « Собраніемъ Путешествій » изъ всѣхъ существующихъ нынѣ въ

тинскимъ переводомъ Симона Гринеуса, помѣщеннымъ въ его *Novus Orbis*, изданномъ въ Базелѣ въ 1532 году. Означенное письмо Веспуція относится собственно къ первому путешествію его изъ Лиссабона въ Бразилію, въ 1501 году,

Это-то путешествіе Америка Веспуція въ Бразилію дало поводъ думать, что онъ первый открылъ материкъ Новаго-Свѣта, и назвать его именемъ — сначала однѣ южныя

печати. Страницы въ немъ не нумерованы, а только восьмые листы намѣчены внизу азбучными буквами. Оно содержитъ въ себѣ древнѣйшее описаніе путешествій Коломба, начиная съ перваго отъѣзда его и до прибытія въ Кадиксъ, въ оковахъ. Письмо Веспуція къ Лоренсо де-Медичи, наполняетъ всю пятую книгу этого маленькаго тома. Говорятъ, подлинникъ «Собранія» написанъ на Испанскомъ языкѣ, но впослѣдствіи нѣкто, поимени Жокондо, перевелъ его на Италіянскій. Первое изданіе его, по увѣренію нѣкоторыхъ писателей, было напечатано въ Венеціи Альбертомъ Верчеллезе въ 1504 году году. Составленіе «Собранія» приписываютъ Анджелу Тривиджіани, секретарю Венеціянскаго посольства въ Испаніи, и, кажется, онъ почерпнулъ много подробностей о путешествіяхъ Коломба изъ рукописныхъ «Декадъ» Пьера Мартира, который несправедливо обвиняетъ въ этомъ похищеніи Алойзіуса Кадамосто, котораго путешествіе помѣщены въ томъ-же Собраніи. Заглавіе этого произведенія: *Libretto di tutta la navigazione del Re de Espagna, delle isole, e terreni nuovamente trovati.*

страны, а потомъ и весь Новый-Свѣтъ. Важность его путешествія весьма преувеличена. Бразилія была уже открыта въ 1500 году Пинсономъ, который взялъ ее формальнымъ образомъ во владѣніе на имя Испанскихъ государей, и въ томъ-же году Педромъ-Альваресъ-Кабралемъ, который занялъ ее именемъ Португальскаго правительства: оба эти обстоятельства были однакожъ неизвѣстны Веспуцію и его спутникамъ. Новооткрытая страна осталась за Португаліей на основаніи демаркаціонной линіи, проведенной по взаимному соглашенію обѣихъ державъ.

Веспуцій совершилъ другое путешествіе, находясь въ Португальской службѣ, въ званіи, какъ онъ говоритъ, — начальника карабеллы въ эскадрѣ, состоявшей изъ шести кораблей, снаряженныхъ для открытія Малаги, гдѣ, по слухамъ, находились магазины и большое коммерческое депо между Гангомъ и Индѣйскимъ-Моремъ. Что экспедиція для этой цѣли отправилась въ море около того же времени, подъ начальствомъ Гонсало Цело, это достовѣрно. По свидѣтельству Веспуція, эскадра подняла паруса 10 мая 1503 года, и пристала къ островамъ Зеленаго-Мыса, въ намѣреніи запастись тамъ свѣжими припасами и потомъ продолжать путь вдоль береговъ Сіерра-Леоне; но противные вѣтры и морское волненіе не позволили ей сдѣлать высадки на берегъ. Корабли взяли направленіе

на юго-западъ, и прошедъ триста миль, вступили въ третій градусъ южной широты, подъ которымъ открыли необитаемый островъ, мили въ двѣ длиною и около мили шириной. У этого острова, 10-го августа, однимъ неловкимъ маневромъ, адмиралъ ударилъ свой корабль о скалу. Между-тѣмъ какъ прочія суда спасали людей, Америку Веспуцію было поручено обойти островъ и отыскать удобную гавань. Онъ отправился на большомъ шлюпѣ съ половиной своего экипажа, потому-что остальные люди были посланы на другомъ шлюпѣ на помощь погибающему судну. Веспуцій отыскалъ гавань, но тщетно ожидалъ въ ней нѣсколько дней прибытія кораблей. Отплывъ отъ острова, онъ встрѣтилъ одно судно своей эскадры и узналъ отъ него, что адмиральской корабль потонулъ, а прочіе отправились далѣе. На этомъ суднѣ онъ отплылъ къ Бразиліи, сообразно королевскому повелѣнію, данному на случай раздѣленія между собою кораблей въ морѣ.

Прибывъ къ Бразильскому берегу, онъ открылъ славный заливъ Всѣхъ-Святыхъ и простоялъ въ немъ два мѣсяца, въ ожиданіи эскадры. Потомъ отошелъ на двѣсти шестдесятъ миль къ югу и пробылъ въ этомъ мѣстѣ пять мѣсяцевъ, построивъ на берегу укрѣпленіе и нагрузивъ корабль Бразильскимъ деревомъ. Послѣ того, оставивъ въ укрѣпленіи гарнизонъ изъ двадцати-четырехъ чело-

вѣкъ съ оружіемъ и припасами, онъ отправился въ Лиссабонъ и прибылъ туда въ іюнѣ 1504 года (1). Что сталось съ начальникомъ эскадры и четырьмя прочими судами, совершенно неизвѣстно.

Надобно думать, что Веспуцій не былъ вознагражденъ Испанскимъ королемъ соотвѣтственно своимъ звелугамъ, потому-что въ началѣ 1505 года мы находимъ его въ Севиллѣ на пути къ Испанскому двору, куда онъ ѣхалъ для исходатайствованія себѣ должности. Онъ везъ съ собою письмо отъ Коломба къ сыну его, Діэго, въ которомъ адмиралъ говоритъ о немъ съ жаромъ, какъ о своемъ другѣ и намѣкаетъ, что онъ претерпѣлъ неудачи. Вотъ это письмо:

« Любезный сынъ!

« Діэго Мендесъ уѣхалъ отсюда въ понедѣльникъ, 5 числа. Послѣ его отъѣзда я разговаривалъ съ Америкомъ Веспуціемъ, подателемъ этого письма, который отправляется ко двору по своимъ морскимъ дѣламъ. Счастье ему не поблагопріятствовало, какъ и многимъ другимъ. Труды его не принесли ему той пользы, какой онъ могъ ожидать по справедливости. Онъ ѣдетъ больше для меня, и очень желаетъ сдѣлать въ мою пользу, что будетъ въ силахъ. Здѣсь не могу придумать, чѣмъ онъ

(1) *Письмо Веспуція къ Содерини*, или *Рене*. Изданіе Канове.

можетъ быть полезенъ мнѣ при дворѣ, потому-что не знаю, чего тамъ можно просить. Поэтому, подумай, что онъ можетъ сдѣлать для меня и объяснись съ нимъ, чтобъ сообразно съ тѣмъ, онъ могъ говорить и дѣйствовать. Но все это должно остаться въ тайнѣ, чтобъ не навлечь на него подозрѣній. Я разсказалъ ему все, что нужно знать ему по этому дѣлу: сколько я получилъ, сколько мнѣ остались должны, и проч. (1).»

Письмо было писано отъ 5 февраля 1505 года. Около этого времени Америкъ Веспуцій получилъ отъ короля Фердинанда грамоту на право гражданства въ Испаніи, и вскорѣ послѣ того онъ и Пинсонъ были назначены капитанами въ одной эскадрѣ, которая отправлялась въ море для торговли пряными кореньями и для открытія новыхъ странъ. Донынѣ существуетъ еще королевское повелѣніе, данное въ Торо, 11 апрѣля 1505 года, о выдачѣ Америку Веспуцію (Amerigo de Vespuche), пребывающему въ Севиллѣ, двѣнадцати тысячь мараведовъ «на подъемъ,» по случаю отъѣзда его въ эту экспедицію, для которой были уже сдѣланы всѣ нужныя приготовленія и снаряжены суда; но дѣло кончилось тѣмъ, что предпріятіе было оставлено. Документы, относящіеся къ этому дѣлу сохранились до нашего времени. Они писа,

(1) Navarette, *Collect. Viag.*, tom. 1, page 351.

ны въ 1505, 1507 и 1508 годахъ и доказываютъ, что Америкъ Веспуцій все это время провелъ въ Севиллѣ, въ занятіяхъ по снаряженію эскадры, до самаго того времени, когда ей дано было другое назначеніе; заготовленныя для ней вещи и припасы проданы, и всѣ счеты сведены. Въ это время онъ получилъ денежное награжденіе въ тридцать тысячъ мараведовъ. 22 мая 1508 года онъ получилъ должность «главнаго лоцмана,» или «генералъ-лоцмана» съ жалованьемъ въ семдесятъ-пять тысячъ мараведовъ въ годъ. Главнѣйшія обязанности его по этому званію заключались въ приготовленіи картъ, въ испытаніи лоцмановъ въ ихъ познаніяхъ, въ надзорѣ за снаряженіемъ экспедицій, и въ назначеніи путей кораблямъ, отплывающимъ въ Новый-Свѣтъ. Кажется, въ этой должности онъ оставался до самой смерти, послѣдовавшей въ Севиллѣ 22 февраля 1512 года. Вдова его, Марія Коресо, получила пенсію въ десять тысячъ мараведовъ. По смерти Америка Веспуція, «генералъ-лоцманомъ» былъ назначенъ, 22 мая 1512 года, племянникъ его, Хуанъ Веспуцій, съ жалованьемъ въ двадцать тысячъ мараведовъ. Пьеръ-Мартиръ относится объ этомъ молодомъ человѣкѣ съ большею похвалой. «Молодой Веспуцій, говоритъ онъ, «какъ будто получилъ въ наслѣдство отъ «своего дяди точное познаніе всего, что долженъ знать искусный морской офицеръ;

«онъ весьма свѣдущъ въ употребленіи картъ «и компаса и въ измѣреніи посредствомъ «квадранта возвышенія полярной звѣзды.... «Веспуцій — мой искреній другъ; это весь- «ма остроумный молодой человѣкъ; я нахо- «жу большое удовольствіе въ его бесѣдѣ и «очень часто приглашаю его къ себѣ. Онъ «много путешествовалъ около здѣшнихъ бе- «реговъ и тщательно записывалъ все, что «видѣлъ (1). »

Веспуцій племянникъ исправлялъ должность генералъ-лоцмана до самой смерти Фонсеки, покровителя его дяди и всего ихъ семейства; но послѣ кончины епископа, Совѣтъ вскорѣ, и именно въ мартѣ 1525 года, лишилъ его этого мѣста и присвоеннаго ему жалованья. Въ архивѣ «Совѣта о дѣлахъ Индіи» нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ свѣденій о Веспуціѣ.

Вотъ краткій обзоръ всего поприща Америка Веспуція. Теперь остается намъ только разобрать нѣкоторыя спорныя статьи, относящіяся къ его жизни и къ открытіямъ въ Новомъ-Свѣтѣ.

Вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ послѣдней экспедиціи въ Бразилію, Америкъ Веспуцій написалъ изъ Лиссабона письмо, отъ 4 сентября 1504 года, содержащее въ себѣ общее обозрѣніе всѣхъ его путешествій. Это письмо составляетъ важнѣйшій документъ

(1) Pierre Martyr, decad. III, lib. V, Англ. переводъ Eden'a.

для предстоящаго разбора, потому что въ немъ одномъ только упоминается о томъ сомнительномъ путешествіи, которое, еслибъ было доказано — утвердило-бы за Веспуціемъ славу открытія твердой земли Новаго-Свѣта. Кажется, это письмо было писано на Латинскомъ языкѣ къ Рене, герцогу Лотарингскому, принявшему вспослѣдствіи титулъ короля Сицилійскаго и Іерусалимскаго. Достовѣрно только то, что первое извѣстное изданіе этого письма напечатано на Латинскомъ языкѣ въ Сенъ-Діэсѣ, въ Лотарингіи, въ 1507 году. Одинъ экземпляръ его найденъ въ Ватиканской библіотекѣ (N 9,688) аббатомъ Канчельери. При составленіи этой статьи мы соображались съ Латинскимъ письмомъ, перепечатаннымъ въ *Novus Orbis*, Гринеуса, изданномъ въ Базелѣ въ 1532 году. Оно содержитъ въ себѣ занимательное описаніе четырехъ путешествій Америка Веспуція, которыя, по его словамъ, совершилъ онъ въ Новый-Свѣтъ. Въ предисловіи онъ извиняется передъ королемъ Рене, что осмѣливается обращать его вниманіе на старинную дѣтскую пріязнь ихъ, — на то время, когда они учились вмѣстѣ начальнымъ основаніемъ наукъ подъ руководствомъ его дяди, и прибавляетъ, что если это описаніе, которое онъ посвящаетъ ему, непонравится его величеству, то ему останется сказать въ оправданіе тоже, ето сказалъ Плиній Мецe-

нету: «что эти бездѣлки забавляли его въ свое время (1).»

Далѣе, въ томъ-же предисловіи, онъ увѣдомляетъ Рене, что пріѣхалъ въ Испанію по коммерческимъ дѣламъ, и испытавъ въ ней различныя перемѣны въ состояніи, неразлучныя съ торговыми предпріятіями, рѣшился наконецъ отказаться отъ нихъ и обратить свои занятія къ предметамъ болѣе возвышеннымъ. Утвердясь въ этомъ намѣреніи, онъ составилъ для себя планъ дѣйствій, по которому располагалъ — прежде всего посѣтить разныя страны свѣта и осмотрѣть заключающіяся въ нихъ чудеса. Время и мѣсто благопріятствовали этому намѣренію, потому-что король Фердинандъ въ самое то время снаряжалъ четыре корабля для открытія новыхъ странъ на Западѣ, и назначилъ его въ составъ этой экспедиціи. «Мы подняли паруса, говоритъ онъ, въ Кадиксѣ, 20 мая 1497 года; переплыли Великій-Океанъ, и въ полтора года путешествія открыли множество земель и несчетное число острововъ,

(1) Здѣсь очевидная ошибка. Плиній жилъ въ царствованіе Траяна, а Меценатъ — при Августѣ. Слѣдственно Плиній не могъ относиться къ Меценату. Надобно думать, что Америкъ Веспуцій намѣкаетъ на слѣдующіе стихи Катула, писанныя имъ къ Корнелію Непоту:

. . . . . Namque tu solebas
Meas esse aliquid putare nugas.

большею частью обитаемыхъ и вовсе неизвѣстныхъ Старому Свѣту.»

Копія съ этого письма на Италіянскомъ языкѣ была, какъ говорятъ, послана въ тоже время къ Петру Содерини, бывшему впослѣдствіи «знаменоносцемъ» Флоренціи. Нѣсколько лѣтъ спустя, именно въ 1502 году, оно было издано въ Италіи, подъ заглавіемъ: *Lettera de Amerigo Vespucci delle isole nuovamente trovate in quatro suoi viaggi.* Мы читали Италіянское изданіе этого письма, помѣщеннаго въ «Собраніи» отца Станислава Канове, о которомъ мы уже упоминали,

Одинъ Италіянскій писатель утверждаетъ, что письмо Веспуція было писано собственно къ Содерини, и что Лотарингскій издатель, по ошибкѣ или желая польстить королю Рене, перемѣнилъ адресъ на его имя, вовсе не замѣчая, что воспоминаніе о старинной дружбѣ, относившееся къ Содерини, становилось неприличнымъ въ письмѣ къ монарху. Авторъ, который сдѣлалъ это замѣчаніе, едва-ли читалъ предисловіе Латинскаго изданія, въ которомъ слова: «ваше величество» встрѣчаются безпрестанно, и гдѣ употреблено выраженіе: «знаменитый государь.» Должно замѣтить также, что это письмо было напечатано сначала въ Лотарингіи, и потому невѣроятно, чтобъ издатель позволилъ себѣ подобную вольность съ именемъ своего государя. Остается только узнать, писалъ-ли

Веспуцій одно и тоже письмо къ королю Рене и къ Содерини, которые оба воспитывались вмѣстѣ съ нимъ, или къ послѣднему онъ послалъ только копію съ письма своего къ королю. Адрессъ Содерини могъ быть выставленъ Италіянскимъ издателемъ по ошибкѣ, тѣмъ болѣе, что оба эти изданія печатались безъ надзора Веспуція.

Путешествіе, о которомъ упоминается въ этомъ письмѣ, совершенное будто-бы въ 1497 году, составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ спорныхъ пунктовъ. Многіе рѣшительно утверждаютъ, что этого путешествія никогда не бывало, и что первая экспедиція Веспуція къ берегамъ Паріи — та самая, которою начальствовалъ Ойеда въ 1499 году. Въ подлинныхъ журналахъ эскадры, сохранившихся въ архивѣ «Индѣйскихъ дѣлъ,» въ Севиллѣ, и разсмотрѣнныхъ нами съ большимъ тщаніемъ, не найдено ни малѣйшаго свѣдѣнія о подобномъ путешествіи, — ни одного документа, который-бы относился къ нему. Кромѣ-того, знающіе основательно законы Испаніи, относящіеся къ подвластнымъ ей колоніямъ, говорятъ, что начальство надъ эскадрой, которое приписываетъ себѣ Веспуцій, не могло быть поручено иностранцу, не имѣвшему высочайшей грамоты на гражданство въ Кастильскомъ королевствѣ, — а такая грамота дана ему не прежде какъ уже въ 1505 году, въ видѣ предварительной мѣ-

ры для назначенія его, вмѣстѣ съ Пинсономъ, начальникомъ экспедиціи.

Изъ этого заключаютъ, что описаніе Веспуція о своемъ путешествіи 1497 года, нечто иное какъ басня, которую онъ выдумалъ въ намѣреніи присвоить себѣ славу открытія Паріи; или, вѣроятнѣе, что онъ раздѣлилъ путешествіе, дѣйствительно совершенное имъ съ Ойедой въ 1499 году, — извлекъ изъ него нѣкоторые обстоятельства, прикрасилъ ихъ, прибавилъ описаніе разныхъ странъ и народовъ, и давъ всему этому правдоподобный видъ, представилъ какъ отчетъ въ отдѣльномъ путешествіи, въ которое будто-бы онъ отправился изъ Испаніи въ 1497 году, съ тою цѣлью, чтобъ заставить приписать себѣ первое открытіе Паріи.

Въ подкрѣпленіе этого обвиненія указываютъ еще на разныя сходныя мѣста означеннаго путешествія, которое относитъ Веспуцій къ 1497 году, съ другимъ, 1499 года, описаннымъ въ первомъ его письмѣ къ Лаврентію де-Медичи. Эти сходства находятъ въ описаніи посѣщенныхъ имъ мѣстъ, свиданій и сраженій съ тузем цами и въ числѣ дикихъ, привезенныхъ въ Испанію и проданныхъ въ неволю.

Но достовѣрность этого путешествія подвергаютъ еще сильнѣйшему испытанію. Около 1508 года донъ-Діэго, сынъ и наслѣдникъ Коломба, вступилъ въ процессъ съ Испанскимъ

правительствомъ о правѣ на управленіе нѣкоторыми областями твердой земли Новаго-Свѣта и начасть доходовъ, которые съ нихъ получались, сообразно условіямъ, заключеннымъ отцемъего съ монархами. Выгоды правительства ебовали доказать, что Паріа и Жемчужные-Острова открыты не Коломбомъ: очевидно, что въ нитакомъ случаѣ притязанія его наслѣдника уничтожились-бы сами собою.

Въ продолженіе этого процеса, въ 1512 и 1513 годахъ, были призваны въ « Казенный-Судъ » (la cour du fisc свидѣтели и допрошены подъ присягой около ста человѣкъ, въ томъ числѣ Алонсо де-Ойеда, приставшій къ берегамъ Паріи спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Коломба. Показанія этихъ свидѣтелей существуютъ и понынѣ въ « Индѣйскомъ архивѣ, » въ Севиллѣ, въ числѣ бумагъ адмирарала донъ-Людовика Коломба, составлявшихъ часть дѣлопроизводства по тяжбамъ его съ 1515 по 1564 годъ за сохраненіе своихъ преимуществъ. Мы имѣемъ передъ глазами двѣ разныя копіи съ этихъ допросовъ: одну снятую историкомъ Мюнносомъ; другую, списанную въ 1826 году и засвидѣтельствованную домъ Тоте дела-Гигуэра-и-Лара, смотрителемъ «государственнаго архива Индѣйскихъ дѣлъ» въ Севиллѣ. Изъ нихъ ясно обнаруживается, что Америкъ Веспуцій въ 1499 году сопровождалъ Ойеду въ его путешествіи въ Новый-Свѣтъ, — во-первыхъ по показа-

нію самого Ойеды, въ которомъ сказано: «Въ это путешествіе упомянутаго свидѣтеля, были взяты имъ Іоаннъ де-ла-Коса и Морико Веспуцій (Америкъ Веспуцій) и другіе лоцманы (1).» Вторымъ доказательствомъ служатъ сходство многихъ мѣстъ описанія Веспуція съ нѣкоторыми обстоятельствами тогоже путешествія Ойеды. Одно изъ нихъ въ особенности поразительно. Веспуцій, въ письмѣ своемъ къ Лаврентію Медичи, и въ другомъ къ Рене, или Содерини, говоритъ, что суда его, по отплытіи отъ береговъ твердой земли, пристали къ Испаніолѣ и пробыли тамъ два съ половиной мѣсяца, запасаясь свѣжими припасами; и въ это время, прибавляетъ онъ, мы встрѣтили много затрудненій и подвергались разнымъ опасностямъ даже отъ самыхъ христіанъ, находившихся на этомъ островѣ съ Коломбомъ (что происходило, какъ я полагаю, отъ зависти) (2).

(1) En este viage que este dicho testigo hizo trajo consigo a Juan de la Cosa, piloto, y Morigo Vespuche y otros pilotos.

(2) Por la necessita del mantenimiento fummo all' isola d'Antiglia (Hispaniola) che aquesta che discoperse Cristoval Colombo più anni fa, dove facemmo molto mantenimiento e stemmo due mesi e 17 giorni, dove passamo molti pericoli e travagli con li medesimi cristiani che in questa isola stavanno col Colombo (eredo per invidia).

(*Письмо Веспуція*, изд. Канове).

Извѣстно, что Ойеда простоялъ нѣсколько времени у западной оконечности Испаніолы, для снабженія своихъ судовъ съѣстными припасами, и что между его людьми и отрядомъ Рольдана, высланнаго Коломбомъ для наблюденія за его движеніями, вышли важныя несогласія. И такъ, если Веспуцій, какъ это показано подъ присягой, дѣйствительно сопровождалъ Ойеду въ путешествіи 1499 года, то необходимо должно заключить, что путешествія его 1497 года вовсе не было: иначе оно было-бы извѣстно Ойедѣ, который объявилъ-бы Веспуція первымъ виновникомъ этого открытія, не имѣя никакой причины оспоривать у него право на его заслугу и приписывать ее Коломбу, которому онъ вовсе не доброхотствовалъ. Но Ойеда объявилъ положительнымъ образомъ, что берегъ Паріи открытъ Коломбомъ; и когда его спросили, почему онъ это знаетъ, онъ отвѣчалъ, что видѣлъ карту, присланную Коломбомъ къ королю и королевѣ, и отправясь вслѣдъ за тѣмъ въ путешествіе для открытій, удостовѣрился на мѣстѣ, что все означенное на ней адмираломъ въ видѣ новыхъ открытій, совершенно вѣрно (1).

(1) Preguntado como lo sabe, dijo que lo sabe porque vió este testigo la figura que el dicho almirante al dicho tiempo envió a Castilla al rey y reina nuestros sennores de lo que habia descubierto, y porque este testigo luego vino á descub-

Другой свидѣтель, Бернардо де-Гаро, показалъ, что онъ лично сопутствовалъ адмиралу во время открытія Паріи и писалъ (или, точнѣе, переписывалъ) письмо Коломба къ королю и королевѣ, означая на приложенной къ нему картѣ весь путь, по которому они плыли къ ней, и сверхъ-того слышалъ, что съ этой самой карты были здѣланы снимки, которыми руководствовались Педро Алонсо, Нинно, Ойеда и многіе другіе мореходцы, посѣщавшіе этотъ берегъ впослѣдствіи (1).

Франсуа де-Моралесъ, одинъ изъ искуснѣйшихъ и вмѣстѣ изъ самыхъ праводушныхъ лоцмановъ, объявилъ, что онъ видѣлъ морскую карту, составленную Коломбомъ, *и думаетъ, что она служила руководствомъ всѣмъ мореходцамъ.*

И много другихъ свидѣтелей, допрошен-

rir y hallò que era verdad lo que dicho tiene quel el dicho almirante descubrió. *(Процесъ дона Діэго Колона,* pregunta 2, MS.*)*

(1) Este testigo escribió una carta que el almirante escribiera al rey y reina nuestros sennores haciéndoles saber las perlas y cosas que habia hallado, y le envió sennalado con la dicha carta en una carta de marear, los rumbos y vientos por donde habia llegado á la Paria, y que este testigo oyó decir como por aquella carta se habian hecho otras ó por ellas habian venido Pedro Alonzo, Merino (ninno) y Ojeda, y otros que despues han ido à aquellas partes.

(Процесъ дона Діэго Колона, pergunta 9, MS.*)*

ныхъ въ этомъ дѣлѣ, показали единогласно, что берегъ Паріи открытъ прежде всѣхъ Коломбомъ. Лась-Касасъ принялъ на себя трудъ сосчитать ихъ, и говоритъ, что этотъ фактъ доказанъ двадцатью пятью *очевидными* свидѣтелями и шестьюдесятью, основывавшими свои показанія на слухахъ. Многіе свидѣтели объявили также, что южный берегъ Паріи, также какъ и простирающійся на западъ, къ острову Маргаритѣ, до Венецуэлы, которыхъ открытіе Веспуцій относитъ къ 1497 году и приписываетъ себѣ, открыты Ойедой, до котораго не приставалъ къ нимъ ни адмиралъ, ни кто-либо другой изъ христіанъ.

Алонсо Санчесъ де-Карвайаль говоритъ, что всѣ путешествія для открытій, предпринимаемыя къ твердой землѣ Новаго-Свѣта, были совершены тѣми людьми, которые — или сопутствовали адмиралу, или воспользовавшись его наставленіями и совѣтами, слѣдовали проложенными имъ путями (1). То-же утвердили и многіе лоцманы и опытнѣйшіе мореходцы.

(1) Que en todos los viages que algunos hicieron descubriendo en la dicha tierra que hubieran navegado conel dicho almirante y á ellos mostró muchas cosas de marear, y ellos por imitacion é industria del dicho almirante las aprendia y aprendieron à seguendo algo que el dicho almirante los habia mostrado, hicieron los viages que descubrieson en la tierra firme.

(Процесъ дона Діэго Колона, pergunta 10, MS.)

Странно было-бы предположить, что ни одинъ изъ всѣхъ этихъ свидѣтелей, изъ которыхъ многіе должны были участвовать въ путешествіи Веспуція къ берегамъ Паріи (еслибъ оно дѣйствительно было совершено имъ), не знали, что онъ открылъ и обозрѣлъ эти берега еще за два года до Коломба. Но допустимъ, что они не знали этого: въ такомъ случаѣ онъ скрывалъ отъ нихъ свое открытіе. Это уже вовсе не естественно. Веспуцій говоритъ, что онъ отплылъ въ свое путешествіе въ 1497 году на четырехъ карабеллахъ, возвратился изъ него въ октябрѣ 1498 года, и снова отправился, съ двумя карабеллами, въ маѣ 1499 года (время отплытія Ойеды): слѣдственно многіе изъ его людей должны были участвовать въ обѣихъ этихъ экспедиціяхъ. Кромѣ-того, почему Ойеда и другіе лоцманы руководствовались картами Коломба, если съ ними находился человѣкъ, который, при столь глубокихъ познаніяхъ въ мореплаваніи, обладалъ еще практическимъ знаніемъ того самаго берега, къ которому было направлено путешествіе и который онъ обозрѣлъ такъ недавно? И почему ни одинъ изъ лоцмановъ не упомянулъ ни слова при показаніи — именно о путешествіи и открытіяхъ Веспуція, между-тѣмъ какъ они не упустили ни одного мореплавателя, ни одного путешественника, который открылъ хотя какую нибудь страну? Мы не видимъ даже ни одного

мореходца, который-бы показалъ, что онъ сопутствовалъ Веспуцію въ его мнимомъ путешествіи.

Другое обстоятельство сильно возстаетъ противъ дѣйствительности этого путешествія: именно — упущеніе его изъ виду со стороны правительства во время процеса съ нимъ наслѣдниковъ Коломба, какъ доказательства, могущаго ниспровергнуть ихъ притязанія. Веспуцій говоритъ, что оно было предпринято съ дозволенія и подъ покровительствомъ короля Фердинанда: слѣдственно оно было дѣломъ гласнымъ, государственнымъ. Въ 1508 году, когда начался процесъ, и въ продолженіе четырехъ послѣдующихъ годовъ, Веспуцій жилъ въ Севиллѣ, состоя въ Испанской службѣ и получая отъ правительства жалованье: невозможно, чтобъ правительство не воспользовалось свидѣтельствомъ лоцмановъ и экипажей, сопутствовавшихъ ему въ этой экспедиціи, потому-что еслибъ дѣйствительность его путешествія была доказана, дѣло о Паріи тотчасъ-же кончилось-бы въ его пользу; но Веспуцій, сколько извѣстно, во всю свою жизнь ни одного разу не былъ требованъ для свидѣтельства, и въ 1512 и 1513 годахъ, при снятіи допросовъ въ «Казенномъ-Судѣ,» ни онъ, ни одинъ изъ его спутниковъ, не были призываны для показаній; даже не было и въ поминѣ этого путешествія, столь важнаго, само по себѣ, и

столь существенно необходимаго для рѣшенія спорнаго дѣла, между-тѣмъ какъ судьи истощались въ безполезныхъ усиліяхъ — извлечь доказательства изъ путешествія Ойеды, совершеннаго двумя годами позже.

Примѣчательно еще одно обстоятельство. Веспуцій начинаетъ первое письмо свое къ Лаврентію Медичи, писанное въ 1500 году, спустя мѣсяцъ послѣ возвращенія его изъ дѣйствительнаго своего путешествія къ берегамъ Паріи, — извиненіемъ въ долгомъ молчаніи, говоря, что съ нимъ не случилось ничего особеннаго, о чемъ-бы стоило разсказывать (*e gran tempo die non ho scritto a vostra magnificenza, e non lo a causato altra cosa nessuna, salvo non mi essere accorso cosa degna di memoria*). Потомъ онъ описываетъ ему въ живыхъ картинахъ чудеса, видѣнныя имъ въ путешествіи, изъ котораго онъ только-что возвратился. Какъ онъ могъ-бы сказать, что съ нимъ не случилось ничего важнаго, еслибъ онъ провелъ восемнадцать мѣсяцевъ, въ 1497 и 1498 годахъ, въ путешествіи въ новооткрытомъ свѣтѣ? Не менѣе странно и то, что онъ въ цѣломъ письмѣ не упоминаетъ объ этомъ путешествіи ниодного слова.

Мы старались разобрать этотъ вопросъ совершенно безпристрастно, — и взвѣсивъ тщательно факты и доказательства, представляемыя обѣими сторонами, не можемъ противиться убѣжденію, что путешествія, относи-

маго къ 1497 и 1498 годамъ, никогда не бывало, и что Веспуцій не имѣетъ нималѣйшаго права на славу открытія береговъ Паріи.

Этотъ вопросъ чрезвычайно затруднителенъ тѣмъ, что невозможно открыть достаточныхъ причинъ, подавшихъ поводъ къ столь грубой лжи. Въ то время, когда Веспуцій писалъ письма о своемъ мнимомъ путешествіи, никто не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ открытіи твердой земли Коломбомъ въ первое его путешествіе, потому-что Кубу всѣ почитали западною оконечностью Азіи, до самаго того времени, когда она въ 1508 году была обойдена вокругъ. Быть-можетъ, Веспуцій предполагалъ, что Бразилія, Паріа и остальная часть того берега принадлежатъ къ отдѣльному материку, и пожелалъ присвоить себѣ славу открытія этого материка. Увѣряютъ, что по возвращеніи изъ Бразиліи, онъ составилъ морскую карту, въ которой назвалъ всю осмотрѣнную имъ часть твердой земли — своимъ именемъ; но это не совсѣмъ доказано. Съ большею вѣроятностью можно заключить, изъ его-же собственнаго отчета о своихъ путешествіяхъ, что имя его было дано этой части материка не имъ, а другими (1).

(1) И это подтверждается Латинскимъ произведеніемъ, на которое мы уже ссылались, изданномъ въ Сенъ-Діесѣ, въ Лотарингіи, въ 1507 году, и содержащемъ въ себѣ письмо Веспуція къ королю Рене. Тамъ, послѣ разсужде-

Странно, что Фернандо, сынъ Коломба, въ жизнеописаніи отца своего, не укоряетъ Веспуція въ намѣреніи похитить у адмирала славу его открытія. Геррера, первый, обвиняетъ въ своей «Исторіи Индіи» Веспуція въ несправедливомъ присвоеніи чужаго открытія; но приверженцы послѣдняго укоряютъ этого историка въ томъ, что онъ основалъ свои обвиненія на однихъ своихъ догадкахъ. Но въ самомъ дѣлѣ Геррера повторилъ только то, что нашелъ въ Ласъ-Касасѣ, который прочиталъ всѣ судебные акты «Казеннаго-Суда,» и открывъ въ нихъ доказательства явнаго обмана, исполнился негодованія противъ Веспуція.

Нѣкоторые полагаютъ, что Веспуцій выдумалъ эту басню въ то время, когда искалъ мѣста въ Испанскихъ колоніяхъ, съ тою цѣлью, чтобъ пріобресть благосклонность епископа Фонсеки, который покровительствовалъ всему, что только могло вредить Коломбу, и въ доказательство приводятъ, что Веспуцій и вся его фамилія постоянно пользовались покровительствомъ Фонсеки. Но это обвиненіе слишкомъ слабо: не видно, чтобъ епископъ въ какомъ-либо случаѣ старался воспользо-

нія о трехъ частей свѣта, Европѣ, Азіи и Аѳрики, авторъ предлагаетъ назвать четвертую — *Amerige*, или *America*, именемъ Веспуція, которому онъ приписываетъ ея открытіе.

ваться этой ложью. Быть-можетъ, ложность этого дѣла можно объяснить не подвергая нареканію правдивости Веспуція, приписавъ ее, напримѣръ, ошибкѣ какого-нибудь издателя, или торопливости книгопродавца, который перебилъ отдѣльные матеріалы, составляя изъ нихъ твореніе, удовлетворявшее господствующему вкусу публики, подобно тому, какъ сдѣлалъ Тривиджіани съ рукописями Пьера Мартира. Въ разныхъ изданіяхъ писемъ Веспуція находятся самыя грубыя невѣрности и противорѣчія въ числахъ, что очевидно должно отнесть къ неисправности издателей, старавшихся болѣе о поспѣшности чѣмъ о тщательности своихъ изданій. Многія изъ этихъ погрѣшностей были исправлены критическими замѣчаніями новѣйшихъ писателей, которые помѣщали ихъ въ своихъ сочиненіяхъ (1). Таже неисправность въ

(1) Въ примѣръ такихъ погрѣшностей можно привесть одно обстоятельство изъ письма Америка Веспуція къ королю Рене, помѣщеннаго Гринеусомъ въ его *Novus Orbis*, 1532. Въ этомъ письмѣ Веспуцій говоритъ, что онъ отправился изъ Кадикса 20-го мая 1497 года, пробылъ въ морѣ восемнадцать мѣсяцевъ и возвратился въ Кадиксъ 15 октября 1499 года: что составляетъ двадцать девять мѣсяцевъ отсутствія. Время отъѣзда своего изъ Кадикса во второе путешествіе онъ опредѣляетъ 11-мъ мая 1489 года. Слѣдственно, основываясь на этомъ увѣдомленіи, второе путешествіе его предшествовало первому восемью годами.

изданіяхъ, которая произвела всѣ эти ошибки, могла быть причиной и запутанности всего путешествія, составленнаго изъ писемъ Веспуція съ примѣсью извѣстій, сообщенныхъ другими путешественниками. Впрочемъ, мы предлагаемъ эту мысль только какъ средство объяснить то, что кажется въ этомъ дѣлѣ явною ложью, въ которой намъ непріятно обвинять человѣка подобнаго Веспуцію, — отличавшагося столь здравымъ смысломъ и личными достоинствами и пользовавшагося уваженіемъ современниковъ.

Наконецъ все это дѣло возбуждаетъ только одно любопытство, не заключая въ себѣ дѣйствительной важности, — хотя оно и принадлежитъ къ числу тѣхъ сложныхъ спорныхъ вопросовъ, о которыхъ ученые до тѣхъ-поръ пишутъ огромные томы, пока предметъ не пріобрететъ искуственной важности самою сложностью и общирностью ихъ преній, подъ которыми онъ наконецъ совершенно исчезаетъ. Флорентійскіе ученые разбираютъ этотъ вопросъ какъ предметъ народной гордости и стараются, наперерывъ

Если даже замѣнить 1489 годъ 1499-мъ, все еще отъѣздъ Веспуція во второе путешествіе будетъ пятью мѣсяцами раньше возвращенія его изъ перваго. Канове, въ своемъ изданіи, перемѣняетъ число его возвращенія изъ перваго путешествія, и самое это событіе относитъ къ 1498 году, чтобъ приладить все это къ восемнадцати мѣсяцамъ.

одни передъ другими, выказать патріотическое усердіе оправданіемъ отъ всякаго нареканія добраго имени своего знаменитаго соотечественника: усердіе весьма похвальное, если только оно удерживается въ надлежащихъ границахъ; но, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ защитниковъ Веспуція до того увлеклись духомъ пренія, что дѣлали попытки очернить память Коломба и поколебать его колоссальную и столь справедливо пріобретенную славу, вовсе не замѣчая того, что самое низложеніе ея не могло-бы нисколько послужить въ пользу Веспуція. Эти поступки, не принося чести ни ихъ разборчивости, ни великодушію, вредятъ только собственному ихъ дѣлу и оскорбляютъ мнѣніе цѣлаго человѣчества, которое смотритъ съ отвращеніемъ на легкомысленныя или грубыя выходки противъ именъ подобныхъ Коломбову, вырывающіяся въ литературныхъ ссорахъ. Это имя принадлежитъ исторіи цѣлаго человѣчества, всему свѣту, — а не городу, не государству, не народу.

Впрочемъ, люди, способные оцѣнить надлежащимъ образомъ заслугу Коломба, не должны думать, чтобъ рѣшеніе этого вопроса касалось сколько-нибудь его славы. Онъ-ли первый открылъ берега Паріи, или другой кто — это ничего не значитъ: этотъ вопросъ могъ быть важенъ только для личныхъ выгодъ его наслѣдниковъ, потому-что отъ его

рѣшенія зависѣло пріобретеніе или утрата ихъ власти и доходовъ въ этой странѣ; но на знаменитость адмирала онъ не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія. По настоящему, первый Европеецъ, приставшій къ берегамъ твердой земли Новаго - Свѣта, былъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, Себастьянъ Кабо, Венеціянскій урожденецъ, находившійся въ Англійской службѣ, который въ 1497 году плавалъ вдоль береговъ материка отъ Лабрадора до Флориды. И однакожъ, ни Англичане, ни Венеціянцы, не объявляютъ по этому предмету никакихъ притязаній. Слава Коломба объемлетъ открытіе западнаго материка въ цѣлости; другіе могутъ объявлять претензіи только на части, — и въ этомъ отношеніи Веспуцій стоитъ на ряду съ Яннесомъ Пинсономъ, съ Бастидомъ, Ойедой, Кабо и множествомъ другихъ второстепенныхъ мореплавателей, предпринимавшимъ путешествія по его слѣдамъ. Коломбъ, приставъ къ берегамъ западнаго полушарія, совершилъ свое предпріятіе, — выполнилъ все, что было нужно для его славы: великая задача разрѣшилась — Новый-Свѣтъ былъ открытъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 10.

Мартинъ Алонсо Пинсонъ.

Во время процеса дона Діэго, сына и преемника Коломба, съ Испанскимъ правительствомъ, было сдѣлано слабое покушеніе унизить заслуги Коломба и приписать успѣхъ его великаго предпріятія смѣтливости и рвенію Мартина Алонсо Пинсона.

Аріа Пересъ Пинсонъ, сынъ Мартина Алонсо, объявилъ передъ Судомъ, что находясь однажды съ отцомъ своимъ по торговымъ дѣламъ въ Римѣ, еще до открытія Новаго-Свѣта, они часто бесѣдовали съ однимъ человѣкомъ, обладавшимъ глубокими познаніями въ космографіи, который находился на службѣ папы Иннокентія VIII, и что этотъ человѣкъ показывалъ имъ въ папской библіотекѣ много рукописей, изъ которыхъ въ одной отецъ его нашелъ сказаніе историка временъ Соломоновыхъ о неизвѣстныхъ странахъ, заключающее въ себѣ эти слова: «Плы-

«ви по Средиземному-Морю до конца Испа-
«ніи, а оттуда на закатъ солнца, держа путь
«между сѣверомъ и югомъ, до девяносто-пя-
«таго градуса: и найдешь тамъ страну Чи-
«панго, весьма плодоносную и изобильную,
«величиною съ Африку и Европу вмѣстѣ.»
Аріа Пинсонъ присовокупилъ къ своему по-
казанію, что отецъ его привезъ изъ Рима
копію съ этой рукописи, въ намѣреніи от-
правиться на поискъ указанной страны,
и часто собирался предпринять это путеше-
ствіе; наконецъ, когда Коломбъ пріѣхалъ въ
Палосъ съ своимъ проэктомъ открытія, онъ
показалъ ему эту рукопись, чѣмъ сильно
утвердилъ адмирала въ принятомъ имъ намѣ-
реніи, и кромѣ того далъ ему денегъ, чтобъ
онъ могъ представиться ко двору и предло-
жить тамъ свой планъ. По всей вѣроятности,
рукопись, о которой Аріа Пинсонъ сообщилъ
Суду столь неопредѣленное извѣстіе, съ па-
мяти, было не что иное — какъ повѣствованіе
Марко-Поло, уже читанное Коломбомъ, и къ ко-
торому были прибавлены разныя догадки на
счетъ Офира и Тарсиса и путешествій, совершен-
ныхъ кораблями Соломона. Позволительно даже
думать, что Мартинъ Алонсо Пинсонъ отпра-
вился въ Римъ тогда уже какъ умъ его былъ
воспламененъ бесѣдами съ Коломбомъ въ
Равидскомъ монастырѣ, — хотя Аріа и
утверждалъ, что рукопись была сообщена
Коломбу въ первое его прибытіе въ Палосъ.

Многіе свидѣтели единогласно показали, что Мартинъ Алонсо Пинсонъ сильно содѣйствовалъ Коломбу въ снаряженіи кораблей и наборѣ экипажей, и одинъ изъ нихъ, по имени Франсиско Гарсія Валлего, прибавилъ, что безъ содѣйствія Мартина Пинсона и его родственниковъ и друзей, адмиралъ не могъ-бы отплыть въ море, потому-что никто не захотѣлъ-бы ему ввѣриться, еслибъ Пинсонъ изъ усердія къ пользѣ и славѣ своихъ государей не склонилъ брата своего, Винцента Яннеса; сына, означеннаго Арію, и другихъ сопутствовать Коломбу, и что по его только убѣжденію и онъ, свидѣтель Валлего, согласился принять участіе въ этомъ путешествіи.

Тотъ-же Аріа, сынъ Пинсона, и Франсиско Гарсія Валлего, другъ его, утверждали, что адмиралъ, прошедъ около семи или восьми сотъ миль разстоянія на западъ и не встрѣтивъ земли, готовъ былъ возвратиться въ Испанію, особенно когда экипажъ его корабля началъ угрожать возмущеніемъ; но что Мартинъ Алонсо удержалъ его отъ этого намѣренія и подкрѣпилъ его бодрость. Мужество и упорное постоянство, составлявшія отличительныя черты характера Коломба и «Дневникъ» его, веденный изо дня въ день, — слишкомъ достаточны для опроверженія этого обвиненія, которое приверженцы Пинсона не упустили-бы доказать бо-

лѣе удовлетворительнымъ образомъ, еслибъ оно было справедливо.

Впрочемъ, не подвержено сомнѣнію, что Мартинъ Пинсонъ былъ искусный и способный мореплаватель; что онъ съ усердіемъ одобрилъ великій проэктъ открытія, сообщенный ему Коломбомъ, и оказалъ ему существенныя услуги при снаряженіи кораблей, назначенныхъ съ нимъ въ экспедицію; что во все продолженіе перваго путешествія Коломба, до открытія земли, онъ оказывалъ столько-же твердости какъ и усердія къ дѣлу; содѣйствовалъ адмиралу въ укрощеніи ропота экипажа и ободрялъ его, и что не прежде какъ уже по открытіи земли, когда блестящая перспектива быстраго обогащенія представилась его глазамъ, корыстное чувство пробудилось въ его душѣ и заставило его забыть долгъ повиновенія, столь необходимый для успѣха всякаго предпріятія и столь существенно важный въ подобной экспедиціи, необыкновенной и трудной.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 11.

Слухи, носившіеся о лоцманѣ, умершемъ въ домѣ Коломба.

Въ числѣ множества покушеній завистниковъ Коломба — помрачить его славу, въ особенности замѣчательно одно, сдѣланное въ намѣреніи похитить у него всю честь его открытія. Враги его распустили слухъ, что онъ узналъ о существованіи земель на западѣ отъ одного лоцмана, занесеннаго однажды сильнымъ восточнымъ вѣтромъ въ ту часть Океана, и который, по возвращеніи въ Европу, умеръ въ домѣ Коломба, оставивъ послѣ себя карты и журналъ своего путешествія, послужившія Коломбу указателями при его открытіяхъ.

Овидо, современникъ Коломба, первый упоминаетъ объ этой баснѣ въ своей *Исторіи Индіи*, изданной въ 1535 году, и говоритъ объ ней, какъ о неосновательномъ слухѣ, носившимся въ народѣ.

Фернандъ Лопесъ де Гомара, въ своей

Индѣйской Исторіи, изданной въ 1552 году, первый обращаетъ его въ формальное обвиненіе противъ Коломба. Онъ повторяетъ этотъ слухъ въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, очевидно основываясь на Овидо, но не опровергая его, подобно этому историку. Онъ говоритъ, что объ отечествѣ и имени лоцмана никто ничего не зналъ; что одни полагали, что онъ былъ Андалузецъ, занимавшійся крейсерствомъ между Канарійскими-Островами и Мадерой; другіе — что Бискаецъ, торговавшій съ Франціей и Англіей; иные наконецъ — что Португалецъ, путешествовавшій между Лиссабономъ и Миной, на Гвинейскомъ берегу; и прибавляетъ, что даже неизвѣстно, куда онъ отправилъ свою карабеллу: въ Португалію-ли, Мадеру, или къ которому-нибудь изъ Азорскихъ-Острововъ.

Распустившіе этотъ слухъ соглашались только въ одномъ—что онъ умеръ въ домѣ Коломба, и Гомара прибавляетъ, что это обстоятельство внушило Коломбу мысль предпринять путешествіе къ новымъ странамъ (1). Первые и современные Коломбу историки, сообщающіе намъ свѣденія о немъ самомъ и объ его путешествіяхъ, — именно: Сабеликусъ, Пьеръ Мартиръ, Джіустиніани, Бернальдосъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Лосъ Палаціосскаго патера, Ласъ-Касасъ,

(1) Gomara, *Hist. del Ind.*, cap. 14.

Фернандо, сынъ адмирала, и неизвѣстный авторъ «Путешествія Коломба,» переведеннаго на Латинскій и Италіянскій языки Мадругаиомъ (1), — ни слова не упоминаютъ объ этомъ слухѣ.

Бенцони, котораго *Исторія Новаго-Свѣта* была издана въ 1565 году, первый повторяетъ эту басню за Гомарой, своимъ современникомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открыто изъявляетъ свое мнѣніе, что Гомара примѣшалъ много ложнаго къ нѣсколькимъ истинамъ, въ намѣреніи унизить добрую славу Коломба, изъ зависти, что не Испанецъ, а другой пользуется честью открытія западныхъ странъ на Океанѣ (2). Акоста, въ «Естественной и нравственной Исторіи Индіи,» напечатанной въ 1591 году, только слегка упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, и очевидно заимствовалъ его у Гомары (3).

Маріана, въ своей «Испанской Исторіи,»

(1) *Navigatio Cristophori Columbi, Madrugano interprete.* Это сочиненіе заключается въ «Собраніи путешествій,» изданномъ въ 1555 году, подъ заглавіемъ *Novus Orbis Regionum;* но въ подлинникѣ оно было напечатано по-Италіянски подъ именемъ Монтальбода Франкансана (или Франкапано де Монтальдо) въ другомъ собраніи путешествій, изданномъ въ Венеціи въ 1507 году, подъ заглавіемъ: *Hist. del Nuevo Mundo.*

(2) Girolamo Benzoni, *Hist. del Nuevo Mundo,* lib. I.

(3) Padre Joseph de Acosta, *Hist. Ind.,* lib. I, cap. 19.

также говоритъ объ немъ; но сомнѣвается въ достовѣрности этого слуха, и явно почерпнулъ его изъ Гомары-же (1).

Геррера, издавшій свою «Индѣйскую Исторію» въ 1601 году, ни слова не говоритъ объ немъ, и изъ его молчанія должно заключить, что онъ отвергаетъ все это происшествіе, потому-что онъ весьма точенъ даже въ малѣйшихъ подробностяхъ. Исторія Гомары была ему совершенно извѣстна, и онъ оспориваетъ автора ея въ одномъ весьма важномъ пунктѣ (2).

Гарсилассо де-ла-Бега, Перуанскій урожденецъ изъ Куско, снова пустилъ въ ходъ эту басню, помѣстивъ ее въ своихъ *Комментаріяхъ на Инковъ*, изданныхъ въ 1609 году, и дополнивъ ее самыми отчетливыми подробностями. Онъ пересказываетъ эту исторію со всѣми ея околичностями; опредѣляетъ время событія — 1483-мъ, 1484 или 1485 годомъ; называетъ по-именамъ: несчастнаго лоцмана — Алонсо Санчесомъ де-Гуэльвой; мѣсто назначенія его судна — островомъ Мадерой, куда оно плыло отъ Канарійской группы, и землю къ которой его прибило — островомъ Испаніолой. Лоцманъ, по его словамъ, вычислилъ высоту этого острова и сдѣлалъ описаніе всего имъ видѣннаго и случившагося

(1) Juan de Mariana, *Hist. Esp.*, lib. XXVI, c. 3.

(2) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. II, lib. III, cap. I.

съ нимъ въ продолженіе его путешествія; потомъ запасся водой и дровами и отправился въ обратный путь, домой. Ему удалось достигнуть береговъ Европы; но этотъ переѣздъ былъ продолжителенъ; онъ претерпѣлъ бури, и изъ семнадцати человѣкъ, составлявшихъ его экипажъ, двѣнадцать умерло на пути, а остальные пять прибыли въ Терсеру, гдѣ Коломбъ оказалъ имъ гостепріимство; но всѣ они умерли у него въ домѣ отъ изнеможенія. Лоцманъ умеръ послѣдній, оставивъ хозяину въ наслѣдство всѣ свои бумаги. Коломбъ хранилъ объ этомъ происшествіи глубокое молчаніе, и впослѣдствіи, руководствуясь уже начертанными путями, открылъ Новый-Свѣтъ (1).

Вотъ сущность подробнаго описанія, сообщеннаго намъ Гарцилласомъ де-ла-Бега, спустя сто-двадцать лѣтъ послѣ ироисшествія. Онъ основываетъ свое повѣствованіе на разсказахъ своего отца и его сосѣдей, которыхъ разговоры объ этомъ предметѣ онъ часто слышалъ въ дѣтствѣ, и на Индѣйской Исторіи Акосты и Гомары. Разсказы отца и его пріятелей онъ могъ слышать, будучи дитятей, не позже какъ спустя шестдесятъ или семдесятъ лѣтъ послѣ мнимаго событія, о которомъ мы говоримъ, и промежутка времени съ той эпохи до изданія имъ своего

(1) *Commentarios de los Incas*, lib. IV, cap. 3.

сочиненія было уже слишкомъ достаточно, чтобъ эти пустые слухи приняли правильную форму дѣйствительнаго происшествія: поэтому мы находимъ уже въ его разсказѣ нетолько имя, родину и цѣль путешествія лоцмана, но даже названіе неизвѣстной земли, къ которой было занесено его судно.

Рѣшительный тонъ Гарсилласа де-ла-Беги и приведенныя имъ ссылки, увлекли многихъ старинныхъ историковъ (1), которые приняли его повѣствованіе за достовѣрное; ихъ мнѣніе отозвалось впослѣдствіи въ твореніяхъ новѣйшихъ историковъ: и такимъ-то образомъ на память Коломба легло важное обви-

(1) Вотъ имена историковъ, принявшихъ за истину этотъ вымыселъ, со всѣми его подробностями, и вмѣстѣ съ тѣмъ проистекающее изъ него обвиненіе противъ Коломба:

Bernardo Aldrete, *Antiguedad de Espana*, lib. IV, cap. 17.

Roderigo Caro, *Antiguedad*, lib. III, cap. 76.

Juan de Solorzano, *Ind. jure*, tom. I, lib. I, c. 5.

Fernando Pizarro, *Varones ilust. del Nuevo Mundo*, c. 2.

Agostino Torniel, *An. sacr.*, tom. I, anno mundi 1331, n° 48.

Pet. Damarez, или De Malis, dial. 4, *de Var. hist.*, cap. 4.

Gregorio Garcia, *Origin. de los Indios*, lib. I, cap. 4, § 1.

Juan de Torquemada, *Monar. Ind.*, lib. XVIII, cap. 1.

Jean-Baptiste Riccioli, *Gegr. refor.* lib. III.

Къ этому списку старинныхъ авторовъ можно прибавить еще много новѣйшихъ.

ненiе въ обманѣ и подлогѣ, утвержденное множествомъ уважаемыхъ авторитетовъ.

Источника этого обвиненiя надобно искать въ Гомарѣ, который повторилъ неопредѣленнымъ образомъ пустой слухъ, не упомянувъ ни слова объ опроверженiи, сдѣланномъ за семнадцать лѣтъ до него Овидомъ, ближайшимъ свидѣтелемъ дѣла, въ сочиненiяхъ котораго онъ, явно, почерпнулъ эту исторiю.

Впрочемъ Гомара извѣстенъ между историками своею неточностью и особенною готовностью легкомысленно принимать всякiе неосновательные слухи и разсказы (1).

Нѣтъ надобности отвѣчать подробнѣе на это обвиненiе, тѣмъ болѣе, что Коломбъ, какъ положительно извѣстно, сообщилъ свои идеи объ открытiяхъ на западѣ Пауло Тосканелли Флорентiйскому еще въ 1474 году, то есть десятью годами прежде того времени, къ которому Гарсиласо де-ла-Бега, относитъ свой фактъ.

(1) *Hijos do Sevilla*, n° 2, стран. 42, письмо F. Тоже говорится и въ *Biblioteca Espanola nueva*, lib I, p. 437. — Bernal. Diaz del Castillo, *Hist. de la Conquista de la Nueva Espana*, оконч. 18-й главы.— Juan-Bautista Munnos, *Hist. del Nuevo Mundo*, prologo XVIII.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 12.

Мартинъ Беэмъ.

Этотъ искусный географъ родился въ Нюрембергѣ, въ Германіи, вначалѣ 1430 года. Предки его были выходцы изъ Пильснерскаго округа, въ *Боземіи*: и по этой-то причинѣ нѣкоторые писатели называютъ его Мартиномъ *Боземскимъ*; а по сходству его собственнаго имени съ именемъ родины его предковъ, авторы вообще называютъ этого ученаго различнымъ образомъ.

Нѣкоторые историки говорятъ, что онъ получилъ воспитаніе подъ руководствомъ Филиппа Бернальдо старшаго; другіе — что учителемъ его былъ Іоаннъ Мюллеръ, извѣстный подъ именемъ Регіомонтануса. Де Мурръ, занимавшійся тщательными разысканіями, относящимися къ исторіи его жизни, не вѣритъ ни тѣмъ, ни другимъ. Изъ переписки Беэма съ своимъ дядей, найденной нѣсколько лѣтъ тому назадъ де Мурромъ, видно, что

первый періодъ его жизни былъ посвященъ торговымъ дѣламъ. Ему приписывали честь открытія острова Файалы; но эта ошибка произошла, вѣроятно, отъ того, что Іовъ де-Гуэртаръ, тесть Беэма, въ 1466 году завелъ на этомъ островѣ колонію.

Полагаютъ, что онъ пріѣхалъ въ Португалію въ 1481 году, въ царствованіе Альфонса V. Вскорѣ послѣ того, какъ извѣстно, онъ пріобрелъ при Лиссабонскомъ дворѣ такую знаменитость своими познаніями, что его назначили членомъ Совѣта, учрежденнаго Іоанномъ II для усовершенствованія мореплаванія, и нѣкоторые историки приписываютъ ему одному всю честь достопамятной услуги, оказанной Совѣтомъ торговлѣ приспособленіемъ астролабіи къ мореплаванію.

Въ 1484 году король Іоаннъ отправилъ экспедицію, подъ начальствомъ Діэго *Кама*,— какъ называетъ его Барросъ, или *Кана*, по другимъ, — для открытій на Африканскомъ берегу. Беэмъ участвовалъ въ этой экспедиціи въ званіи космографа. Экспедиція перешла равноденственную линію, открыла берегъ Конго, достигла двадцати-двухъ градусовъ сорока-пяти минутъ южной широты (1), и поставила на берегу два столба, или колонны, вырѣзавъ на нихъ Португальскій гербъ, при впаденіи Загры, которая по этой при-

(1) Murr, *Notice sur M. Behem.*

чинѣ называлась нѣкоторое время — Рѣкою-Столбовъ.

Говорятъ, что король Іоаннъ за услуги, оказанныя Беэмомъ какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, возвелъ его въ 1485 году въ званіе рыцаря. Однакожъ ни одинъ изъ современныхъ историковъ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ. Главнѣйшимъ доказательствомъ пожалованія ему этого почетнаго званія служитъ его подпись на сдѣланномъ имъ глобусѣ, гдѣ онъ титулуетъ себя: *Eques Lusitanus.*

Въ 1486 году онъ женился, въ Файалѣ, на дочери Іова Гуертара; полагаютъ, что онъ прожилъ на этомъ островѣ нѣсколько лѣтъ, и что тамъ родился у него, въ 1489 году, сынъ. По словамъ Герреры и другихъ писателей, онъ познакомился съ Коломбомъ во время пребыванія своего въ Лиссабонѣ, или на Файалѣ, и сообщилъ ему нѣкоторые слухи, носившіеся на островахъ о произведеніяхъ западныхъ странъ, приносимыхъ волнами къ ихъ берегамъ.

Въ 1491 году онъ отправился въ Нюрнбергъ, для свиданія съ родственниками, и сдѣлалъ тамъ, по просьбѣ главнѣйшихъ сановниковъ своего отечественнаго города, глобусъ земли, почитавшійся въ то время чудомъ искуства; а въ 1493 году возвратился въ Португалію и оттуда отправился въ Файалу.

Въ слѣдующемъ году король Іоаннъ II,

имѣвшій высокое мнѣніе о Беэмѣ, послалъ его во Фландрію къ побочному сыну своему, принцу Георгу, наслѣднику престола. На пути туда Беэмъ былъ взятъ въ плѣнъ и привезенъ въ Англію, гдѣ онъ занемогъ и пробылъ три мѣсяца. Оправясь отъ болѣзни, онъ оставилъ Англію; но на пути опять былъ взятъ однимъ корсеромъ, который привезъ его во Францію. Заплативъ за себя выкупъ, Беэмъ отправился въ Антверпенъ, потомъ въ Брюгге, и вскорѣ возвратился въ Португалію.

О послѣдующихъ годахъ его жизни нѣтъ никакихъ свѣденій; полагаютъ, что онъ уѣхалъ въ Файалъ и жилъ тамъ съ своимъ семействомъ, не въ состояніи будучи, по преклонности лѣтъ, предпринимать дальнѣйшихъ странствованій. Наконецъ въ 1506 году онъ прибылъ въ Лиссабонъ и тамъ умеръ.

Мнѣніе, будто-бы Беэмъ открылъ Западный Свѣтъ прежде Коломба, во время путешествія его съ Камомъ, основано на ложномъ истолкованіи одного вставнаго мѣста въ «Хронику» Гартмана Шеделя, современнаго писателя. Въ этомъ вставномъ мѣстѣ сказано, что Камъ и Беэмъ, находясь на Южномъ-Океанѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ земли, по переходѣ уже равноденственной линіи, вступили въ другое полушаріе, гдѣ тѣнь отъ нихъ падала на югъ по правую руку, когда они стояли лицемъ къ востоку, и что

они открыли въ этомъ другомъ полушаріи новый міръ, дотолѣ никому неизвѣстный и долго отыскиваемый Генуэзцами безуспѣшно.

«Hi duo, bono deorum auspicio, mare me-«ridionale sulcantes, a littore non longè eva-«gantes, superato circulo equinoctiali, in alte-«rum orbem excepti sunt, ubi ipsis stantibus «orientem versûs, umbra ad meridiem et dex-«tram projiciebatnr. Aperuere igitur suâ in-«dustriâ alium orbem hactenùs nobis incogni-«tum, et multis annis, a nullis quàm Janu-«ensibus, licet frustrà, temptatum.»

Эти строки составляютъ часть того мѣста, которое говорятъ, вписано въ оригинальный манускриптъ «Хроники» Шеделя другою рукой. Де-Муръ увѣряетъ, что въ Нѣмецкомъ переводѣ «Хроники,» Георга Альта, конченнаго 5 октября 1493 года, этихъ строкъ нѣтъ; но еслибъ онѣ и были — во всякомъ случаѣ это значило-бы только, что Діэго Камъ открылъ южное полушаріе, дотолѣ неизвѣстное, и заэкваторные берега Африки, что́ вообще считалось тогда Новымъ-Свѣтомъ. Чтожъ касается до Генуэзцевъ, дѣлавшихъ неудачныя покушенія, то это были — Антоній де Нолле, братъ его Варѳоломей, и племянникъ, Рафаэль де Нолле. Антоній принадлежалъ къ благородной фамиліи; удалился изъ своего отечества по какому-то неудовольствію и прибылъ въ Испанію съ братомъ своимъ и племянникомъ на двухъ карабеллахъ. Впослѣд-

ствіи они предпринимали морскія путешествія, состоя въ Португальской службѣ, открыли островъ Сантъ-Яго и проч. (1).

Эта вставная статья въ «Хронику» Шеделя была помѣщена также, въ царствованіе Фридриха III, въ «*De Europa*,» — сочиненіи Энея Сильвіуса, впослѣдствіи папы Пія II, умершаго въ 1464 году, за долго до означеннаго путешествія. Неправильное истолкованіе ея было первымъ поводомъ къ толкамъ, что Беэмъ открылъ Новый-Свѣтъ прежде Коломба, — какъ будто-бы это событіе могло совершиться безъ гласнаго притязанія со стороны Беэма на славу открытія, и не сдѣлавшись въ то же время извѣстнымъ цѣлому свѣту. Эта басня была повторена разными писателями, которые не обратили на нее должнаго вниманія; а нѣкоторые изъ нихъ отнимали даже у Магеллана славу открытія пролива, извѣстнаго подъ его именемъ, чтобъ увѣнчать ею Беэма. Это заблужденіе слишкомъ ощутительно и не могло быть общепринятымъ; но оно вдругъ снова было пущено въ ходъ въ 1786 году однимъ Французомъ, по имени Отто, пользовавшимся большимъ уваженіемъ и жившимъ тогда въ Нью-Іоркѣ. Онъ написалъ объ этомъ предметѣ особую «Записку» (*Mémoire*), въ которой старался доказать права Беэма на открытіе Новаго-

(1) Barros, decad. I, lib. II, cap. I, Лиссабонъ, 1552.

Свѣта, и переслалъ ее къ доктору Франклину, съ тѣмъ, чтобъ онъ представилъ его диссертацію Филадельфскому Философическому Обществу. «Записка» Отто была напечатана въ *Transactions de la Société philosophique americaine* (tom. II, 1786, article n°. 35), и потомъ перепечатана во многихъ Европейскихъ журналахъ.

Авторитеты, на которые ссылается Г. Отто для подтвержденія своего мнѣнія, вообще сомнительны, и большею частью онъ ссылается на нихъ, не означая именно ни лицъ, ни времени. Но его доводы разобраны съ большою точностью и рѣшительно опровергнуты донъ Христовалемъ Кладерой (1).

Важнѣйшимъ доказательствомъ служилъ Г-ну Отто глобусъ, сдѣланный Беэмомъ въ Нюрнбергѣ въ 1492 году, то есть въ то самое время, когда Коломбъ отправился въ первое путешествіе для открытій. По его словамъ, этотъ глобусъ еще существуетъ въ Нюрнбергской библіотекѣ, и на немъ означены всѣ открытія Беэма — именно въ тѣхъ широтахъ и долготахъ, въ которыхъ лежатъ берега Бразиліи и Магелановъ-Проливъ. Это доказательство поколебало мнѣніе многихъ ученыхъ, и еслибъ оно было справедливо, то разрушило-бы всѣ притязанія Коломба на первенство открытія.

(1) *Investig. Historicas*, Madrid, 1774.

Къ несчастью Г-на Отто, при описаніи этого глобуса онъ положился на свидѣтельство своего кореспондента, — и по повѣркѣ дѣла оказалось, что глобусъ, находящійся въ Нюрембергской библіотекѣ, сдѣланъ ***Іоанномъ Шенеромъ***, профессоромъ математики, въ 1520 году, то есть спустя уже нѣсколько лѣтъ послѣ открытій и самой смерти Коломба и Беэма (1); а на глобусѣ Беэма, сдѣланномъ въ 1492 году, не оказалось ни одного острова, ни берега, принадлежащихъ Новому-Свѣту: положительное доказательство, что онъ не имѣлъ объ нихъ никакого свѣдѣнія. Кладера издалъ снимокъ, или планисферу, съ Беэмова глобуса.

(1) Cladera, *Investig. Historicas*, p. 115.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 13.

Путешествія Скандинавовъ.

Многіе ученые старались доказать огромными диссертаціями, что Скандинавы открыли сѣверный берегъ Америки гораздо прежде Коломбова вѣка; однакожъ этотъ предметъ по-сю-пору окруженъ тмой и множествомъ сомнѣній.

Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что еще въ девятомъ столѣтіи Норвежцы открыли къ западу отъ Исландіи землю, простирающуюся на огромное протяженіе, и назвали ее Великою-Исландіей; но впослѣдствіи этотъ слухъ признанъ за баснословное преданіе. Самое серіозное свѣденіе объ этомъ предметѣ заключается въ *Сагѣ*, или *Хроникѣ короля Олая*, Снорро Стурлезона, гдѣ этотъ писатель разсказываетъ, что одинъ Исландецъ, по имени Біорнъ, отыскивая около Гренландіи своего отца, съ которымъ его разлучи-

ла буря, былъ занесенъ противными вѣтрами весьма далеко на юго-западъ, къ одной низменной землѣ, покрытой лѣсомъ, отъ которой невдалекѣ лежалъ островъ. Однакожъ онъ, не приставая къ этимъ неизвѣстнымъ ему берегамъ, съ наступленіемъ благопріятной погоды взялъ направленіе на сѣверо-востокъ и прибылъ въ Гренландію. Его разсказъ о неизвѣстной землѣ возбудилъ отважный духъ Лейфа, сына Эрика Равды, или Рыжеголового, учредившаго первое поселеніе въ Гренландіи. Онъ снарядилъ судно и отправился съ Біорномъ отыскивать эту незнаемую страну. Сначала они открыли каменистый и безплодный островъ и назвали его *Гельландъ*; потомъ — низменный песчаный берегъ, поросшій лѣсомъ, которому дали названіе *Маркландъ*. Они обходили этотъ берегъ два дня, но онъ все простирался далѣе; къ сѣверу отъ него они открыли весьма плодоносный и лѣсистый островъ, производящій пріятные плоды и въ особенности виноградъ, неизвѣстный имъ до того времени. Узнавъ отъ одного изъ своихъ спутниковъ, Германскаго урожденца, названіе и качества этого плода, они называли всю страну его именемъ — *Винландомъ*.

Потомъ они вошли въ устье одной чрезвычайно рыбной рѣки, изобиловавшей въ особенности сёмгой, и плывя вверхъ по ней, достигли озера, изъ котораго выливалась эта

рѣка, и въ немъ зазимовали. Привыкнувъ къ суровому климату сѣвера, температура той страны показалась имъ теплою и пріятною. Въ кратчайшій день солнце стояло надъ горизонтомъ восемь часовъ: по этому заключаютъ, что они пристали къ нынѣшней Новой-Землѣ, или какой-нибудь другой части Сѣверной-Америки, около рѣки Св. Лаврентія, подъ сорокъ-девятымъ градусомъ сѣверной широты (1). Къ этому сказанію прибавляютъ, что родственники Лейфа послѣ того часто ѣздили въ Винландію и торговали тамъ мѣхами съ туземцами, и что въ 1121 году епископъ Эрикъ отправился туда изъ Гренландіи для обращенія дикихъ въ христіянство. « Съ того времени, говоритъ Форстеръ, мы не имѣемъ болѣе никакихъ свѣденій о Винландіи; но по всей вѣроятности, племя, донынѣ существующее во внутренности Новой-Земли, столь отличное отъ другихъ поколѣній дикихъ Сѣверной-Америки и наружностью и образомъ жизни, — всегда воюющее съ Эскимосами сѣверныхъ береговъ,— составилось изъ потомковъ древнихъ Нордманновъ. »

Мы не имѣли средствъ открыть подлинныхъ источниковъ этого сказанія и передаемъ его основываясь на Мальте-Брюнѣ и на Форстерѣ, который извлекъ его изъ ***Саги***, или ***Хроники***,

(1) Forster, Voyages dans le Nord, lib. II, c. 2..

Снорро, родившагося въ 1179 году и писавшаго въ 1215, слѣдственно гораздо позже описаннаго имъ событія. Форстеръ говоритъ, что приведенные здѣсь нами факты почерпнуты изъ весьма многихъ Исландскихъ рукописей и переданы публикѣ Торфеусомъ въ двухъ его сочиненіяхъ, подъ слѣдующими заглавіями: ***Historia Vinlandiae antiquae, Hafnia***, 1705, и ***Veteris Groenlandioe Descriptio, Hafnia.*** Форстеръ, повидимому, нисколько не сомнѣвается въ достовѣрности этихъ фактовъ. Мы съ своей стороны, сколько можемъ судить объ этомъ предметѣ, руководствуясь нѣкоторою опытностью, пріобретенною нами въ изслѣдованіи источниковъ первоначальныхъ открытій въ Новомъ-Свѣтѣ, полагаемъ, что всѣ эти свѣденія не что иное, какъ слишкомъ смѣлые выводы изъ весьма неопредѣленныхъ и сомнительныхъ данныхъ. Ученые вообще слишкомъ склонны облекать въ вещественныя формы тѣ призраки, которые согласуются съ ихъ теоріями, составленными заранѣе. Большая часть подобныхъ сказаній, — если очистить ихъ отъ ученыхъ коментарій ихъ издателей, — окажутся столько-же основательными какъ и баснословныя преданія о мнимыхъ островахъ Сенъ-Брандапѣ и Семи-Городовъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Впрочемъ, нельзя отвергать возможности, что столь предпріимчивые мореходцы, какъ Скан-

динавы, проникли до сѣверныхъ береговъ Америки, со стороны Лабрадора или Новой-Земли; и если можно вѣрить Исландскимъ рукописямъ, относимымъ къ тринадцатому вѣку,—если притомъ эти рукописи подлинны и не сдѣлано въ нихъ впослѣдствіи приписокъ и исправленій, и ссылки на нихъ вѣрны, — то, кажется, онѣ достаточно утверждаютъ фактъ. Но признавъ даже дѣйствительность открытій, о которыхъ повѣствуется въ нихъ; какой результатъ произвели эти открытія? Нѣсколько сношеній Гренландскихъ жителей съ Эскимосами. Свѣденія объ этихъ странахъ нераспространились запредѣлы ихъ отечества, и сами они вскорѣ оставили ихъ безъ вниманія, и даже вовсе забыли объ нихъ.

Находили еще мнимые слѣды открытія Американскаго материка слишкомъ за сто лѣтъ до Коломба, на одной картѣ и въ повѣствованіи братьевъ Зено, Венеціянскихъ урожденцевъ; но эти свѣденія, кажется, еще неудовлетворительнѣй предыдущихъ. Вотъ въ чемъ исторія:

Николай Зено, благородный Венеціянецъ, отправился въ 1389 году въ Англію и Фландрію на суднѣ, которое онъ снарядилъ на свой счетъ, нарочно для этого переѣзда. Претерпѣвъ на пути жестокую бурю, онъ несся нѣсколько дней по волнамъ, самъ не зная въ какую сторону; наконецъ судно его разбилось у береговъ острова Фрисланда, о которомъ

было много споровъ у географовъ, но который вообще причисляютъ къ архипелагу Фероескихъ острововъ.

Путешественники, претерпѣвшіе кораблекрушеніе, нетолько не подверглись нападенію туземцевъ, но были весьма благосклонно приняты Цишмни, владѣтелемъ острововъ, лежащихъ къ югу отъ Фрисланда, и еще другаго округа, къ сѣверу отъ Шотландіи. Зено вступилъ въ службу этого государя и помогъ ему завоевать Фрисландъ и другіе острова, лежащіе далѣе къ сѣверу. Къ нему вскорѣ присоединился братъ его, Антоніо Зено, который и прожилъ въ этой странѣ четырнадцать лѣтъ.

Этотъ самый Антоніо Зено писалъ изъ Фрисланда въ Венецію къ брату своему, Карлу, письмо, въ которомъ сообщалъ ему разсказъ одного рыбака о существованіи земель на Западѣ. По словамъ рыбака, за двадцать-шесть лѣтъ передъ тѣмъ временемъ онъ и его товарищи отправились изъ Фрисланда на четырехъ судахъ для рыболовнаго промысла. Застигнутые на пути сильною бурей, они долго носились по морю; наконецъ судно, на которомъ находился рыбакъ съ четырьмя товарищами, прибило къ острову, называемому Эстотиландъ, за тысячу миль отъ Фрисланда. Жители острова привели ихъ въ прекрасный и многолюдный городъ къ своему царю, который призывалъ многихъ переводчиковъ для

объясненій съ ними; но ниодинъ переводчикъ не понималъ ихъ языка; наконецъ нашелся человѣкъ, который, подобно имъ, былъ нѣкогда занесенъ къ тому-же острову и зналъ Латинскій языкъ. На этомъ богатомъ и плодоносномъ островѣ, изобилующемъ разными металлами, и въ особенности золотомъ, они прожили довольно долго (1). По серединѣ города возвышалась огромная гора, изъ которой вытекали четыре рѣки и орошали своими водами всю страну. Туземцы острова отличались смышленостью; знали разныя механическія ремесла, извѣстныя въ Европѣ; воздѣлывали землю подъ зерновыя растенія; умѣли приготовлять пиво, и жили въ каменныхъ домахъ. Въ королевской библіотекѣ находились книги на Латинскомъ языкѣ, неизвѣстномъ на островѣ. Кромѣ столицы, на Эстотиландѣ было много городовъ и замковъ. Жители вели торгъ съ Гренландіей смолою, сѣрой и мѣхами; но хотя они вообще занимались мореплаваніемъ, однакожъ употребленіе компаса было неизвѣстно между ними; узнавъ, что Фрисландцы умѣютъ владѣть имъ, они возымѣли къ нимъ большое уваже-

(1) Это повѣствованіе взято изъ Гаклюйта (tom. III, p. 125). Мѣста, гдѣ говорится о золотѣ и другихъ металлахъ, нѣтъ въ Италіянскомъ подлинникѣ, Рамузіа (tom. II, p. 23,) Вѣроятно, оно вставлено кѣмъ-нибудь впослѣдствіи.

ніе. Король отправилъ ихъ на двѣнадцати судахъ въ одну страну, лежащую къ югу отъ его владѣній и называемую *Дрогео*. При этомъ переѣздѣ они едва не погибли отъ бури; однакожъ имъ удалось пристать къ Дрогео. Жители этой страны были Каннибалы и едва не убили и не пожрали ихъ; но узнавъ объ ихъ искуствѣ — ловить рыбу, они пощадили ихъ.

Описывая Дрогео, рыбакъ говорилъ, что эта земля простирается на огромное протяженіе; что обитатели ея находились въ дикомъ состояніи и ходили нагіе; но что далѣе, къ юго-западу, лежала страна болѣе образованная, въ умѣренномъ климатѣ, гдѣ жители знали употребленіе серебра и золота, имѣли города и строили великолѣпные храмы своимъ идоламъ, которымъ приносили въ жертву людей и потомъ пожирали ихъ.

Рыбакъ прожилъ на этомъ материкѣ нѣсколько лѣтъ, въ рабствѣ, переходя отъ одного господина къ другому и изъ страны въ страну. Наконецъ къ берегамъ Дрогео пристали Эстотиландскія суда; онъ явился туда, и сначала служилъ экипажамъ переводчикомъ, потомъ завелъ свою торговлю, перевозя товары съ твердой земли на Эстотиландъ, и обратно, отъ которой весьма разбогатѣлъ. Тутъ онъ снарядилъ на свой счетъ судно и отправился съ нѣсколькими островитянами въ Фрисландъ, лежащій въ тысячѣ миляхъ раз-

стоянія, куда и прибылъ благополучно. Его разсказы объ этой неизвѣстной землѣ побудили Чишмни, Фрисландскаго владѣтеля, отправить къ ея берегамъ экспедицію, подъ начальствомъ Антоніо Зено. Въ то самое время, какъ суда были готовы къ отплытію, рыбакъ, долженствовавшій служить имъ проводникомъ, умеръ; однакожъ его замѣнили нѣсколькими моряками, прибывшими съ нимъ изъ Эстотиланда, и экспедиція отправилась въ путь подъ личнымъ начальствомъ Цишмни, а Венеціянецъ Зено только сопровождалъ его. Она неудалась: мореплаватели, открывъ одинъ островъ, названный ими Икаріа, котораго жители встрѣтили ихъ весьма недружелюбно, принуждены были удалиться отъ него и были загнаны бурей къ берегамъ Гренландіи. Далѣе ничего неизвѣстно объ этомъ предпріятіи.

Земли, о которыхъ разсказываетъ Зено, были означены на одной картѣ, вырѣзанной сначала на деревѣ. Г. Мальтъ-Брюнъ полагаетъ, что островъ Эстотиландъ — нынѣшняя Новая-Земля, а довольно образованные жители его — потомки Скандинавскихъ колонистовъ, пристававшихъ къ Винланду, и что Латинскія книги, находившіяся въ библіотекѣ короля, принадлежали нѣкогда Гренландскому епископу, переселившемуся на этотъ островъ въ 1121 году. Далѣе онъ говоритъ, что Дрогео, не что иное какъ Новая-Шотландія и

Новая-Англія, а образованный народъ на юго-западѣ, приносившій въ жертву идоламъ людей — Мексиканцы, или какое нибудь другое старинное племя, населявшее Флориду и Луизіану.

Но источники, изъ которыхъ извлечено это заключеніе, повидимому, не оправдываютъ его. Вся эта исторія наполнена невѣроятностями, между которыми занимаетъ не послѣднѣе мѣсто — образованность жителей, ихъ каменные домы, ихъ знаніе Европейскихъ ремеслъ и королевская библіотека, — отъ которыхъ не найдено ни малѣйшаго слѣда при позднѣйшемъ открытіи этой страны, не говоря уже о свѣденіяхъ на счетъ Мексики. Должно замѣтить, что это описаніе издано въ 1558 году, то-есть гораздо позже открытія Мексики. Издатель его, Франциско Марколини, потомокъ фамиліи Зено, составившій его изъ отрывковъ мнимыхъ писемъ Антоніо Зено къ брату своему, Карлу, говоритъ: «Весьма сожалѣю, что книга и рукописи, относящіяся къ этому предмету, мною истреблены: будучи ребенкомъ я разорвалъ ихъ въ мелкіе куски, — и теперь не могу вспомнить объ этомъ безъ живѣйшей горести (1).»

Несвязное повѣствованіе Марколини пріобрело значительный вѣсъ, когда Ортеліусъ, ученый географъ, помѣстилъ его въ своемъ

(1) Hackluyt, *Collec.*, tome III, p. 127.

Theatrum Orbis; совсѣмъ-тѣмъ, искусные критики отвергли всю эту исторію, какъ грубую ложь. Г. Форстеръ укоряетъ ихъ въ упорномъ невѣріи. «Невозможно сомнѣваться, говоритъ онъ, въ существованіи страны, о которой сообщили намъ свѣденія Карло, Николо и Антоніо Зено: неоспоримые документы, сохранившіеся въ Венеціянскомъ архивѣ, доказываютъ, что кавалеръ Зено предпринималъ путешествіе на сѣверъ; что братъ его, Антоніо, сопутствовалъ ему и составилъ карту, которую привезъ съ собой и повѣсилъ на стѣнѣ въ своемъ домѣ, гдѣ она оставалась общедоступною до времени Марколини, какъ несомнѣнное доказательство истины разсказаннаго ими.» Принимая все это за истину, мы не видимъ отсюда ничего болѣе, какъ только то, что Антоніо съ братомъ были въ Фрисландѣ и Гренландіи. Въ ихъ письмахъ нигдѣ не сказано, что Зено ѣздилъ въ Эстотиландъ. Тамъ говорится, что флотъ загнало бурей къ Гренландскимъ берегамъ; но что съ нимъ сдѣлалось потомъ, мы ничего не знаемъ; разсказъ Зено объ Эстотиландѣ и Дрогео основанъ на однихъ словахъ рыбака, и самая карта, вѣроятно, составлена съ его-же словъ, догадочно. Вся эта исторія чрезвычайно похожа на одну изъ тѣхъ басень, которыя были пущены въ ходъ вскорѣ послѣ открытія Коломбомъ Новаго-Свѣта, въ

намѣреніи приписать славу его подвига другимъ народомъ и другимъ лицамъ.

Г. Мальтъ-Брюнъ говоритъ, что Коломбъ могъ узнать объ открытіи Винланда во время путешествія своего на Сѣверъ, въ 1477 году (1), и что братъ его, Варѳоломей, могъ видѣть карту Зено, приложенную къ одному сочиненію на Датскомъ языкѣ, въ публичной библіотекѣ въ Лондонѣ, въ то время, когда онъ жилъ тамъ и занимался составленіемъ картъ, и сообщить объ ней своему брату (2). Еслибъ Г. Мальтъ-Брюнъ изслѣдовалъ исторію Коломба съ свойственною ему точностью, то увидѣлъ-бы изъ переписки его съ Пауло Тосканелли, въ 1474 году, что Коломбъ обнаруживалъ въ ней намѣреніе искать пути въ Индію — слѣдуя прямо на западъ, и что путешествіе на сѣверъ онъ совершилъ уже черезъ три года послѣ этой переписки. Что касается до пребыванія Варѳоломея въ Лондонѣ, то онъ отправился туда уже послѣ того времени какъ Коломбъ сдѣлалъ предложеніе объ открытіи Португаліи, и, можетъ-быть, еще и другимъ Европейскимъ дворамъ. И такъ, предположивъ даже, что впослѣдствіи и дошло до Коломба что-нибудь изъ этихъ сомнительныхъ разсказовъ о Винландѣ и о

(1) Malte-Brun, *Hist. de la Géogr.*, tome I, l. XVII.

(1) Malte-Brun, *Géogr. univ.*, tom. XIV, *Note sur la découverte de l'Amérique.*

приключеніяхъ рыбака, описанныхъ Антоніемъ Зено, очевидно, что они не могли имѣть никакого вліянія на его великое предпріятіе, тѣмъ болѣе, что его путешествіе не заключаетъ въ себѣ ничего общаго съ ними: онъ отправился прямо на западъ, а не по направленію къ Винланду, Эстотиланду и Дрогео, — именно для отысканія Чипанго, Кафая и другихъ странъ, описанныхъ Маркомъ Поло и лежащихъ, по его указанію, у оконечности Индіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 14.

Путешествія древнихъ вокругъ Африки.

Новѣйшіе критики полагаютъ, что древніе имѣли гораздо менѣе свѣденій о берегахъ Африки, омываемыхъ Атлантическимъ-Океаномъ, нежели сколько предполагали это до сихъ поръ, и даже сомнѣваются, имѣли-ли они какія-нибудь практическія данныя, на которыхъ-бы могли основать понятіе о возможности обойти вокругъ эту часть свѣта. Путешествіе Евдоксія Цизика изъ Чермнаго-Моря къ Гибралтару, несмотря на то, что объ немъ упоминаютъ Плиній, Помпоній-Мела и другіе писатели, основывается на одномъ свидѣтельствѣ Корнелія Непота; но и онъ умалчиваетъ объ источникахъ, изъ которыхъ почерпнулъ этотъ фактъ. Поссидоній, на котораго ссылается Страбонъ, описываетъ это путешествіе совсѣмъ иначе и отвергаетъ его съ презрѣніемъ.

Полагаютъ, что знаменитое путешествіе

Карѳагенца Ганнона было совершено за тысячу лѣтъ до христіанской эры. Уцѣлѣвшее «Морское Путешествіе» его заключаетъ въ себѣ краткое и неясное повѣствованіе объ этой экспедиціи, сдѣлавшееся неистощимымъ источникомъ преній и разномыслія между учеными. Нѣкоторые критики уже рѣшили было, что «это описаніе — просто романъ какого-нибудь Грека, назвавшагося пуническимъ именемъ (1);» однакожъ неподложность его совершенно доказана, — но вмѣстѣ съ тѣмъ доказано, и кажется удовлетворительнымъ образомъ, что путешествіе этого мореходца весьма преувеличено и что онъ никогда не обходилъ оконечности Африки. Г. Бугенвиль (2) слѣдовалъ его путемъ до мыса, названнаго имъ Западнымъ-Рогомъ, лежащаго подъ пятымъ или шестымъ градусомъ сѣверной широты, и, какъ полагаютъ, извѣстнаго прежде подъ именемъ Пальмоваго-Мыса; потомъ онъ достигъ другаго мыса подъ тою-же широтой, которому далъ названіе Южнаго-Рога, и который почитаютъ мысомъ Трехъ-Вершинъ. Однакожъ, Г. Госселень въ своихъ *Recherches sur la Géographie des Anciens* (t. I, p 162.....), послѣ строгаго разбора «Морскаго Путешествія,» Ганнона, заключаетъ рѣ-

(1) Dodwel, *Geographioe veteris Scriptores Groeci minores* (1498).

(2) *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, t. XXVI, p. 10.

шительнымъ образомъ, что плаваніе его не простиралось къ югу далѣе Мыса - Нона, или Мыса-Боядора. Плиній, говоря о путешествіи Ганнона вокругъ Африки, начиная отъ Гибралтарскаго-Пролива до Аравійскихъ предѣловъ, самъ не читалъ его «Морскаго Путешествія,» но почерпнулъ свѣденіе объ немъ изъ сочиненій Ксенофонта Лампзакскаго. Греки прибавили къ описанію этого путешественника множество разныхъ басень, и на ихъ-то невѣрныхъ спискахъ основалъ Страбонъ большую часть фактовъ, относящихся къ этому событію. По мнѣнію Госселеня, путевыя записки Ганнона, Сцилакса, Полибія, Стація, Себоза и Юбы, повѣствованія Платона, Аристотеля, Плинія, Плутарха и «Таблицы» Птоломея, — всѣ приводятъ къ одному заключенію, и несмотря на кажущіяся противорѣчія ихъ между собой, означаютъ предѣлъ плаванія древнихъ къ югу — мысомъ Ноном.

Мнѣніе, что Африка — полуостровъ, существовавшее у Персовъ, Египтянъ, быть-можетъ, и у Грековъ, за нѣсколько столѣтій до Рождества-Христова, было основано, какъ полагаетъ Г. Госселень, не на точныхъ свѣденіяхъ, а на однѣхъ догадкахъ, къ которымъ подали поводъ огромность и непрерывность (l'unité) океана, — или, можетъ-быть, единственно на древнихъ преданіяхъ, или на толкахъ, порожденныхъ открытіями Карѳаген-

цевъ по ту сторону Гибралтарскаго-Пролива, и Египтянъ — за Аравійскимъ-Заливомъ, — и Г. Госселень находитъ вѣроятнымъ, что существовала весьма отдаленная эпоха, когда географическія познанія находились въ состояніи гораздо болѣе совершеннымъ, чѣмъ у Финикіянъ и Грековъ, которые сохранили одни лишь неясные слѣды того, что нѣкогда было извѣстно.

Мнѣніе, что Индѣйское-Море соединяется съ Океаномъ, существовало въ Греціи и между Александрійскими учеными до временъ Иппарха. Оно, кажется, основывалось на направленіи Африканскаго берега за Мысомъ Ароматовъ, который постоянно простирается на западъ, на всемъ пространствѣ, извѣстномъ тогдашнимъ мореплавателямъ. Они полагали, что западный берегъ Африки загибается для соединенія съ восточнымъ, и что весь материкъ этой части свѣта окруженъ океаномъ далеко сѣвернѣй экватора. Такъ думали: Кратесъ, жившій во время Александра, Аратъ, Клеантъ, Клеомедъ, Страбонъ, Помпоній-Мела, Макробій и многіе другіе.

Иппархъ предложилъ новую систему, которой ложность на-долго замедлила сообщеніе морскимъ путемъ Европы съ Индіей. Онъ полагалъ, что моря образуютъ отдѣльные и независимые одинъ отъ другаго водоемы, и что восточный берегъ Африки окружаетъ Индѣйское-Море, соединясь съ Азіятскимъ

по ту сторону устья Ганга. Позднѣйшія открытія, вмѣсто того чтобъ опровергнуть это заблужденіе, только приводили къ заключеніямъ, что эти два материка (Азіятскій и Африканскій) сходятся между собой гораздо далѣе, чѣмъ предполагали прежде. Маринъ Тирской и Птоломей приняли это мнѣніе въ своихъ сочиненіяхъ, и сообразно ему составляли свои карты, въ которыя родъ человѣческій вѣрилъ безусловно цѣлыя столѣтія, и такимъ образомъ увѣковѣчили идею — что Африка простирается до антарктическаго полюса, и что слѣдственно невозможно достигнуть моремъ Индѣйскихъ береговъ. Нѣкоторые географы однакожъ остались при старомъ понятіи о сообщеніи Индѣйскаго-Моря съ Атлантическимъ-Океаномъ. Это мнѣніе имѣло своихъ приверженцевъ въ Испаніи и было защищаемо Помпоніемъ Мелой и Исидоромъ Севильскимъ. Его сохранили также нѣкоторые ученые въ Италіи въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, и такимъ-образомъ оно держалось до того времени, когда принцъ Генрихъ Португальскій началъ свои благородныя усилія, для удостовѣренія въ его справедливости, которую наконецъ, Васко де-Гама и доказалъ блистательнымъ образомъ, обогнувъ Мысъ-Доброй-Надежды.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 15.

О судахъ Коломба.

Докторъ Робертсонъ, говоря о малыхъ размѣрахъ судовъ, на которыхъ Коломбъ совершилъ первое свое путешествіе, замѣчаетъ, что «въ пятнадцатомъ вѣкѣ величина и конструкція судовъ соотвѣтствовали непродолжительнымъ и нетруднымъ путешествіямъ, обыкновенно предпринимаемымъ вдоль береговъ.» Мы имѣемъ, однакожъ, много доказательствъ, что еще до пятнадцатаго столѣтія, Испанія и другія державы употребляли большія суда. Въ уложеніи, изданномъ въ Барцелоннѣ Петромъ IV, въ 1354 году, заключающемъ въ себѣ различныя постановленія для обезпеченія торговли, упоминается о Каталонскихъ купеческихъ судахъ съ двумя и тремя палубами, поднимавшихъ грузу отъ восьми до двѣнадцати тысячь центнеровъ. Въ 1419 году Алонсо Аррагонскій снарядилъ нѣсколько купеческихъ судовъ для

перевозки артиллеріи, лошадей и проч. изъ Барцелонны въ Италію, и въ числѣ этихъ судовъ находились два корабля, изъ которыхъ на каждый было помѣщено по сту-двадцати лошадей, изъ чего должно заключить, что они были покрайней-мѣрѣ въ шесть сотъ тоннъ. Еще упоминается объ одномъ Венеціянскомъ кораблѣ, прибывшемъ въ 1463 году изъ Англіи въ Барцелонну съ грузомъ хлѣба, въ семь сотъ тоннъ.

Въ 1497 году пришло Кастильское судно съ грузомъ въ двѣнадцать-тысячъ центнеровъ. Эти суда, взятыя на удачу изъ числа другихъ кораблей той-же величины, приходившихъ въ одинъ портъ, доказываютъ, что большія суда были уже въ употребленіи въ ту эпоху (1). И во время приготовленій ко второй экспедиціи Коломба, были снаряжены въ портѣ Борнео — одна карака въ тысячу-двѣсти-пятдесять тоннъ и четыре корабля отъ ста-пятидесяти до четырехъ-сотъ пятидесяти тоннъ; но они получили назначеніе отвезть Муиея Боабдила, послѣдняго Мавританскаго царя, изъ покоренныхъ его владѣній на Африканскій берегъ (2). Слѣдственно не отъ недостатка большихъ кораблей въ Испанскихъ портахъ, Коломбъ употребилъ суда малыхъ размѣровъ, но потому,

(1) Capomani, *Questiones indicas*, quest. VI.

(2) *Archives des Indes*, à Séville.

что считалъ ихъ болѣе удобными въ путешествіяхъ для открытій, такъ-какъ они неслишкомъ глубоко сидятъ въ водѣ и поэтому легче и съ меньшею опасностью могутъ быть употреблены у неизвѣстныхъ береговъ при обознаніи заливовъ и устьевъ рѣкъ. Онъ велѣлъ даже нарочно построить нѣсколько малыхъ судовъ, собственно для этой цѣли. Такова была карабелла, посланная имъ во время третьяго путешествія для отысканія выхода въ верхней части залива Паріи, когда глубина воды стала недостаточна для его корабля, во сто тоннъ. Страннѣе всего, что суда Коломба была безъ палубъ, и трудно даже повѣрить, чтобъ столь продолжительное и опасное путешествіе было совершено въ открытыхъ ладьяхъ такой непрочной конструкціи. Однакожъ въ истинѣ этого событія удостовѣряетъ насъ положительное свидѣтельство Пьера Мартира, заключающееся въ его «Декадахъ,» писанныхъ въ то-же время, и самъ Коломбъ, въ «Запискахъ» о своихъ путешествіяхъ, присыланныхъ имъ къ сыну своему, упоминаетъ во многихъ мѣстахъ о нѣкоторыхъ судахъ своихъ безъ палубъ. Онъ называетъ иногда одно и то-же судно то кораблемъ, то карабеллой, и по этому случаю недавно возникли споры о точномъ значеніи слова «карабелла.» Кавалеръ Босси, въ диссертаціяхъ своихъ о Коломбѣ, замѣчаетъ, что на Средиземномъ-Морѣ карабеллами на-

зывались у Мусульманъ самые большіе военные корабли, а въ Португаліи это слово означало малыя суда, отъ ста-двадцати до ста-сорока тоннъ; но Коломбъ даетъ иногда то-же названіе и судну въ сорокъ тоннъ.

Дюканжъ, въ своемъ *Glossaire*, производитъ это слово отъ Италіянскаго корня; Босси считаетъ его Турецкимъ или Арабскимъ, введеннымъ въ Европейскіе языки, вѣроятно Мавританами. Г. Эдвардъ Эверетъ (1) полагаетъ, что настоящее значеніе слова «карабелла» опредѣлено Феррарiемъ въ его *Origines linguae italicae; «Caravela, navigii minoris genus; latine carabus; groece* κκ α ος.

Раздѣленіе судовъ на классы, сдѣланное королемъ Алонсо около половины XIII столѣтія, ясно доказываетъ, что слово «карабелла» употреблялось для означенія судовъ небольшаго размѣра. Онъ помѣщаетъ въ первомъ классѣ *naos*, или большіе корабли, которые ходили только подъ парусами и изъ которыхъ одни имѣли по двѣ мачты, другіе по одной; ко второму классу относитъ суда меньшихъ размѣровъ, какъ то: *caraccas, fustas, ballenares, pinazas, carabelas*, и проч.; къ третьему — тѣ, которыя могли ходить и подъ парусами и на веслахъ, то-есть: галеры, галіоты, тарданты и сакціи (2).

(1) Plymouth, *Oration.*, note.
(2) Capomani, *Questiones criticae.*

Босси издалъ копію съ письма Коломба къ дону Рафаэлю Ксансису, казначею Испанскаго короля. Одинъ экземпляръ этого письма находится въ Миланской публичной библіотекѣ. Къ этой копіи Босси присоединилъ разныя гравюры, вырѣзанныя на деревѣ, съ очерковъ, сдѣланныхъ перомъ, которые были приложены къ подлинному письму и которые онъ приписываетъ самому Коломбу. Они изображаютъ суда, вѣроятно, карабеллы. Носы и кормы у этихъ судовъ очень высоки и на послѣднихъ устроены каюты — такъ называемые замки; мачты довольно низки, съ большими четыреугольными парусами. На одномъ изъ судовъ, кромѣ парусовъ, означены скамьи для гребцовъ; это, вѣроятно, изображеніе галеры. Всѣ эти суда очевидно малыхъ размѣровъ и легкой конструкціи.

При одномъ сочиненій, подъ заглавіемъ: ***Recherches sur le Commerce***, изданномъ въ Амстердамѣ въ 1779 году, приложена гравюра, изображающая корабль послѣдней половины пятнадцатаго столѣтія, срисованный съ картины въ церкви св. Іоанна и св. Павла, въ Венеціи. Этотъ корабль имѣетъ большое сходство съ рисунками, приписываемыми Коломбу. Онъ съ двумя мачтами, изъ которыхъ одна очень короткая съ треугольнымъ парусомъ, а другая повыше съ четвероугольнымъ; корма и носъ также возвышены; на

обоихъ концахъ — палубы, а середина открытая.

Изъ всего этого должно заключить, что большая часть судовъ, на которыхъ Коломбъ совершалъ свои продолжительныя и опасныя путешествія, принадлежали къ разряду легкой и непрочной конструкціи, и не превосходили величиной своей мелкихъ каботажныхъ судовъ, плавающихъ въ наше время въ рѣкахъ и около береговъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 16.

О путяхъ, которыми слѣдовалъ Коломбъ въ первое свое путешествіе (1).

До-сихъ-поръ общее мнѣніе было то, что Коломбъ пристalъ въ первый разъ къ Новому-Свѣту у одного изъ Багамскихъ-Острововъ, названнаго имъ Санъ-Сальвадоромъ, и извѣстнаго также подъ именемъ Кошачьяго-Острова. Но Мартинъ Навaретъ, директоръ гидрографическаго депо въ Мадритѣ, въ «Вве-

(1) При составленіи этой статьи мы руководствовались въ особенности превосходнымъ изслѣдованіемъ путей Коломба одного морскаго офицера Соединенныхъ-Штатовъ, котораго имени, къ сожалѣнію, не можемъ обнаружить, не имѣя на то его позволенія. И кромѣ этой статьи, мы почерпнули много весьма полезныхъ свѣденій, относящихся къ морской части, изъ того-же источника, при составленіи разныхъ мѣстъ нашего сочиненія.

деніи» къ своему *Собранію путешествій и открытій, совершенныхъ Испанцами*, оспориваетъ это мнѣніе и утверждаетъ, что первенство открытія принадлежитъ небольшому островку *Тюркасу*, находящемуся въ той-же группѣ, около ста миль (считая по двадцати миль въ градусѣ) юго-восточнѣй Санъ-Сальвадора. Это мнѣніе Г. Наварета мы старались повѣрить тщательнѣйшимъ образомъ, сличали его съ «Дневникомъ» Коломба, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ помѣщенъ въ его «Собраніи,» и съ собственными нашими наблюденіями, которыя мы имѣли случаи дѣлать въ продолженіе частыхъ путешествій между этими островами.

Коломбъ описываетъ Гуанагани, на который онъ сдѣлалъ высадку и который назвалъ Санъ-Сальвадоромъ, прекраснымъ, довольно обширнымъ и низменнымъ островомъ, покрытымъ лѣсомъ, большею частью изъ плодовитыхъ деревъ, — изобилующимъ прѣсною водой и съ большимъ озеромъ посерединѣ; говоритъ, что этотъ островъ былъ сильно населенъ; что онъ обошелъ его на шлюпахъ на значительное разстояніе; что берега его простираются въ сѣверо-восточномъ направленіи, и что обходя ихъ, онъ получалъ посѣщенія жителей многихъ селеній.

Островъ Тюркасъ вовсе не соотвѣтствуетъ приведенному нами описанію: это — низменная полоса песчаной и кремнистой земли,

простирающаяся отъ сѣвера на югъ не болѣе какъ на двѣ мили въ длину, на которой не только нѣтъ лѣсу, но даже ниодного дерева, которое-бы росло на природной почвѣ. Въ прѣсной водѣ — совершенный недостатокъ, такъ-что единственное средство жителей удовлетворять этой потребности заключается въ дождевой водѣ, которую они сохраняютъ въ бочкахъ и водоемахъ. Озера — и слѣда нѣтъ; а есть нѣсколько соляныхъ копей, составляющихъ единственный источникъ промышленности произведеніями тамошней природы. Съ восточной и сѣверо-восточной стороны островъ Тюркасъ окруженъ рифами, которые дѣлаютъ невозможнымъ доступъ къ нему съ этихъ сторонъ. При немъ нѣтъ гавани, кромѣ одного открытаго рейда, изъ котораго корабли, стоящіе на якорѣ, принуждены отплывать въ открытое море всякой разъ, какъ только перемѣняется постоянный пассатный вѣтеръ, дующій съ сѣверо-востока, потому-что берега его такъ скалисты, что якорь можно бросить только у самой земли, и когда вѣтеръ дуетъ съ моря, корабли, остающіеся на рейдѣ, подвергаются опасности претерпѣть крушеніе, ударясь объ утесы, или быть выброшенными на берегъ жестокимъ приборемъ волнъ. Рейдъ «Соколиное-Гнѣздо,» у южной оконечности Тюркаса, еще опаснѣй. Почва этого острова, вовсе неспособная къ воздѣланію, едва доставляетъ пропитаніе не-

большому числу барановъ и лошадей. Всѣ съѣстные припасы, необходимые для потребленія жителей — привозные, исключая рыбы и черепахъ, которые ловятся тамъ въ большомъ количествѣ и составляютъ главнѣйшую пищу невольниковъ, работающихъ на тамошнихъ солеварняхъ. Все богатство острова заключается въ произведеніи соляныхъ копей, да еще въ наградахъ, получаемыхъ жителями за спасеніе грузовъ кораблей, весьма часто разбиваемыхъ у его береговъ, или въ расхищеніи ихъ. На островѣ Тюркасѣ никогда не могли обитать дикія племена, не занимающіяся торговлей и извлекающія пропитаніе изъ самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они живутъ.

Кромѣ-того, Коломбъ, описывая Гуанагани, упоминаетъ о множествѣ острововъ, которые находились у него въ виду, и говоритъ, что онъ былъ въ нерѣшимости, къ которому изъ нихъ пристать прежде, — а съ Тюркаса не видно ниодного острова, исключая двухъ кайевъ, лежащихъ отъ него къ югу и составляющихъ вмѣстѣ съ нимъ группу, извѣстную подъ именемъ Тюркасской. Изъ «Дневника» Коломба не видно, какого направленія онъ держался при переѣздѣ отъ Гуанагани къ острову Зачатія; но онъ говоритъ, что между этими двумя островами — около семи миль пространства, и что онъ плылъ «противъ теченія;» между-тѣмъ какъ Тюркасъ от-

стоитъ отъ Большой-Каики, названной Коломбомъ, по мнѣнію Наварета, островомъ Зачатія, почти вдвое дальше и теченіе между этими двумя островами стремится въ западо-сѣверо-западномъ направленіи, что благопріятствовало-бы переѣзду отъ Тюркаса къ Каикской группѣ.

Отъ «Зачатія» Коломбъ взялъ направленіе къ одному острову, лежащему въ виду, миляхъ въ девяти на западъ, и назвалъ его Фернандиной. Навареть полагаетъ, что этотъ островъ — Малая-Инагуа; но Малая-Инагуа лежитъ въ двадцати-двухъ миляхъ отъ Большой-Каики, и притомъ на пути къ ней Коломбъ необходимо долженъ-бы былъ пройти весьма близко мимо трехъ острововъ, изъ которыхъ каждый больше Тюркаса, и о которыхъ въ его «Дневникѣ» не сказано нигдѣ ни слова. Описывая островъ Фернандину, Коломбъ говоритъ, что онъ простирается на двадцать-восемь миль по направленію отъ юго-востока на сѣверо-западъ, между тѣмъ какъ самая большая длина Малой-Инагуи не превышаетъ четырехъ миль, въ юго-западномъ направленіи. Однимъ словомъ, описаніе Фернандины не имѣетъ ничего общаго съ Малой-Инагуей. Отъ Фернандины Коломбъ отплылъ на юго-востокъ, къ Изабеллѣ, которую Навареть считаетъ Большою-Инагуей-хотя этотъ послѣдній островъ лежитъ отъ Малой-Инагуи не въ сѣверо, а въ юго-

западномъ направленіи, что дѣлаетъ разницы въ пути, которымъ слѣдовалъ Коломбъ, на девяносто градусовъ.

Далѣе, Коломбъ замѣчаетъ мимоходомъ въ своемъ Дневникѣ (20 ноября), что отъ Гуанагани до Изабеллы восемь миль, — между-тѣмъ какъ островъ Тюркасъ отстоитъ отъ Большой-Инагуи на тридцать-пять миль. Отплывъ отъ Изабеллы Коломбъ взялъ направленіе на западо юго-западъ, къ Кубѣ, и на пути встрѣтилъ Авнасскіе-Острова. Путь въ этомъ направленіи отъ Большой-Инагуи привелъ-бы его къ берегамъ Кубы около Нипскаго порта; но Навареть полагаетъ, что Коломбъ находился послѣ этого у Каикскихъ-Острововъ, лежащихъ къ югу отъ Юмантосской группы и къ востоко-сѣверо-востоку отъ Инагуи, что составляетъ разности съ тѣмъ путемъ, которымъ шли суда Коломба, сорокъ-пять градусовъ. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія у береговъ Кубы, Коломбъ 14 ноября вошелъ въ Море-Богоматери (Nuestra-Sennora), усѣянное безчисленнымъ множествомъ острововъ, — между-тѣмъ какъ Навареть помѣщаетъ его въ этотъ день на высотѣ Мыса-Моа, гдѣ всего одинъ только небольшой островокъ, и на разстояніи пятидесяти миль нѣтъ никакой группы, къ которой-бы можно было примѣнить это описаніе.

Коломбъ говоритъ, что отъ Санъ-Сальвадора до Королевскаго-Порта (*Puerto-del-Prin-*

cipe) сорокъ-пять миль, — между-тѣмъ какъ островъ Тюркасъ лежитъ отъ того пункта, которымъ Навареть опредѣляетъ положеніе этого порта, въ восьмидесяти миляхъ разстоянія.

Далѣе Коломбъ пишетъ, что, отплывъ отъ Кубы, онъ прошелъ вдоль берега этого острова сто-двадцать миль. Если положить двадцать миль на извилины береговъ, останется еще сто; Навареть полагаетъ, что онъ прошелъ около берега Кубы не болѣе семидесяти миль.

Вотъ важнѣйшія несходства, которыя представляетъ теорія Навареta съ общепринятымъ мнѣніемъ, на счетъ первой высадки Коломба при открытіи Новаго-Свѣта, въ Санъ-Сальвадорѣ. Они, кажется, несогласимы. Теперь послѣдуемъ за Коломбомъ по тому пути, который означенъ въ его «Дневникѣ,» и положивъ передъ собой исправныя карты, разсмотримъ, до какой степени согласуются между собой эти два различныя мнѣнія.

Въ «Дневникѣ» Коломба сказано, что 11-го октября 1492 года онъ плылъ въ западо-юго-западномъ направленіи до захожденія солнца, а потомъ повернулъ опять прямо на западъ, и что его суда уходили по три мили въ часъ. Въ десять часовъ онъ и многіе изъ его спутниковъ увидѣли вдали свѣтъ, походившій на свѣтъ отъ факела, который какъ-бы несъ

кто-нибудь по землѣ. Онъ продолжалъ плыть въ томъ-же направленіи четыре часа и прошелъ въ это время двѣнадцать миль; въ два часа утра открылась земля въ двухъ миляхъ разстоянія отъ судовъ. Пройденныя имъ двѣнадцать миль съ десяти часовъ вечера до двухъ утра, вмѣстѣ съ двумя милями, отдѣлявшими суда отъ земли, составляютъ итогъ, совершенно соотвѣтствующій положенію и разстоянію острова Ватлинга относительно къ Санъ-Сальвадору, изъ чего заключаютъ, что свѣтъ, усмотрѣнный Коломбомъ и его спутниками въ десять часовъ вечера, доходилъ съ острова Ватлинга, на высотѣ котораго флотъ тогда плылъ. Еслибъ этотъ свѣтъ виднѣлся съ земли, лежащей прямо по направленію пути судовъ, то они, уходя по три мили въ часъ, въ продолженіе четырехъ часовъ, непремѣнно сѣли-бы на мель у берега.

Приблизясь къ землѣ, суда легли въ дрейфъ до разсвѣта; 12 октября они бросили якорь у «прекраснаго, лѣсистаго и весьма многолюднаго» острова.

Туземцы называли этотъ островъ — Гуанагани; Коломбъ далъ ему названіе Санъ-Сальвадора. Обозрѣвая часть берега, простирающуюся на сѣверо-сѣверо-востокъ, онъ открылъ весьма обширную гавань. Это описаніе совершенно соотвѣтствуетъ юго-восточной части острова, извѣстнаго подъ именемъ

Санъ-Сальвадора, или Кошачьяго-Острова, идущей отъ востока на западъ и загибающейся восточною оконечностью на сѣверо-сѣверо-востокъ. Надобно думать, что въ этомъ самомъ заливѣ юго-восточнаго берега Санъ-Сальвадора суда простояли въ дрейфѣ утро 12 числа, въ ожиданіи разсвѣта, и что здѣсь Коломбъ, ни у берега, ни отплывъ отъ него, не могъ обнять зрѣніемъ столько земли чтобъ усмотрѣть то мѣсто, гдѣ загибается одна изъ его оконечностей, которою онъ ограничилъ все пространство острова, но которая закрывала собой главную часть его, простирающуюся далеко къ сѣверо-востоку. Отъ Гуанагани виднѣлось такое множество острововъ, что Коломбъ не зналъ, къ которому изъ нихъ плыть прежде. Туземцы объясняли ему, что этимъ островамъ нѣтъ счету и назвали по именамъ до ста изъ нихъ. Онъ рѣшился взять направленіе къ самому большому, отстоящему миль на пять отъ Санъ-Сальвадора; прочіе лежали ближе и дальше этого разстоянія. Полагаютъ, что избранный имъ островъ — тотъ самый, который извѣстенъ въ наше время подъ именемъ «Зачатія,» а прочіе — составляютъ ту странную гряду маленькихъ островковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «Цѣпи», или «Замка» (на Русскихъ картахъ — «Подводные камни Кадонса»), которая простирается далеко за Санъ-Сальвадоръ по направленію отъ юго-

востока на сѣверо-западъ. Крайніе острова этой группы находились къ Коломбу ближе «Зачатія;» прочіе отходили далѣе.

Коломбъ отплылъ отъ Санъ-Сальвадора къ избранному имъ острову 14 числа, послѣ полудня; суда его простояли всю ночь въ дрейфѣ и пристали къ берегу уже на другой день очень поздно, потому-что ихъ плаваніе замедлялось противными теченіями. Коломбъ назвалъ этотъ островъ «Санта-Марія-де-ла-Консепсіонъ», или островомъ «Зачатія-Святой-Дѣвы.» Онъ не означаетъ ни относительнаго положенія его къ Санъ-Сальвадору, ни черты направленія своего плаванія къ нему. Но извѣстно, что въ этомъ мѣстѣ теченіе стремится сильно и постоянно къ западо-сѣверо-западу; а такъ-какъ Коломбъ плылъ противъ теченія, то и должно заключить, что онъ шелъ въ востоко-юго-восточномъ направленіи. Кромѣ-того, подойдя къ острову «Зачатія», онъ увидѣлъ въ западной сторонѣ другой островъ, который превосходилъ величиною всѣ, видѣнные имъ до того времени; однакожъ онъ бросилъ якорь у «Зачатія» и не располагалъ пристать къ большому острову, потому-что «не могъ идти на западъ.» Это обстоятельство доказываетъ очевиднымъ образомъ, что Коломбъ на пути отъ Санъ-Сальвадора къ «Зачатію» не отклонялся на западъ, потому-что противные вѣтры препятствовали ему плыть въ этомъ направле-

нiи (другой причины не могло быть). Сличивъ его «Дневникъ» съ картой, мы видимъ что островъ, извѣстный въ наше время подъ именемъ «Зачатія», дѣйствительно лежитъ на востоко-юго-востокъ, отъ Санъ-Сальвадора и отстоитъ отъ него ровно на пять миль.

Отплывъ отъ «Зачатія» 16 октября, Коломбъ взялъ направленіе къ одному очень большому острову, который показался миляхъ въ девяти на западѣ, простираясь въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверо-западу на двадцать-восемь миль. На пути къ нему онъ былъ застигнутъ тишью и присталъ къ берегу уже на слѣдующее утро, 17 октября. Онъ назвалъ этотъ островъ — Фернандиною. Въ полдень онъ снова поднялъ паруса, въ намѣреніи обойти его и пристать къ другому острову, Самоэту; но такъ-какъ вѣтеръ дулъ съ юго-востоко-четверть-юга, то-есть именно противъ того направленія, куда онъ располагалъ плыть, то дикіе объяснили ему, что легче будетъ обойти островъ держась на сѣверо-западъ, при попутномъ вѣтрѣ. Онъ взялъ указанное ими направленіе, и пройдя двѣ мили, открылъ превосходную гавань съ тѣснымъ входомъ, или лучше-сказать съ двумя входами, образованными островомъ, лежащимъ у самаго ея устья. Вышедъ изъ этой гавани противоположнымъ, сѣверо-западнымъ входомъ, онъ увидѣлъ часть острова, простирающуюся

отъ востока на западъ. Туземцы объяснили ему, что этотъ островъ менѣе Самоэта, и что онъ лучше сдѣлаетъ, если возметъ направленіе къ послѣднему. Здѣсь опять застигъ его штиль; но вскорѣ подулъ свѣжій западо-сѣверо-западный вѣтеръ, противный тому пути, котораго онъ держался. Поэтому онъ перемѣнилъ направленіе, подъ вѣтеръ, на востоко-юго-востокъ, чтобъ выдти въ открытое море, потому-что небо грозило бурей, которая однакожъ разрѣшилась дождемъ. На другой день, 18 октября, суда бросили якорь противъ оконечности Фернандины.

Все это описаніе совершенно примѣняется къ острову Эксумѣ, лежащему къ югу отъ Санъ-Сальвадора и къ юго-западо-четвертьюгу отъ «Зачатія». Единственная разница въ томъ, что, по словамъ Коломба, Фердинандина лежитъ почти на западъ отъ «Зачатія» и простирается въ длину на двадцать-восемь миль.

Эта ошибка могла произойти оттого, что онъ принялъ длинную цѣпь кайевъ, или небольшихъ островковъ, о которой мы говорили выше, за продолженіе берега Эксумы, потому-что со стороны «Зачатія» цѣпь эта дѣйствительно кажется продолженіемъ Эксумы, простираясь въ томъ-же направленіи, отъ юго-востока на сѣверо-западъ. Относительное положеніе этой гряды и острова Эксумы, если смотрѣть на нихъ съ одного пункта,

одинаково съ запада и съ юго-запада. Наше замѣчаніе получаетъ еще болѣе правоподобія по тому обстоятельству, что когда Коломбъ подошелъ ближе къ Фернандинѣ, то протяженіе ея нетолько не увеличилось въ его глазахъ, но еще уменьшилось, такъ-что онъ опредѣляетъ уже всю длину ея въ двадцать миль, между тѣмъ какъ прежде полагалъ ее въ двадцать-восемь. Онъ увидѣлъ тогда, что вмѣсто одного острова, тамъ ихъ много, и перемѣнивъ путь, взялъ направленіе на югъ, въ намѣреніи пристать къ самому большому изъ нихъ.

Тожественность описаннаго Коломбомъ острова съ Эксумой, кажется, несомнѣнна. Разстояніе его отъ «Зачатія,» замѣчательная гавань, закрытая островомъ; уклоненіе берега на западъ, — все означено въ немъ столь точно, какъ-будтобъ положеніе Эксумы на нынѣшнихъ картахъ опредѣлено по описаніямъ Коломба.

19 октября суда отплыли отъ Фернандины къ юго-востоку при сѣверномъ вѣтрѣ. Послѣ трехъ-часоваго плаванія въ этомъ направленіи, они открыли въ восточной сторонѣ островъ Самоэтъ, и, повернувъ къ нему, достигли сѣверной его оконечности, у которой встрѣтили небольшой островокъ, окруженный скалами, а между нимъ и Самоэтомъ другой рифъ. Коломбъ назвалъ Самоэтъ—Изабеллой, оконечность противъ островка —

Кабо-дель-Ислео; а юго-западную оконечность острова Самоэта — ***Кабо-де-Лагуна***, у которой корабли его бросили якорь. Маленькой островокъ простирался отъ востока на западъ, по направленію отъ Фернандины къ Изабеллѣ. Отъ него берегъ Самоэта шелъ на двѣнадцать миль къ западу, до мыса, названнаго Коломбомъ — Формоза, по красотѣ его. Онъ принялъ этотъ берегъ за особый островъ, отдѣленный отъ Изабеллы помянутымъ островкомъ. Простоявъ у Кабо-де-Лагуны до 20 октября, Коломбъ отплылъ на сѣверо-востокъ къ Кабо-дель-Ислео; но встрѣтивъ у островка подводные камни, бросилъ якорь уже на другой день. Здѣсь экипажъ его открылъ озеро и запасся изъ него свѣжею водой.

Описаніе острова Самоэта, или Изабеллы, соотвѣтствуетъ такъ совершенно острову Ларгъ, лежащему на востокъ отъ Эксумы, что довольно одного взгляда на карту, чтобъ убѣдиться въ ихъ тожественности.

24 октября, въ полночь, Коломбъ отплылъ отъ Кабо-дель-Ислео на западо-юго-западъ, къ одному острову, который туземцы называли — Куба, и означали относительное положеніе его къ Изабеллѣ въ этомъ направленіи. До половины дня вѣтеръ дулъ слабо и шелъ дождь, а съ полудня вѣтеръ сдѣлался сильнѣй, и къ вечеру мысъ Ферде, составляющій юго-западную оконечность Фернандины, оставался уже миляхъ въ семи назади,

въ сѣверо-восточномъ направленіи. Между-тѣмъ погода принимала грозный видъ, и суда легли въ дрейфъ до утра.

Утромъ 25-го, Коломбъ продолжалъ плаваніе на западо-юго-западъ до девяти часовъ, и прошелъ пять миль. Потомъ повернулъ прямо на западъ и до трехъ часовъ прошелъ еще одинадцать миль. На этомъ разстояніи открылась, миляхъ въ пяти отъ судовъ, группа островковъ, состоящая изъ семи или восьми кайевъ и простирающаяся отъ сѣвера на югъ. На другой день онъ бросилъ якорь съ южной стороны этихъ островковъ, и назвалъ ихъ Аренскими (Arena). Всѣ они — низменны и имѣютъ отъ пяти до шести миль протяженія.

Пространство, пройденное Коломбомъ, вмѣстѣ съ разстояніемъ отъ Аренскихъ-Острововъ до эскадры, въ то время когда они открылись передъ ней, составляетъ тридцать миль. Этотъ итогъ разнится не болѣе какъ мили на три противъ того разстоянія, которое заключается между юго-западною оконечностью Изабеллы, или Эксумы, отъ которой отплылъ Коломбъ, и Мукарасскою группой, лежащею въ востоку отъ Кайо-Лобо на большой Багамской отмѣли и соотвѣтствующею описанію Коломба. Еслибъ нужно было объяснять эту разность въ три мили разстоянія, въ вычисленіи большею частью примѣрномъ, то стоило-бы обратиться къ пер-

вому морскому офицеру, для котораго подобная невѣрность въ двѣ-три мили, сдѣланная въ продолженіе длинной бурной ночи, не представляетъ ничего необыкновеннаго. Путь къ Муркарасской группѣ идетъ въ юго-западо-четверть-западномъ направленіи; тотъ, которымъ слѣдовалъ Коломбъ, нѣсколько разнится съ этимъ направленіемъ; но такъ какъ Коломбъ отплылъ отъ Изабеллы на западо-юго-западъ, а потомъ повернулъ прямо на западъ, то должно полагать, что онъ сдѣлалъ эту перемѣну въ направленіи потому, что суда его во время дрейфа, ночью, были отнесены въ сторону.

27-го октября, съ восхожденіемъ солнца, Коломбъ отплылъ отъ Аренскихъ, или Мукарасскихъ, острововъ въ юго-юго-западномъ направленіи, отыскивать Кубу, и пройдя семнадцать миль, при наступленіи ночи, увидѣлъ землю и положилъ суда въ дрейфъ до утра.

Въ этомъ мѣстѣ «Дневникъ» Коломба уже не представляетъ прежней точности въ описаніи мѣстностей. Самый текстъ его мѣстами становится теменъ.

Простоявъ въ дрейфѣ до утра 28 октября, суда взяли направленіе на юго-западъ, къ Кубѣ, и вошли въ прекрасную рѣку съ удобнымъ портомъ, который Коломбъ назвалъ — Санъ-Сальвадоромъ. Мы думаемъ, что это то самое мѣсто, которое въ наше время извѣстно подъ именемъ Карабелласъ-Грандесъ, лежащее въ восьми миляхъ западнѣй Нуеви-

тасъ-дель-Принципе. Относительное положеніе его къ Мукарасскимъ - Островамъ и разстояніе отъ нихъ, въ точности соотвѣтствуютъ направленію пути Коломба и числу пройденныхъ имъ миль, и самое описаніе мѣстности, сколько можно судить по картѣ, совершенно примѣняется къ этому порту. 29-го октября Коломбъ отплылъ изъ Санъ-Сальвадора на западъ, и пройдя шесть миль достигъ одной изъ оконечностей острова, простирающейся на сѣверо-западъ, — по нашему мнѣнію той, которая теперь называется Ла-Пунта-Горда. Въ десяти миляхъ далѣе онъ встрѣтилъ другую, восточную оконечность,— думаемъ нынѣшнюю Ла-Пунта-Куріана. Еще проплывъ одну милю, онъ открылъ маленькую рѣчку, а немного далѣе — весьма большую рѣку, названную имъ Ріо-де-лосъ-Маресъ. Эта рѣка, по его описанію, вливается въ прекрасный водоемъ, который образуетъ собой родъ озера, и изъ рѣки въ это озеро удобный входъ. Мѣстность этого пункта онъ обозначаетъ — къ юго-западу двумя круглыми горами, а къ востоко-сѣверо-востоку — возвышеннымъ мысомъ, далеко вдающимся въ море, весьма удобнымъ для постройки на немъ укрѣпленія. Мы полагаемъ, что это описаніе относится къ прекрасной гавани и рѣкѣ, лежащимъ къ западу отъ Пунта-Куріана; разстояніе соотвѣтствуетъ пути, пройденному Коломбомъ отъ Карабелась-Грандесъ, ко-

торую мы приняли за Санъ - Сальвадорскій портъ. Вышедъ изъ рѣки Лосъ-Маресъ, Коломбъ отплылъ, 30 октября, на сѣверо-западъ и пройдя пятнадцать миль, увидѣлъ одинъ мысъ и назвалъ его — Пальмовымъ: думаемъ, что это тотъ самый мысъ, который выдается у восточнаго входа Лагуны-де-Моронъ. За нимъ, по словамъ туземцевъ, протекала рѣка, отъ которой отстоялъ на четыре дня пути городъ Куба; Коломбъ рѣшился слѣдовать къ этой рѣкѣ.

Простоявъ ночь въ дрейфѣ, онъ прибылъ къ ней 31-го октября; но не могъ войти въ нее за мелководьемъ. Эту рѣку считаютъ нынѣшнею Лагуна - де - Моронъ. За ней, по по словамъ Коломба, выдается мысъ, окруженный скалами, а еще далѣе виднѣется другой. Эти два мыса образуютъ собой заливъ, удобный для небольшихъ судовъ.

Тожественность этого описанія съ прибрежьемъ Лагуны-де Моронъ, кажется здѣсь совершенно очевидною. Восточный мысъ Лагуны-де-Моронъ соотвѣтствуетъ Пальмовому-Мысу; сама Лагуна-де Моронъ — неглубокой рѣкѣ, которую описываетъ Коломбъ; а въ мысѣ, лежащемъ къ западу отъ входа, и островѣ Кабріонѣ, находящемся противъ него, нельзя не узнать двухъ другихъ мысовъ, которые, какъ ему казалось, образуютъ собой заливъ. Все это вмѣстѣ представляетъ замѣчательныя точки сходства, которыхъ

нельзя найти ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ того, у котораго находился и которое описалъ Коломбъ. Кромѣ того, по его словамъ, берегъ отъ самаго Санъ-Сальвадорскаго порта простирается на западъ до рѣки Лосъ-Маресъ, на разстояніи семнадцати миль, а отъ этой рѣки идетъ на сѣверо-западъ до Пальмоваго-Мыса, на пятнадцать миль: разстоянія, совершенно соотвѣтствующія нашему предположенію. Послѣ этого поднялся сѣверный вѣтеръ, противный тому направленію, куда слѣдовали суда; они повернули назадъ и вошли въ рѣку Лосъ-Маресъ.

12-го ноября суда отплыли изъ этой рѣки на поискъ острова Бабеки, изобилующаго, по мнѣнію Коломба, золотомъ и лежащаго въ востоко-четверть-южномъ направленіи отъ мѣста ея впаденія. Пройдя восемь миль при попутномъ вѣтрѣ, они достигли одной рѣки, — совершенно соотвѣтствующей своимъ положеніемъ той, которая находится прямо на западъ отъ Пунта-Горда. Въ четырехъ миляхъ отъ этой рѣки Коломбъ открылъ другую рѣку и назвалъ ее — Ріо-дель-Соль. Она казалась очень большою; но эскадра не остановилась для ея обозрѣнія, а пользуясь благопріятнымъ вѣтромъ продолжала путь. По нашему мнѣнію, это та самая рѣка, которая извѣстна подъ именемъ Саваны. Коломбъ тогда плылъ назадъ и прошелъ двѣнадцать миль отъ рѣки Лосъ-Маресъ; но плывя

къ ней отъ Санъ-Сальвадора, съ запада, онъ сдѣлалъ семнадцать миль: слѣдственно Санъ-Сальвадоръ находился тогда въ пяти миляхъ къ востоку отъ Ріо-дель-Соль. Взглянувъ на карту, мы видимъ, что Карабеласъ-Грандесъ лежитъ именно въ этомъ разстояніи отъ Саваны.

Въ шести миляхъ отъ Ріо-дель-Соль, то-есть въ восемнадцати отъ Лосъ-Маресъ, Коломбъ открылъ мысъ, который назвалъ Кабо-дель-Куба, — вѣроятно потому, что принялъ его за оконечность этого острова. Это самое разстояніе отдѣляетъ Мысъ-Касьяна отъ Малой-Гуаявы, — острова, лежащаго подлѣ Кубы, между которымъ и Большою-Гуаявой Коломбъ долженъ былъ проходить слѣдуя къ Санъ-Сальвадорскому порту. Но онъ — или незамѣтилъ его, потому-что въ то время все вниманіе его было занято великолѣпнымъ островомъ, открывшимся предъ нимъ, — или, что также возможно, суда его были пронесены черезъ этотъ проходъ, въ двѣ мили шириною, теченіемъ, въ то время, когда они лежали въ дрейфѣ, въ ночь, предшествовавшую ихъ прибытію въ Санъ-Сальвадорскій портъ.

Утромъ 13-го ноября, простоявъ ночь въ дрейфѣ, суда обогнули одинъ мысъ, выдававшійся на двѣ мили, и вошли въ заливъ, простирающійся въ юго-юго-западномъ направленіи, который принялъ Коломбъ за проливъ, отдѣляющій Кубу отъ Богіо. Этотъ заливъ

оканчивался большимъ водоемомъ, лежащимъ между двухъ горъ, Коломбъ не могъ дознаться — рукавъ-ли это, или заливъ, потому-что не отыскавъ закрытаго мѣста отъ сѣвернаго вѣтра, отплылъ въ море. Изъ этого описанія видно, что Коломбъ обходилъ часть Малой-Гуаявы, которую онъ принялъ за оконечность Кубы, не зная того, что этимъ каналомъ, въ нѣсколько часовъ могъ-бы достигнуть, Санъ-Сальвадорскаго порта, — перваго пункта, открытаго имъ на островѣ Кубы, — а потомъ рѣки Рio-дель-Соль, гдѣ онъ провелъ предшедствовавшій день. Изъ двухъ горъ, усмотрѣнныхъ имъ по обѣимъ сторонамъ этого входа, та, которая больше, соотвѣтствуетъ пику Альто-де-Хуанъ-Даунъ, лежащему въ семи миляхъ къ западу отъ Пункта-де-Матерниллосъ. При томъ-же сѣверномъ вѣтрѣ онъ повернулъ на востокъ и прошелъ четырнадцать миль отъ Кабо-де-Куба, который мы назвали Малой-Гуаявой. Здѣсь уже становится очевиднымъ, что онъ принималъ оконечность Малой-Гуаявы за оконечность Кубы, потому-что, описывая землю, открывшуюся подъ вѣтромъ отъ вышеозначеннаго нами залива, онъ называетъ ее островомъ Богіо, и говоритъ, что берегъ ея простирался передъ нимъ съ востоко-юго-востока на западо-сѣверо-западъ, на двадцать миль.

14-го ноября, простоявъ всю ночь въ дрейфѣ, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, Коломбъ

рѣшился искать гавани; а если не найдетъ ее, возвратиться въ одну изъ прежнихъ, оставленныхъ имъ у береговъ Кубы: не должно забывать, что онъ считалъ всѣ земли на востокъ отъ Малой-Гуаявы, прилегающими къ острову Богіо. Въ этомъ намѣреніи онъ пропелъ въ востоко-четверть-южномъ направленіи шесть миль, и потомъ повернулъ къ берегу. Здѣсь онъ увидѣлъ много острововъ и гаваней; но такъ-какъ вѣтеръ усилился и море сдѣлалось бурно, то онъ не рѣшился войти въ портъ, а продолжалъ плыть вдоль берега въ сѣверо-западо-четверть-западномъ направленіи. Пройдя восемнадцать миль, онъ увидѣлъ прекрасный входъ въ гавань, къ которой сначала держался въ юго-юго-западномъ направленіи, а потомъ повернулъ на юго-востокъ, потому-что плаваніе сдѣлалось свободно и безопасно. Въ этомъ мѣстѣ Коломбъ увидѣлъ безчисленное множество возвышенныхъ и покрытыхъ деревьями острововъ. Онъ назвалъ эту часть океана — Моремъ Богоматери, а гавань, лежащую у входа къ островамъ — Пуэрто-дель-Принципе. Онъ говоритъ, что вошелъ въ эту гавань въ слѣдующее воскресенье, то-есть спустя уже четыре дня. Въ этой части «Дневника» Коломба встрѣчаются запутанности; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорится о предметахъ, относящихся къ позднѣйшему времени, что̀ даетъ видъ, какъ-будто онъ былъ составленъ уже послѣ

описанныхъ въ немъ событій, или что матеріалы въ немъ были перебиты при переискѣ. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что суда его въ продолженіи дрейфа въ предшествовавшую ночь, при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, были отнесены къ юго-западу и далеко увлечены въ томъ-же направленіи стремительнымъ теченіемъ Багамскаго-Канала. Слѣдовательно, вознамѣрившись вернуться въ оставленные имъ гавани у береговъ Кубы, онъ плылъ по вѣтру, и здѣсь открылъ въ первый разъ ту группу многочисленныхъ острововъ, изъ которыхъ важнѣйшій называется Кайо-Романо. Одного теченія этого канала достаточно было, чтобъ отнести суда на двадцать миль къ западу, именно на то разстояніе, на которое они подвинулись на востокъ со времени отплытія отъ Мыса-Кубы, или Малой-Гуаявы, потому-что они подвергались его вліянію цѣлыхъ тридцать часовъ. Невозможно сомнѣваться въ тожественности этихъ островковъ съ тѣми, которые окружаютъ Кайо-Романо, потому-что изъ всѣхъ кайевъ, лежащихъ около Кубы, одни только они не низменны и не болотисты, а возвышенны и довольно велики. Плаваніе между ними свободно и безопасно, и у береговъ ихъ очень много превосходныхъ гаваней, куда часто приставали впослѣдствіи морскіе разбойники, находя между излучинами этихъ утесистыхъ кайевъ безопасныя убѣжища и надежныя мѣ-

ста для складки своей добычи. Судя по описанію Коломба, корабли его, кажется, прошли между островами Барилемъ и Пацедономъ, и слѣдуя вдоль Кайо-Романо, въ юго-восточномъ направленіи, на другой день вышли на мѣсто прежняго своего крейсированія, къ Малой-Гуаявѣ. Коломбъ не говоритъ ни слова, перемѣнилъ-ли онъ якорное мѣсто между этими кайями; въ «Дневникѣ» его не упоминается даже, становился-ли онъ якоремъ до самаго возвращенія его съ неудачнаго поиска Бабеки. Изъ сказаннаго выше ясно видно, что въ этомъ случаѣ суда его бросили якорь не въ портѣ дель-Принципе; однакожъ они не могли находиться далеко отъ него, потому-что 18-го ноября Коломбъ прибылъ въ этотъ портъ съ своими кораблями, для водруженія креста у его входа, вѣроятно, усмотрѣннаго имъ 13-го ноября, на пути изъ Гуаявы въ восточномъ направленіи. По описанію входа въ этотъ портъ, тожественность его съ тѣмъ, который извѣстенъ въ наше время подъ именемъ Нуэвитасъ-дель-Принципе, кажется несомнѣнна. Надобно думать, что Коломбъ не углублялся въ него.

19-го ноября суда снова отплыли на поискъ Бабеки. При захожденіи солнца портъ дель-Принципе находился отъ нихъ на юго-востокѣ, миляхъ въ семи разстоянія. Они продолжали плыть всю ночь въ сѣверо-востоко четверть-сѣверномъ направленіи, и на другой

день, 20-го ноября, къ десяти часамъ утра прошли пятнадцать миль. Здѣсь вѣтеръ повернулъ съ востоко-юго-востока, — направленіе, въ которомъ предполагали Бабеку, и погода приняла грозный видъ. Это заставило Коломба возвратиться въ портъ дель-Принципе, отъ котораго онъ находился тогда въ двадцати-пяти миляхъ, не заходя къ Изабеллѣ, хотя она лежала только въ двадцати миляхъ, потому-что онъ опасался, чтобъ дикіе, взятые имъ съ Санъ-Сальвадора, отстоящаго на восемь миль отъ Изабеллы, не нашли случая убѣжать. Такимъ-образомъ, отплывъ отъ окрестностей порта дель-Принципе въ сѣверо-востоко-четверть-восточномъ направленіи, Коломбъ подошелъ очень близко къ Изабеллѣ. Слѣдственно, по его вычисленіямъ этотъ островъ лежитъ въ тридцати-семи, а Санъ-Сальвадоръ въ сорока-пяти миляхъ отъ порта дель-Принципе. Первое изъ этихъ двухъ счисленій разнится съ дѣйствительнымъ разстояніемъ Нуевитасъ-дель-Принципе отъ острова Ларги и Санъ-Сальвадора только на восемь миль; послѣднее — на девять. Теперь взглянемъ еще разъ на путь, которымъ слѣдовалъ Коломбъ отъ Изабеллы къ Кубѣ. Сначала онъ плылъ на западо-юго-западъ; потомъ прямо на западъ; наконецъ на юго-юго-западъ. Взявъ въ соображеніе всѣ разстоянія, пройденныя имъ въ каждомъ изъ этихъ трехъ направленій, получимъ среднее направленіе его пути —

почти юго-западное. Потомъ, плывя отъ Изабеллы на юго-западъ, Коломбъ прибылъ въ Санъ-Сальвадорскій портъ, къ берегамъ Кубы. Отъ порта дель-Принципе онъ слѣдовалъ на сѣверо-востоко-четверть-сѣверъ, въ направленіи къ Изабеллѣ. Изъ этого мы заключаемъ, что портъ на Кубскомъ берегу, который Коломбъ назвалъ Санъ-Сальвадорскимъ, находился къ западу отъ порта дель-Принципе: и здѣсь сходятся и связываются въ одинъ узелъ всѣ наши доказательства. Два острова, усмотрѣнные Коломбомъ въ десять часовъ утра того-же числа, то-есть 20 ноября, должны быть кайи, принадлежащіе къ группѣ, которая лежитъ къ западу отъ Юмантосской. Возвращаясь къ порту дель-Принципе, Коломбъ открылъ его ночью; но замѣтилъ, что суда его отнесены теченіемъ на западъ: послѣднее обстоятельство представляетъ достаточное доказательство силы стремленія воды въ Багамскомъ-Каналѣ, котораго вліянію они подверглись, потому-что, какъ мы сказали выше, онъ плылъ къ Кубѣ при попутномъ вѣтрѣ. Послѣ четырехдневной борьбы съ теченіемъ, при слабомъ вѣтрѣ, онъ прибылъ 24 ноября къ одному низменному острову, отъ котораго суда отплыли, за недѣлю, къ Бабекѣ.

Такимъ-образомъ мы узнаемъ случайно, что пунктъ, отъ котораго Коломбъ отправился на поискъ Бабеки, тотъ самый островъ Малая-Гуаява, который лежитъ къ западу отъ

Нуевитась-дель-Принципе. Кромѣ-того: Коломбъ не рѣшался войти въ проливъ между двухъ горъ, по причинѣ сильнаго пробоя къ нему морскихъ волнъ; но пославъ сначала одну карабеллу впередъ, онъ отплылъ за ней съ остальными судами — прежде въ юго-западномъ, потомъ прямо въ западномъ направленіи, и вошелъ въ спокойную гавань; къ сѣверу отъ этой гавани, по его описанію, лежитъ низменный островъ, который, вмѣстѣ съ другимъ острогомъ, составляетъ превосходный портъ, или лучше сказать водоемъ, въ которомъ могъ-бы помѣститься весь Испанскій флотъ. Изъ этого описанія уже ясно видно, что нашъ прежній Мысъ-Куба, который мы опредѣлили Малою-Гуаявой, не что иное, какъ этотъ самый низменный островъ; а восточный входъ его — заливъ, открытый Коломбомъ между двухъ горъ, изъ которыхъ одну мы опредѣлили Альто-де-Хуанъ-Дуаной, и отдѣляющій, какъ казалось Коломбу, Кубу отъ Бого. Теперь путь нашъ становится весьма простъ.

Ноября 26-го, съ восходомъ солнца, Коломбъ отплылъ изъ Санта-Каталины, (имя, которое онъ далъ описанной нами гавани) къ мысу, лежащему отъ ней на юго-востокъ, и названному имъ Кабо-де-Пико: въ этомъ мысѣ уже легко узнается высокая гора, о которой мы говорили, опредѣляя ее нынѣшнею Альто-де-Хуанъ - Дуана. Достигнувъ ея, онъ увидѣлъ

другой мысъ, въ пятнадцати миляхъ разстоянія, а за нимъ въ пяти миляхъ третій, названный имъ Кабо-де Кампана. Первый изъ этихъ мысовъ долженъ быть тотъ самый, который извѣстенъ въ наше время подъ именемъ Падрасскаго, а другой—мысъ Мулась.

Разстояніе ихъ отъ Альто-де-Хуань-Дуана больше того, которое означаетъ Коломбъ; но чтобъ опредѣлить съ точностью разстоянія высокихъ мысовъ Кубы, усматриваемыхъ сквозь прозрачную атмосферу, окружающую этотъ островъ, нужна большая опытность.

Обогнувъ въ продолженіе ночи Мысъ-Мулась, Коломбъ открылъ 27 числа съ юго-восточной его стороны глубокій заливъ; и увидѣвъ за нимъ другой высокій мысъ, выдающійся между портами Нипомъ и Баномъ, съ глубокими заливами по обѣимъ сторонамъ, онъ принялъ его за рукавъ, раздѣляющій двѣ земли, между которыми лежитъ островъ. Приставъ на короткое время къ берегу Тако, Коломбъ прибылъ ввечеру 27 числа къ Баракоа, который назвалъ Пуэрто-Санто. На пути отъ Кабо-дель-Пико къ Пуэрто-Санто, онъ миновалъ, на пространствѣ шестидесяти миль, девять удобныхъ гаваней и пять рѣкъ, доплывъ только до Мыса-Кампана; а отъ него до Пуэрто-Санто прошелъ еще мимо восьми рѣкъ, изъ которыхъ при каждой находилась хорошая гавань. Всѣ эти рѣки и гавани можно найти на картѣ между Альто-де-Хуань-Дуаны

и Баракоа. При обходѣ берега, его суда относило на юго-востокъ теченіемъ Багамскаго канала. Отплывъ отъ Пуэрто-Санто, или Баракоа, 4-го декабря, онъ на другой день достигъ оконечности Кубы, и пользуясь юго-западнымъ вѣтромъ, благопріятнымъ для поиска Бабеки, указаннаго ему въ сѣверо-восточномъ направленіи, онъ открылъ Богіо, и назвалъ его Испаніолой. При отплытіи отъ Кубы, Коломбъ говоритъ, что онъ прошелъ вдоль ея береговъ сто двадцать миль. Если мы двадцать изъ нихъ отбросимъ на извилины берега, останется сто миль: разстояніе, совершенно соотвѣтствующее пространству между Мысомъ-Маизи и Кайемъ Кабріономъ, которымъ мы заключили открытія Коломба къ западу.

Этому предположенію нисколько не противорѣчатъ астрономическія наблюденія Коломба: онъ говоритъ намъ, что инструментъ, которымъ онъ измѣрялъ высоту небесныхъ тѣлъ на меридіанѣ, былъ испорченъ, и что нельзя полагаться на его вѣрность. Первое открытіе свое, Гуанагани, онъ помѣщаетъ въ одной широтѣ съ островомъ Феро, то-есть около 27°, 30′, между-тѣмъ, какъ настоящее положеніе Санъ-Сальвадора — подъ 24° 30′; а острова Тюркаса — подъ 21° 30′. Разность въ вычисленіяхъ значительна; но во всякомъ случаѣ легче понять ошибку въ трехъ градусахъ, чѣмъ въ шести. Отложивъ въ сто-

рону географическія изслѣдованія, разсмотримъ теперь, до какой степени согласуются историческія свидѣтельства съ мнѣніемъ, что островъ Санъ-Сальвадоръ—первый пунктъ, къ которому Коломбъ присталъ въ Новомъ-Свѣтѣ. Геррера, вообще почитаемый точнѣйшимъ и достовѣрнѣйшимъ изъ всѣхъ Испанскихъ историковъ, написалъ свою ***Исторію Индіи*** около 1600 года. Говоря о путешествіи въ Флориду Іоанна Понса Леонскаго (1), онъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: «оставивъ Агаду, въ Порто-Рикко, мореплаватели взяли направленіе на сѣверо-западо-четверть-сѣверъ и черезъ пять дней прибыли къ одному острову, подъ названіемъ Эль-Війо, лежащему подъ 20° 30′ сѣверной широты; а на другой день достигли небольшаго острова Каики, принадлежащаго къ Лукайской группѣ. Въ восьмой день послѣ отъѣзда отъ Порто-Рикко, они бросили якорь противъ другаго островка, подъ названіемъ Ягуна, лежащаго подъ 24 градусомъ. Оттуда прошли къ острову Мануега, подъ 24° 30′, а въ одиннадцатый день пришли къ острову Гуанагани, лежащему подъ 24° 40′ сѣверной широты. Гуанагани—первый островъ, открытый Коломбомъ въ первое его путешествіе; онъ назвалъ его Санъ-Сальвадоромъ.» Такова сущность замѣчаній Герреры, которыми рѣшительно опре-

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad I. lib. IX, cap. 10.

дѣляется положеніе Санъ-Сальвадора. Правда, означенныя имъ широты разнятся, какъ мы сказали выше, съ дѣйствительными широтами, подъ которыми лежатъ всѣ эти острова, — какъ напримѣръ: Санъ-Сальвадоръ помѣщенъ подъ тою широтою, которая не можетъ относиться ни къ какой другой землѣ въ той части Океана, кромѣ Беррійскихъ острововъ, отстоящихъ на семьдесятъ миль отъ ближайшей оконечности Кубы, между тѣмъ какъ Коломбъ говоритъ что Санъ-Сальвадоръ отстоитъ только на сорокъ пять миль отъ порта дель-Принципе; но въ то время младенчества мореплаванія, инструменты для измѣренія высотъ небесныхъ тѣлъ и таблицы склоненій, по которымъ вычисляются широты, должны были находиться въ столь несовершенномъ состояніи, что учснѣйшіе мореходцы того вѣка стояли ниже самыхъ обыкновенныхъ и наименѣе образованныхъ мореплавателей нашего времени.

Второй островъ, къ которому присталь Понсъ-де-Леонъ, слѣдуя въ сѣверо-западномъ направленіи — одинъ изъ Каикскихъ: слѣдственно первый, названный имъ Эль-Війо, долженъ быть — островъ Тюркасъ, который лежитъ къ юго-востоку отъ Каикской группы; третій, вѣроятно, Маригуана; четвертый — Крукедъ, а пятый — островъ Ларга. Наконецъ онъ прибылъ къ Гуанагани, Санъ-Сальвадору Коломба. Если предположить,

что этотъ островъ— нынѣшній Тюркасъ, въ такомъ случаѣ, гдѣ мы найдемъ рядъ острововъ, къ которымъ приставалъ Понсъ де-Леонъ на пути отъ Порто-Рикко къ Санъ-Сальвадору (1)? Мы уже не приводимъ тожественности нынѣшнихъ именъ Санъ-Сальвадора, острова «Зачатія» и порта дель-Принципе, съ названіями, данными имъ Коломбомъ, — хотя въ подобныхъ случаяхъ свидѣтельство преданія имѣетъ большой вѣсъ. Надѣемся, что предложенныя нами географическія доказательства достаточно удовлетворительны для утвержденія давняго мнѣнія, что островъ, называемый въ наше время Санъ-Сальвадоромъ— первое мѣсто, котораго коснулась нога Коломба въ Новомъ-Свѣтѣ. Мнѣнія, утвержденныя съ столь давняго времени и на основаніяхъ столь прочныхъ, не должно опровергать легкомысленно. Есть одно старинное и хорошее правило, которое на худо-бы было всегда имѣть въ виду любопытнымъ изслѣдователямъ, также какъ и размежевателямъ земель: «не сдвигайте съ мѣста старыхъ рубежей.».

(1) Въ первой главѣ *Описанія Индіи*, Герреры, приложеннаго къ его *Исторіи*, находимъ другую вѣтвь Богамскихъ-Острововъ, что подтверждаетъ сказанное нами выше. Она начинается съ противоположнаго конца, то-есть отъ сѣверо-запада, и нисходитъ къ юго-востоку. Мы не считали нужнымъ подвергать это обстоятельство особому разбору.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 17.

Правила, по которымъ суммы, упоминаемыя въ этомъ сочиненіи, приведены въ новѣйшія монеты.

Въ царствованіе Фердинанда и Изабеллы, серебряная марка, заключавшая въ себѣ восемь унцовъ, или пятдесять кастилліановъ, дѣлилась на шестдесять-пять реаловъ, а каждый реалъ на тридцать-пять мараведовъ: слѣдственно серебряная марка содержала въ себѣ двѣ-тысячи-двѣсти-десять мараведовъ. Между серебряными монетами былъ еще восмерной реалъ, который равнялся цѣною восьми, обыкновеннымъ реаламъ и составлялъ, безъ малаго, восьмую долю серебряной марки, или одинъ унцъ. Изъ золотыхъ ходячихъ конетъ того времени, кастилланъ, или *dobla de la Vanda*, цѣнился въ четыреста-девяносто мараведовъ, а червонецъ въ триста-девяносто-три. Еслибъ цѣнность мараведа не понизилась въ Испаніи съ тѣхъ поръ, то очень легко было-бы привесть всякую сумму времени Фердинанда и Изабеллы, въ соотвѣтственную ей современную монету; но

съ постепеннымъ уменьшеніемъ цѣнности лигатурной монеты, — то есть составленной изъ смѣшенія металловъ, — пущенной въ ходъ съ той эпохи, лигатурный реалъ и мараведъ, замѣнившіе прежнюю монету, понизились около 1700 года до одной трети противъ цѣнности прежнихъ реаловъ и мараведовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *серебряныхъ*. Но такъ-какъ старинная монета въ восемь реаловъ равнялась, безъ весьма малой дроби, унцу серебра, а нынѣшній *duro*, или доллеръ, также составляетъ унцъ, то можно принять ихъ за равноцѣнныя, тѣмъ болѣе, что въ Испанской Америкѣ доллеръ не дѣлится на двадцать реаловъ, какъ въ Испаніи, а на восемь частей, называемыхъ то-же реалами, — очевидно соотвѣтствующими реаламъ Фердинанда и Изабеллы, точно также какъ доллеръ соотвѣтствуетъ тогдашнему восмерному реалу. А такъ-какъ унцъ серебра цѣнился тогда въ $276\frac{1}{4}$ мараведовъ, слѣдовательно и нынѣшній доллеръ равняется $276\frac{1}{4}$ мараведовъ. На этомъ основаніи всѣ суммы, которыя приведены въ нашемъ сочиненіи, были сначала обращены въ мараведы, а потомъ приведены въ доллеры раздѣленіемъ числа, выражающаго мараведы, на $276\frac{1}{4}$.

Но этимъ еще неоканчивается счисленіе. Чтобъ получить дѣйствительную, современную, цѣнность старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, необходимо нужно обра-

тить вниманіе на измѣненіе цѣнности самыхъ металловъ. Въ Европѣ, до открытія Новаго-Свѣта, за унцъ золота получали пищею или работою столько, сколько въ наше время можно получить за три унца: слѣдственно унцъ золота имѣлъ тогда втрое болѣе цѣнности противъ нынѣшняго. Въ тоже время за одинъ унцъ серебра можно было купить столько, сколько въ наше время покупается за четыре унца. Изъ этого выходитъ, что цѣнность золота и серебра измѣнилась не только въ отношеніи къ предметамъ, за нихъ пріобретаемымъ, но и относительно одного изъ этихъ металловъ къ другому. Послѣднее обстоятельство произошло оттого, что изъ Новаго-Свѣта ввезено въ Европу гораздо болѣе серебра чѣмъ золота, относительно къ количеству обоихъ металловъ, обращавшихся до того времени. Въ XV вѣкѣ унцъ золота равнялся почти двадцати унцамъ серебра; а въ наше время, — въ 1827 году, — онъ цѣнится въ шестнадцать унцовъ.

Поэтому, опредѣляя относительную цѣнность старинныхъ монетъ, выраженныхъ въ суммахъ, мы, въ нашемъ сочиненіи, умножали эти суммы на три — если онѣ были составлены изъ золотыхъ монетъ, и на четыре — если изъ серебряныхъ (1).

(1) См. Caballero *Pesos y Medidas*. — J. B. Say, Economie politique.

Считаемъ не лишнимъ прибавить, что доллеръ полагали мы здѣсь во сто сантимовъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и въ четыре шилинга шесть пенсовъ Англійскихъ. (Въ Русскую современную монету приведены эти суммы приблизительно, обращеніемъ доллеровъ Соединенныхъ-Штатовъ въ серебряные рубли, — считая въ каждомъ доллерѣ 135½ копѣекъ чистаго серебра; а изъ серебряныхъ рублей въ обыкновенные, ходячіе, рубли).

ПРИЛОЖЕНІЕ № 18.

Марко Поло.

Путешествія Марко-Поло, или Паоло, объясняютъ многое въ путешествіяхъ и ипотезахъ Коломба, безъ чего они были-бы почти непонятны.

Марко Поло, Венеціянскій уроженецъ знаменитаго происхожденія, совершивъ въ XIII вѣкѣ путешествіе въ отдаленныя и въ то время неизвѣстныя страны Востока, возбудилъ любопытство всего христіанскаго міра описаніемъ посѣщенныхъ имъ мѣстъ. Однакожъ онъ не первый предпринялъ это путешествіе: отецъ его, Николай Поло, и дядя, родной братъ отца, ѣздили туда прежде его. Они отправились моремъ въ 1250 году (1), имѣя цѣлью — коммерческія сношенія съ разными Восточными народами. Проплывъ

(1) Ramusio, t. XVII, p. 17, Венеціянское изданіе, 1606.

Средиземное - Море и Басфорскій - Проливъ, они пристали на нѣсколько времени къ Константинополю; оттуда прошли Эвксиномъ въ Арменію, гдѣ пробыли годъ при дворѣ одного Татарскаго хана, который принялъ ихъ весьма благосклонно. Но между этимъ ханомъ и сосѣднимъ владѣтелемъ возгорѣлась война; ихъ покровитель былъ разбитъ, и они встрѣтили затрудненіе въ выѣздѣ изъ его владѣній, для возвращенія въ свое отечество. Скитаясь изъ мѣста въ мѣсто, они прибыли наконецъ въ Бухару, и прожили тамъ три года. Въ то время, когда они находились въ Бухарѣ, прибылъ туда посланникъ отъ одной второстепенной Татарской державы, ѣхавшій ко двору великаго хана, и узнавъ, что они довольно хорошо понимаютъ Татарскій языкъ, уговорилъ ихъ сопровождать его. Послѣ продолжительнаго путешествія, замедляемаго снѣгами и разливомъ рѣкъ, они прибыли наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, ко двору Кублая, или великаго-хана, что значитъ царь-царей, потому-что онъ былъ верховный властитель Татаръ. Этотъ роскошный государь принялъ ихъ весьма благосклонно; распрашивалъ о западныхъ странахъ и ихъ владѣтеляхъ, о гражданскомъ и военномъ ихъ управленіи, и о нравахъ и обычаяхъ Латинскихъ народовъ; но въ особенности обнаруживалъ живѣйшее любопытство на счетъ христіанской религіи. Отвѣты братьевъ

Поло произвели на него столь сильное впечатлѣніе, что онъ, по совѣщаніи съ высшими сановниками государства, просилъ обоихъ ихъ отправиться отъ его имени къ папѣ, въ качествѣ посланниковъ, съ покорнѣйшею просьбою — прислать къ нему сто ученыхъ мужей, хорошо наставленныхъ въ истинахъ религіи, для истолкованія ихъ мудрецамъ его имперіи. Онъ просилъ также привезть ему нѣсколько масла изъ лампады, висящей при Гробѣ-Господнемъ, въ Іерусалимѣ, въ томъ убѣжденіи, что оно должно заключать въ себѣ чудесную силу; далъ имъ письма къ папѣ на Татарскомъ языкѣ; назначилъ одного изъ знатнѣйшихъ вельможъ для сопровожденія ихъ въ пути, и при разставаньи далъ имъ золотую дощечку, на которой былъ вырѣзанъ велико-ханскій гербъ, вмѣсто пасспорта, по предъявленіи котораго, намѣстники были обязаны принимать ихъ, давать въ опасныхъ мѣстахъ конвои, и вообще оказывать всякаго рода вспомоществованіе и доставлять все нужное на счетъ великаго-хана.

Но едва отъѣхали они двадцать миль, какъ сопровождавшій ихъ царедворецъ занемогъ; они принуждены были оставить его и продолжали путь одни. Золотой пасспортъ доставлялъ имъ во всѣхъ владѣніяхъ великаго-хана всѣ возможныя удобства и почтительный пріемъ. Такимъ-образомъ они прибыли

благополучно въ Акру, въ апрѣлѣ 1269 года. Здѣсь они узнали о недавней смерти папы Климента IV. Это событіе весьма опечалило ихъ: они опасались, чтобъ оно не замедлило выполненія возложеннаго на нихъ дѣла. Въ Акрѣ жилъ тогда папскій легатъ, Тебальдо де-Висконти; они явились къ нему и объяснили цѣль своего посольства. Легатъ выслушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и живѣйшимъ участіемъ, и совѣтовалъ не отправляясь въ Римъ для исполненія возложеннаго на нихъ порученія, дождаться избранія новаго папы, которое должно было скоро послѣдовать.

Они приняли его совѣтъ и отправились въ Негропонтъ, а оттуда въ Венецію, гдѣ въ продолженіе ихъ долговременнаго отсутствія, произошли важныя перемѣны въ ихъ семейственныхъ дѣлахъ. Жена Николая, оставленная имъ беременною, умерла родами, произведя на свѣтъ сына, Марко, которому было тогда уже девятнадцать лѣтъ.

Между-тѣмъ избраніе новаго папы произвело сильныя распри и оставалось нерѣшеннымъ цѣлыхъ два года. Это заставило братьевъ Поло опасаться, чтобъ Татарскій императоръ не потерялъ терпѣнія, встрѣтивъ столь продолжительную остановку въ обращеніи къ христіанству его самого и подвластнаго ему народа, — и они рѣшились, не ожидая избранія папы, отправиться въ Акру и испро-

сить отъ тамошняго легата отвѣтъ къ великому-хану и столько миссіонеровъ, сколько онъ въ состояніи будетъ послать съ ними. Въ это второе путешествіе Николай Поло взялъ съ собой и сына своего, Марка, который и описалъ ихъ странствованіе.

Легатъ Тебальдо принялъ ихъ также хорошо какъ и въ первый разъ, и желая содѣйствовать успѣху ихъ предпріятія, вручилъ имъ письма къ великому-хану, въ которыхъ ученіе христіанской религіи было изложено ясно и опредѣлительно. Съ этимъ посланіемъ и сосудомъ елея отъ Гроба-Господня, они отправились въ путь въ сентябрѣ 1271 года, въ отдаленныя страны Татаріи. Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда легатъ получилъ изъ Рима увѣдомленіе, что онъ самъ избранъ въ папы. Онъ принялъ имя Григорія X и издалъ постановленіе, чтобъ на будущее время кардиналы, по смерти папы, оставались въ конклавѣ до-тѣхъ-поръ, пока не изберутъ преемника умершему, — мѣра весьма благоразумная, побудившая избирателей къ поспѣшному рѣшенію при выборахъ, предупредившая интриги и наблюдаемая съ того времени донынѣ. Получивъ извѣстіе о своемъ избраніи, легатъ въ то же время отправилъ курьера къ владѣтелю Арменіи съ просьбой, — прислать къ нему обоихъ Венеціянцевъ, если они еще не уѣхали. Братья Поло возвратились съ радостью и получили отъ него дру-

гія письма къ хану. Онъ послалъ вмѣстѣ съ ними двухъ краснорѣчивыхъ монаховъ, Николая Винченти и Жильберта Триполи, которымъ далъ власть возводить въ священническій и епископскій саны и даровать отпущеніе грѣховъ, снабдивъ ихъ для представленія въ даръ великому-хану хрустальными вазами и другими драгоцѣнными вещами. Такимъ образомъ, получивъ все нужное, посольство отправилось въ путь (1).

Прибывъ въ Арменію, странники подверглись большимъ опасностямъ, потому что этотъ край былъ тогда опустошаемъ войною, внесенной въ его предѣлы Вавилонскимъ султаномъ. Они укрылись на нѣсколько времени у настоятеля одного монастыря, гдѣ почтенные отцы миссіонеры, убоясь дальнѣйшихъ опасностей, сопряженныхъ съ столь отдаленнымъ странствованіемъ, рѣшились остаться. Венеціянцы продолжали путь одни. Послѣ продолжительной дороги, преодолѣвъ большія препятствія и встрѣтивъ затрудненія отъ разлитія рѣкъ и отъ снѣгу, — потому-что это было зимою, — они прибыли наконецъ во владѣнія великаго-хана, который узнавъ объ ихъ вступленіи въ его землю, немедленно выслалъ къ нимъ на встрѣчу, на сорокъ дней пути отъ своей резиденціи, осо-

(1) Ramusio, tom. III.

быхъ чиновниковъ (1), съ приказаніемъ, доставлять путникамъ все нужное во время ихъ слѣдованія къ столицѣ.

Ханъ принялъ ихъ очень благосклонно и былъ весьма доволонъ результатомъ ихъ посольства и письмами, которыя они вручили ему отъ папы; сосудъ съ масломъ изъ лампы, висящей при Гробѣ-Господнемъ, онъ велѣлъ спрятать и тщательно хранить какъ драгоцѣнное сокровище.

Благосклонность хана къ Венеціянцамъ возбудила зависть въ его придворныхъ. Однакожъ Марко вскорѣ пріобрелъ всеобщую любовь и особенное уваженіе хана. Онъ изучилъ разные туземные языки и обнаружилъ столь блистящія способности, что ханъ, не смотря на его молодость, употреблялъ его въ разныя посольства и важныя дѣла, и тѣмъ доставилъ ему случай собрать разнородныя свѣденія объ его обширномъ государствѣ.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Татаріи, Венеціянцы пожелали наконецъ возвратиться на родину; ханъ долго не рѣшался разстаться съ ними; но наконецъ отпустилъ. Они

(1) Бержеронъ, по ошибкѣ, говоритъ въ своемъ переводѣ Латинскаго оригинала, что ханъ выслалъ для сопровожденія ихъ сорокъ-тысячь человѣкъ. Эта невѣрность навлекла на Марка Поло порицанія критиковъ, которые приводили это мѣсто въ примѣръ его нелѣпыхъ преувеличеній

выѣхали вмѣстѣ съ посланниками Индѣйскаго царя, отправленными для сопровожденія Татарской принцессы, назначенной ему въ супружество. Щедрый ханъ снова снабдилъ ихъ золотыми дощечками, по которымъ мѣстные начальники его владѣній нетолько давали имъ всюду свободный пропускъ, но и доставляли все нужное. Достигнувъ моря, они отплыли на флотѣ изъ четырнадцати кораблей, и держась нѣсколько времени Азіятскихъ береговъ, достигли одного острова, который назвали — *Яна*; потомъ, переплывъ Индѣйское-Море, прибыли ко двору государя этой страны. Проживъ тамъ нѣсколько времени, они получили отъ Индѣйскаго царя другія золотыя дощечки, для свободнаго и безопаснаго проѣзда чрезъ его владѣнія. Переѣздъ ихъ до Константинополя былъ продолжителенъ и сопряженъ съ разными затрудненіями. Изъ Константинополя они отправились въ Венецію и прибыли туда благополучно, съ великими сокровищами, въ 1295 году. Рамузіо въ «Предисловіи» къ повѣствованію Марко Поло, излагаетъ разныя подробности о прибытіи ихъ на родину и сравниваетъ его съ возвращеніемъ Улисса. Они явились подъ самою убогою наружностью, въ одеждѣ изъ грубой матеріи, сшитой на Татарской покрой. Никто въ Венеціи не узналъ ихъ. Отсутствіе ихъ продолжалось такъ долго, что родственники и знакомые, не получая отъ нихъ ни-

какихъ извѣстій, совершенно забыли объ нихъ считая умершими. Кромѣ чуждаго наряда, вліяніе южнаго солнца и самые пріемы ихъ, которые они нечувствительно усвоили живя столь долгое время посреди народа, совершенно неизвѣстнаго въ Европѣ, дѣлали ихъ болѣе похожими на Татаръ, чѣмъ на Италіянцевъ.

Они пришли въ свой великолѣпный дворецъ извѣстный впослѣдствіи подъ названіемъ *la Corte de la Millone.* Въ немъ жили нѣсколько ихъ родственниковъ, которые незная ничего объ ихъ несмѣтномъ богатствѣ, и, вѣроятно, принявъ ихъ за бѣдныхъ бродягъ, навязывающихся къ нимъ въ родство, не слишкомъ торопились признать ихъ членами своей фамиліи. Однакожъ наши странники придумали вѣрное средство возвратить память своимъ родственникамъ и заставить ихъ сдѣлать себѣ болѣе дружескій пріемъ. Они пригласили всѣхъ ихъ на большой пиръ и приняли гостей въ богатыхъ одеждахъ изъ кармазиннаго атласу, восточнаго покроя. Когда наступило время садиться за столъ, путешественники на время удалились, и вышли въ одеждахъ богаче первыхъ, изъ шелковой ткани того-же цвѣта, — а прежнія велѣли разрѣзать на части и одѣлили ими всѣхъ слугъ: эти одежды были такъ длинны, что волочились по землѣ, — «по «тогдашнему обыкновенію, говоритъ Рамузіо,

« носить длинныя платья у себя дома.» Послѣ первыхъ блюдъ, путешественники опять удалились во внутренніе покои и чрезъ нѣсколько времени вышли къ гостямъ въ бархатныхъ кармазинныхъ одеждахъ, раздавъ снятыя, тѣмъ-же порядкомъ какъ и первыя, слугамъ. Наконецъ изъ бархатныхъ одѣяній они, при окончаніи обѣда, переодѣлись въ современный Венеціянскій костюмъ. Гости не могли опомниться отъ изумленія и не знали, что подумать объ этихъ превращеніяхъ. Наконецъ Марко Поло, выславъ всѣхъ слугъ, принесъ тѣ самыя Татарскія одежды изъ грубой ткани, въ которыхъ они прибыли изъ путешествія, распоролъ ихъ ножемъ въ разныхъ мѣстахъ по швамъ, и отдѣливъ подкладку, высыпалъ изъ нихъ великое множество драгоцѣнныхъ камней — рубиновъ, сапфировъ, изумрудовъ и алмазовъ. Весь столъ заблисталъ подъ неоцѣненными сокровищами, которыя они собрали въ Азіи, благодаря щедрости Великаго-Хана, и провезли, скрывъ ихъ такимъ-образомъ, въ цѣлости черезъ всѣ опасности продолжительнаго путешествія.

« При этомъ видѣ, говоритъ Рамузіо, изумленіе гостей достигло высочайшей степени; всѣ сомнѣнія разсѣялись; они совершенно убѣдились, что эти доблестные и почтенные дворяне, дѣйствительно сами Поло, и начали обходиться съ ними съ особенною почти-

тельностью и оказывать имъ глубочайшее уваженіе. »

Подробности этого занимательнаго пира взяты изъ Рамузіо, которому часто пересказывалъ ихъ знаменитый Гаспаръ Малипьеро, престарѣлый сенаторъ, а ему—отецъ его, отцу—дѣдъ, и такъ далѣе, восходя до очевидцевъ.

Когда слухъ объ этомъ куріозномъ обѣдѣ и о богатствѣ возвратившихся Поло разнесся въ Венеціи, весь городъ захотѣлъ ихъ видѣть; всѣ граждане, дворяне и разночинцы наперерывъ угощали и чествовали ихъ. Старшій изъ трехъ путешественниковъ, Маттео, былъ возведенъ въ званіе члена магистрата. Молодые люди каждый день съѣзжались къ Марко, бесѣдовать о его странствованіяхъ, и проводить съ нимъ время, — потому-что онъ былъ весьма любезенъ и общежителенъ. Посѣтители осыпали его безчисленными вопросами о Кафаѣ и о великомъ-ханѣ, и молодой хозяинъ со всевозможною вѣжливостью и предупредительностью пересказывалъ имъ разныя подробности, которыя составляли для нихъ неистощимый источникъ увеселенія. А такъ - какъ онъ всегда описывалъ богатства великаго-хана въ самыхъ пышныхъ выраженіяхъ, то они прозвали его — Маркомъ Милліони (Messer Marco Milioni).

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія Поло, въ окрестностяхъ острова

Куччолы, появился Генуэзскій флотъ, изъ семидесяти галеръ, подъ начальствомъ адмирала Лампы Доріа. Противъ него выслали Андрея Дондола, Венеціянскаго адмирала; Марко Поло получилъ въ его флотѣ командное мѣсто; но на этотъ разъ счастье измѣнило ему. Находясь въ первой линіи, онъ отдѣлился впередъ, былъ взятъ въ плѣнъ и, обремененый оковами, отправленъ въ Геную, гдѣ его заключили въ темницу. Онъ долго томился въ неволѣ; всѣ предложенія его о выкупѣ были постоянно отвергаемы. Его заключеніе весьма огорчало отца и дядю его, которые вовсе наконецъ отчаялись увидѣть его когда нибудь. Въ такомъ непріятномъ положеніи, обладая огромнымъ богатствомъ и не имѣя наслѣдниковъ, они стали совѣтоваться, что имъ дѣлать. Оба они были очень стары; «однакожъ Николай, говоритъ Рамузіо, былъ еще довольно бодръ,» и потому рѣшено было, чтобъ онъ женился. Онъ вступилъ въ бракъ, и къ большому удивленію своихъ друзей, въ четыре года имѣлъ трехъ дѣтей.

Между-тѣмъ, слухъ о путешествіяхъ Марко-Поло достигъ и Генуи, и съ той поры въ его тюрьмѣ тѣснилось каждый день Генуэзское дворянство, и дѣлало для него все, что только могло облегчить его неволю. Одинъ Генуэзецъ, посѣщавшій узника ежедневно, склонилъ его наконецъ составить описаніе своего путешествія. Марко выписалъ изъ Ве-

неціи свои бумаги и дневники, и сочинилъ книгу, которая произвела впослѣдствіи столько шуму въ свѣтѣ.

Наконецъ его освободили, изъ уваженія къ его личнымъ достоинствамъ. Онъ возвратился въ Венецію и нашелъ отца своего въ кругу многочисленнаго семейства. Это его нисколько не огорчило; онъ самъ послѣдовалъ примѣру старика, женился, и имѣлъ двухъ дочерей, Моретту и Фантину. Три сына отъ втораго брака отца его умерли бездѣтны, и фамилія Поло угасла въ 1417 году.

Вотъ главнѣйшія изъ дошедшихъ до насъ подробностей о Марко-Поло, котораго путешествія долгое время волновали умы въ Европѣ, и какъ увидимъ ниже, имѣли сильное вліяніе на позднѣйшія открытія. Его пышныя описанія обширности, богатства и многолюдности Татаріи, возбудили всеобщее удивленіе. Возможность подчинить всѣ эти страны владычеству Церкви и сдѣлать великаго-хана вассаломъ папскаго престола, было любимою мечтой энтузіастовъ миссіонеровъ; многіе изъ нихъ дѣйствительно принимали на себя обращеніе къ православію этого знаменитаго невѣрнаго.

Даже по прошествіи двухъ вѣковъ, когда покушенія открыть новый путь въ Индію, дали поводъ къ множеству догадокъ на счетъ отдаленныхъ странъ востока, обращеніе великаго-хана занимало еще всѣ умы. Это

предпріятіе заключало въ себѣ такъ много романическаго, что не могло не привлечь къ себѣ живаго воображенія Коломба, и мы видимъ, что онъ во всѣхъ своихъ путешествіяхъ постоянно отыскивалъ владѣнія великаго-хана, и даже по возвращеніи своемъ изъ послѣдней экспедиціи, ослабленный лѣтами, трудами и немощами, онъ написалъ съ болѣзненнаго одра, къ которому приковывали его тяжкія страданія, письмо къ Испанскимъ государямъ, въ которомъ вызывался перевезть во владѣнія Татарскаго императора всѣхъ миссіонеровъ, которые пожелаютъ взять на себя обязанность обратить его къ христіанству.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 19.

Сочиненіе Марко Поло.

Нѣкоторые историки утверждаютъ, что повѣствованіе Марко Поло въ подлинникѣ было написано на Латинскомъ языкѣ (1); но вѣроятнѣй, что оно явилось въ первый разъ въ свѣтъ на Италіянскомъ. Съ него было снято множество рукописныхъ копій, которыя быстро разошлись въ публикѣ; потомъ его перевели на многіе языки, и наконецъ, по изобрѣтеніи книгопечатанія, оно распространилось по всей Европѣ.

Этими переводами и повторительными изданіями текстъ оригинала, по мнѣнію Пурхаса, былъ сильно искаженъ, и, вѣроятно, многія нелѣпости, въ которыхъ обвиняли Марко Поло, произошли отъ ошибокъ переводчиковъ и издателей.

(1) Prevost, *Histoire de Voyages*, t. XVII, l. IV, ch. 3 Paris, 1749.

Когда это сочиненіе явилось въ первый разъ въ свѣтъ, многіе приняли его за сплетеніе басень и нелѣпыхъ выдумокъ; но, по увѣренію Боссія, было время, когда оно высоко цѣнилось учеными.

Франсуа Пепинъ, издатель Бранденбургскаго перевода, относится о Поло какъ о человѣкѣ почтенномъ по своему благочестію, разсудительности и правдивости. Афанасій Кирхеръ, въ своей *Китайской Исторіи*, говоритъ, что никто изъ древнихъ не описывалъ съ большею точностью отдаленныхъ странъ Востока, какъ Марко Поло. Многіе другіе ученые свидѣтельствуютъ о безупречности его характера, а позднѣйшія путешествія въ посѣщенныя имъ страны подтвердили истину важнѣйшихъ мѣстъ его повѣствованія. Совсѣмъ тѣмъ, онъ, очевидно, позволилъ себѣ многія преувеличенія; въ особенности историческая часть его описанія наполнена погрѣшностями и баснями. Онъ смѣшиваетъ названія мѣстъ, весьма неточенъ въ означеніи разстояній и не опредѣляетъ широты ни одного мѣста, въ которыхъ онъ былъ.

Вопросъ, дѣйствительно-ли Марко Поло находился въ описанныхъ имъ странахъ, или составилъ свое повѣствованіе изъ свѣденій, почерпнутыхъ у мусульманъ, о Татаріи, Кафаѣ, и разныхъ частяхъ Индіи и Африканскихъ береговъ, — возбуждалъ большія сомнѣнія. Рамузіо полагаетъ, что большая часть

третьяго тома составлена имъ изъ разсказовъ мореходцевъ, бывавшихъ на Индѣйскомъ-Морѣ. Кирхеръ не можетъ понять, почему онъ ни слова не упоминаетъ о большой Китайской стѣнѣ, которой онъ не могъ миновать, если только не пріѣхалъ моремъ въ эту страну.

Вѣроятнѣйшее мнѣніе относительно Марка Поло то, что онъ обѣхалъ дѣйствительно нѣкоторыя только изъ описанныхъ имъ странъ, о другихъ почерпнулъ свѣденія въ различныхъ источникахъ; что онъ не велъ дневника, но по возвращеніи въ Европу, написалъ свое сочиненіе съ памяти, по нѣкоторымъ краткимъ замѣткамъ, дѣланнымъ на пути, и что такимъ образомъ, видѣнное имъ самимъ перемѣшалось въ умѣ его съ тѣмъ, что онъ слышалъ отъ другихъ, и онъ передалъ намъ басни, распространенныя на Востокѣ, съ такою самоувѣренностью и важностью, какъ будто-бы пересказывалъ неоспоримые факты. Много говорили о картѣ, привезенной Маркомъ Поло изъ Кафая и сохранившейся въ монастырѣ Санъ-Мишеле де Мурано, невдалекѣ отъ Венеціи, гдѣ будто-бы означенъ Мысъ-Доброй-Надежды и островъ Мадагаскаръ, — честь открытія которыхъ Португальцы приписываютъ себѣ двумя вѣками позже его путешествія. Говорили также, что Коломбъ ѣздилъ въ означенный монастырь и разсматривалъ эту карту, и что она внушила ему нѣ-

которыя идеи на счетъ береговъ Индіи. Но Рамузіо, который также посѣщалъ этотъ монастырь и былъ знакомъ съ его пріоромъ, говоритъ, что хранившаяся въ немъ карта не подлинная, а снятая съ составленной Маркомъ Поло однимъ монахомъ, и что впослѣдствіи на ней сдѣлано много прибавленій и измѣненій разными лицами, такъ что наконецъ перестали вѣрить ей, — что продолжалось до-тѣхъ-поръ пока, сличивъ ее съ сочиненіемъ Марка Поло, удостовѣрились, что въ главныхъ отношеніяхъ она согласна съ его описаніями (1). Мысъ-Доброй-Надежды, безъ всякаго сомнѣнія, былъ означенъ послѣ открытія его Португальцами. Коломбъ нигдѣ не упоминаетъ объ этой картѣ; еслибъ онъ видѣлъ ее, вѣроятно, не умолчалъ-бы объ этомъ. Кажется, единственнымъ его руководителемъ была та карта, которую ему прислалъ Пауло Тосканелли и которая была снята съ подлинной карты Марко Поло, или составлена по его описаніямъ и по картамъ Птоломея.

Въ XV вѣкѣ, когда общее вниманіе было устремлено на отдаленныя страны Азіи, и Португальцы дѣлали попытки обойти моремъ Африку, повѣствованіе Марко Поло снова пошло въ ходъ. Изъ его описаній, также изъ путешествій Венеціянца Николо ле-Конте и Генуэзца Іеронима Санъ-Стефана, Португаль-

(1) Ramusio, т. II, стр. 17.

цы, говорятъ, почерпнули свѣденія для руководства въ своихъ экспедиціяхъ (1).

Но повѣствованіе Марко Поло особенно важно и занимательно по тому вліянію, которое оно произвело на умъ Коломба. Оно, очевидно, имѣло въ глазахъ его вѣсъ оракула. Полагаютъ, что у него была рукописная копія съ него. Онъ часто дѣлаетъ ссылки на это повѣствованіе, и въ путешествіяхъ своихъ, принимая открытыя имъ земли за Азіятскій берегъ, безпрестанно отыскиваетъ острова и земли, описанныя Поло, и въ особенности старается открыть знаменитый Чипанго. Считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на нѣкоторыя отыскиваемыя имъ, по Марко Поло, мѣста, и на описаніе этихъ мѣстъ Венеціянскимъ путешественникомъ, чтобъ читатель могъ легче составить понятіе объ идеяхъ, которыя занимали умъ Коломба въ продолженіе плаванія его между островами Западной-Индіи и вдоль береговъ Твердой-Земли.

Главная резиденція великаго-хана, по словамъ Марка Поло, находилась въ городѣ Камбалу, признанномъ впослѣдствіи Пекиномъ, въ провинціи Кафаѣ. «Этотъ городъ, говоритъ онъ, занимаетъ пространства на двадцать-четыре квадратныхъ мили и превосходно выстроенъ. Невозможно описать перомъ великаго множества разныхъ товаровъ, кото-

(1) Histoire des Voyages, tome XL, liv. II, chap. 3.

рые туда привозятъ. Глядя на нихъ, кажется, что всего этого достало-бы на весь свѣтъ.

«Тамъ удивительное множество драгоцѣнныхъ камней, жемчугу, шелковыхъ тканей и разныхъ восточныхъ благовоній. Почти не проходитъ дня, чтобъ не привѣзжало въ городъ до тысячи возовъ съ шелками, изъ которыхъ приготовляютъ въ этомъ городѣ превосходныя ткани.

«Дворецъ великаго-хана — великолѣпное зданіе, простирающееся мили на четыре въ окружности, и составляющее такъ-сказать особый, цѣлый городъ дворцовъ. Внутри вездѣ сіяетъ золото и серебро и хранятся драгоцѣнные сосуды и галантерейныя вещи хана.» Такимъ-же образомъ онъ продолжаетъ описывать, въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ, и всѣ прочія ханскія вещи, служащія для личнаго его употребленія на войнѣ, на охотѣ и въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ.

Но какъ ни пышны описанія Марка Поло провинціи Кафая и императорской столицы Камбалу, онъ, кажется, превосходитъ самъ себя въ описаніи области Манжи (полагаютъ, южной части Китая). «Въ этой землѣ, говоритъ онъ, тысяча-двѣсти городовъ. Столица ея, Квинсай (думаютъ, городъ Гангъ-шу), лежитъ въ двадцати-пяти миляхъ отъ моря, но имѣетъ съ нимъ сообщеніе посредствомъ одной рѣки, впадающей въ гавань, и производитъ обширную торговлю съ Индіей.»

Квинсай, по объясненію Марка Поло, значитъ «Небесный Городъ.» Онъ говоритъ, что былъ въ немъ и внимательно осмотрѣлъ его, и увѣряетъ, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ города больше его: въ этомъ нельзя и сомнѣваться, если только принять описаніе повѣствователя за истинное, потому-что онъ даетъ ему «сто миль» окружности (1). Онъ говоритъ, что Квинсай построенъ на небольшихъ островахъ, какъ Венеція, соединенныхъ двѣнадцатью тысячь каменныхъ мостовъ съ такими высокими арками, что самые большіе корабли могли проходить подъ ними не убирая мачтъ (2); что въ немъ однихъ бань — три тысячи, семействъ — шесть-сотъ тысячь;

(1) Мандевиль, описывая Камбалу, говоритъ, что окружность этого города простирается на десять Ломбардскихъ миль, что составляетъ восемь миль обыкновенныхъ.

(2) Вотъ одна изъ ошибокъ, вкравшихся въ переводы повѣствованія Марка Поло; она навлекла на него негодованіе Георгія Горніуса, который въ своемъ *Origine de l'Amerique* (t. IV, c. 3), восклицаетъ «Кто повѣритъ тому, что онъ говоритъ о городѣ Квинсаѣ? Напримѣръ, будто тамъ есть мосты въ двѣнадцать тысячь миль вышиною!» и проч. Вѣроятно, множество подобныхъ преувеличеній въ повѣствованіи Марка Поло произошли собственно отъ ошибокъ переводчиковъ. Мандевиль, описывая тотъ-же городъ, который онъ называетъ Касай, говоритъ, что онъ построенъ на морѣ, какъ Венеція; что въ немъ тысяча-двѣсти мостовъ, и на каждомъ мосту башня.

что городъ застроенъ великолѣпными зданіями, и посреди города лежитъ озеро въ тридцать миль окружности, по берегамъ котораго возвышаются пышные дворцы знатнѣйшихъ гражданъ; что жители Квинсая сластолюбивы и преданы роскоши и всякаго рода удовольствіямъ, — въ особенности женщины, которыя вообще отличаются необыкновенною красотой; что тамъ много купцовъ и ремесленниковъ, но что сами хозяева не работаютъ, а употребляютъ для исправленія своихъ дѣлъ слугъ; и наконецъ, что область Манжи завоёвана великимъ-ханомъ, который раздѣлилъ ее на девять небольшихъ королевствъ, назначивъ въ каждое особаго короля, состоящаго въ его зависимости, и получаетъ съ ней несмѣтный доходъ, потому-что эта страна производитъ въ большомъ изобиліи золото, серебро, шелкъ, сахаръ, пряности и благовонія.

Зипангу, Зипангри или Чипанго.

Вотъ главнѣйшія мѣста изъ Марка Поло объ этомъ островѣ. Объ нихъ часто упоминаетъ Коломбъ въ своихъ письмахъ и дневникахъ.

«Въ тысячѣ-пяти-стахъ миляхъ отъ береговъ Манжи, на Океанѣ, лежитъ большой островъ Зипангри (или, какъ пишетъ Коломбъ, Чипанго, — полагаютъ, нынѣшняя Японія). Этотъ островъ изобилуетъ золотомъ;

но король рѣдко позволяетъ вывозить его въ другія земли. Дворецъ короля великолѣпенъ; онъ покрытъ золотыми плитами, подобно тому, какъ въ другихъ государствахъ покрываютъ дворцы свинцовыми или мѣдными листами. Комнаты и сѣни въ немъ также обложены золотомъ; окна украшены тѣмъ-же металломъ; полы устланы имъ же; нѣкоторыя плиты въ два пальца толщиною. Кромѣ золота, островъ Зипангри производитъ въ огромномъ количествѣ самый крупный и прекраснѣйшій жемчугъ и разные драгоцѣнные камни. Великій-ханъ нѣсколько разъ покушался овладѣть имъ, однакожъ всѣ усилія его остались безуспѣшны, — и этому нельзя удивляться, если правда, что жители, какъ говорятъ, носятъ на рукахъ нѣкоторые особаго роду камни, имѣющіе волшебную силу и предохраняющіе ихъ отъ всѣхъ уязвленій. Невдалекѣ отъ Зипангри, между этимъ островомъ и берегомъ Манжи, продолжаетъ Марко Поло, море усѣяно семью-тысячью четырьмя-стами-сорока-восемью небольшихъ островковъ, большею частью обитаемыхъ, и и всѣ эти островки, безъ исключенія, производятъ въ изобиліи ароматическія растенія и благовонныя вещества.»

Основываясь на этихъ описаніяхъ, Коломбъ, во время своихъ путешествій, имѣлъ постоянною цѣлью — открытіе острова Чипанго, и одинъ разъ вообразилъ, что достигъ

группы острововъ, о которыхъ мы сей-часъ говорили. Первая земля, къ которой онъ надѣялся пристать — это островъ Чипанго; отъ него онъ располагалъ переѣхать къ области Манжи, а оттуда въ столицу великаго-хана, Камбалу, въ Кафаѣ.

Безъ этихъ пышныхъ описаній царствъ, загроможденныхъ несмѣтными сокровищами, городовъ съ дворцами и куполами, блистающими золотомъ, читателю трудно было-бы составить довольно опредѣлительное понятіе о тѣхъ великолѣпныхъ надеждахъ, которыми увлекался Коломбъ при открытіи земли, составляющей, по его мнѣнію, оконечность Азіятскаго материка (берега Кубы).

Въ этомъ-то убѣжденіи,— въ увѣренности, что онъ вскорѣ достигнетъ благословенныхъ странъ, описанныхъ Маркомъ Поло, и найдетъ въ нихъ все совершенно сходнымъ съ его описаніями, — онъ такъ смѣло и неосмотрительно обѣщалъ своимъ государямъ доставить имъ непосредственные источники обогащенія: обѣщаніе, бывшее причиной его упадка въ общемъ мнѣніи и подвергшее его не одинъ разъ упрекамъ въ возбужденіи ложныхъ надеждъ и въ умышленныхъ преувеличеніяхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 20.

Сиръ Джонъ Мандевиль.

Послѣ Марка Поло, на умъ Коломба, повидимому, произвели самое глубокое впечатлѣніе — путешествія сиръ Джонъ Мандевиля и его-же описаніе владѣній Великаго-Хана, лежащихъ на Азіятскомъ берегу.

Мандевиль родился въ городѣ Сентъ-Альбанѣ. Онъ посвятилъ себя наукамъ съ самаго дѣтства, и кончивъ предварительное воспитаніе, занялся исключительнымъ изученіемъ медицины. Увлекаясь сильнымъ желаніемъ обозрѣть отдаленныя страны извѣстнаго тогда міра, то-есть Азію и Африку, и въ особенности посѣтить Святыя-Мѣста, онъ въ 1332 году отправился изъ Англіи во Францію, проѣхалъ это королевство и отплылъ изъ Марсели въ дальнѣйшій путь моремъ. Изъ его повѣствованія видно, что онъ былъ въ Турціи, Египтѣ, Арменіи, Верхней и Нижней Ливіи, Сиріи, Персіи, Халдеи, Ефіопіи, Тата-

ріи, Амазонской-Землѣ и въ Индіи и объѣздилъ главнѣйшіе города всѣхъ этихъ странъ. Но Святая-Земля, по его словамъ, имѣла для него особенную привлекательность; онъ прожилъ въ ней долго; осмотрѣлъ ее съ величайшею подробностью и старался пройти по всѣмъ слѣдамъ Спасителя. Послѣ тридцатичетырехъ-лѣтняго отсутствія, онъ возвратился въ Англію; но большая часть соотечественниковъ забыли его, и онъ очутился на родинѣ какъ чужой. Онъ написалъ исторію своихъ путешествій на трехъ языкахъ, на Англійскомъ, Французскомъ и Латинскомъ, и посвятилъ ее королю Эдуарду III. Кажется, путешествіе не внушило ему благосклонныхъ чувствъ ни къ свѣту вообще, ни къ его отечеству въ особенности. Онъ возстаетъ противъ вѣка; говоритъ, что добродѣтель уже не существуетъ между народами, вѣра не озаряетъ болѣе людей,— что однимъ словомъ настало торжество порока и грѣха. Вскорѣ онъ уѣхалъ изъ Англіи на твердую землю, и умеръ въ Льежѣ въ 1372 году. Тѣло его погребено въ аббатствѣ Гильемитовъ, въ предмѣстіи этого города. Ортеліусъ, въ своемъ *Itinerarium Belgiae*, говоритъ, что онъ видѣлъ его памятникъ, на которомъ стоитъ высѣченная изъ камня человѣческая фигура съ раздвоенною бородой и съ поднятыми къ головѣ руками, — вѣроятно въ положеніи молящагося, какъ обыкновенно дѣ-

лались статуи на старинныхъ гробницахъ, — и что у ногъ этой фигуры лежитъ левъ. Въ надписи, кромѣ означенія его имени, званія и ученаго достоинства (профессора медицины), сказано, что онъ былъ весьма благочестивъ, глубоко-ученъ и весьма милосердъ къ бѣднымъ, и что объѣхавъ весь свѣтъ, скончался въ Льежѣ. Ортеліусу показывали еще въ монастырѣ его шпоры и сбрую лошадей, на которыхъ онъ разъѣзжалъ во время своихъ путешествій.

Повѣствованіе Мандевиля о великомъ-ханѣ, о провинціи Кафаѣ и городѣ Камбалу нисколько неуступаетъ въ нелѣпостяхъ описаніямъ Марка Поло. Ханскій дворецъ, по словамъ Мандевиля, имѣлъ болѣе двухъ миль въ окружности; въ большой его залѣ находилось двадцать-четыре колоны, вылитыя изъ мѣди и золота; придворный штатъ хана состоялъ болѣе чѣмъ изъ трехъ-сотъ-тысячъ человѣкъ, которые всѣ жили въ самомъ дворцѣ или въ пристройкахъ къ нему, занимаясь отправленіемъ разныхъ должностей и службъ, и больше ста-тысячъ изъ этихъ людей обязаны были единственно смотрѣть за слонами, — а слоновъ было десять тысячъ, — также за другими животными разныхъ породъ и за охотничьими птицами, какъ-то: соколами, большими и малыми попугаями; въ праздничные дни означенное число людей, употребляемыхъ на службу во дворцѣ, почти

удвоивалось; титулъ этого владѣтеля былъ слѣдующій: «Ханъ, сынъ Божій, верховный обладатель всей земли, владыка властвующихъ надъ другими; «а на его печати было вырѣзано:» Богъ царствуетъ на небѣ, а ханъ на землѣ.»

Имя Мандевиля вошло въ пословицу, для означенія превеуличеній путешественниковъ; однакожъ, впослѣдствіи, въ описаніяхъ посѣщенныхъ имъ странъ найдено болѣе справедливаго нежели сколько воображали это прежде. Свѣденія, сообщенныя имъ о Кафаѣ и богатой области Манжи, сходныя съ повѣствованіемъ о тѣхъ-же земляхъ Марка Поло, имѣли большой вѣсъ въ умѣ Коломба.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 21.

О зонахъ, или земныхъ поясахъ.

Подъ этимъ словомъ разумѣли полосы или круги, мысленно проведенные на небѣ, и означающіе различные климаты на соотвѣтственныхъ имъ частяхъ поверхности земнаго шара. Полярные круги и тропики означаютъ это дѣленіе.

Центральная полоса, лежащая подъ солнцемъ, назвалась *жаркимъ* или *знойнымъ* поясомъ; двѣ слѣдующія, заключающіяся между тропиками и полярными кругами, *умѣренными;* а двѣ остальныя, между полярными кругами и полюсами, *холодными*, или *ледовитыми.*

Холодныя страны, лежащія у полюсовъ, почитались необитаемыми, и плаваніе въ нихъ невозможнымъ, по причинѣ чрезмѣрной стужи. Жаркій поясъ, или лучше сказать одну только середину его, находящуюся у экватора, также считали необитаемою, безплодною и недоступною, по причинѣ нестерпимаго зною. Одни лишь умѣренные

поясы, заключающіеся между жаркимъ и холоднымъ, почитали плодоносными, здоровыми и производящими все нужное для жизни человѣка и животныхъ.

Шаръ земной раздѣляли пополамъ экваторомъ, или мысленною чертою, проведенною по его поверхности, вокругъ, въ равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ. Весь извѣстный древнимъ міръ заключался въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія; что касается до другаго умѣреннаго пояса, лежащаго въ полушаріи южномъ, то полагали, что если онъ и обитаемъ, то все нѣтъ никакой возможности имѣть сообщенія съ его жителями, по причинѣ знойной полосы, отдѣляющей ихъ отъ обитателей сѣвернаго умѣреннаго пояса.

Изобретатель этой теоріи «о зонахъ» былъ, по словамъ Страбона, нѣкто Парменидъ; но онъ распространялъ жаркій поясъ отъ экватора за оба тропика. Аристотель поддерживалъ это ученіе. Въ его время еще ничего не было извѣстно о сѣверныхъ странахъ Европы и Азіи, о внутреннихъ областяхъ Ефіопіи, ни о южныхъ частяхъ Африки, простирающихся за тропикъ Козерога до Мыса-Доброй-Надежды. Аристотель допускалъ существованіе обитаемыхъ странъ въ южномъ полушаріи, но полагалъ, что онѣ отдѣлены отъ извѣстнаго тогда міра неодо-

лимою преградой жгучаго подъ экваторнаго зною (1).

Плиній принялъ мнѣніе Аристотеля о жаркой зонѣ. «Температура центральнаго пояса земли, говоритъ онъ, гдѣ солнце ударяетъ своими лучами отвѣсно, горяча какъ огонь. Умѣренныя полосы, прилагающія къ ней съ обѣихъ сторонъ, не могутъ имѣть между собой никакого сообщенія, по причинѣ сокрушительнаго зною этого пояса (2).»

Страбонъ (книга II), упоминая о теоріи о зонахъ, также объявляетъ себя ея приверженцемъ. Можно-бы привесть и другихъ древнихъ философовъ и поэтовъ въ доказательство, что это мнѣніе было общепринятое.

Надобно замѣтить, что въ то время, когда Коломбъ защищалъ свое предложеніе передъ ученымъ собраніемъ въ Саламанкѣ, ложность старинной теоріи о знойной полосѣ земли еще не была вполнѣ доказана новѣйшими открытіями. Правда, Португальцы и въ то время уже проникли за тропикъ, но это еще не опровергало системы: хотя подъ названіемъ *жаркаго пояса* и разумѣли вообще все пространство между тропиками Рака и Козерога, однакожъ въ строгомъ смыслѣ собственно необитаемую и неприступную часть

(1) Аристотель, *Met.* II.

(2) Плиній, кн. I, гл. 61.

земли ограничивали, слѣдуя ученію древнихъ, только небольшою полосой, простирающеюся на нѣсколько градусовъ по обѣ стороны экватора и составляющею одну треть, или по большей мѣрѣ половину, всего этого пояса. Поэтому-то доказательство Коломба, основанное на путешествіяхъ къ Санъ-Жоржъ-де-ла Минѣ, не имѣло вѣсу въ глазахъ людей, сильно придерживавшихся старинной теоріи и отдалявшихъ эту огненную страну еще болѣе къ югу, почти подъ самый экваторъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 22.

Объ Атлантидѣ Платона.

Платонъ, въ своемъ «Тимейскомъ разговорѣ», упоминаетъ объ островѣ Атлантидѣ. Онъ заставляетъ Афинскаго законодателя, Солона, путешествовать по Египту, и во время пребыванія его въ одномъ древнемъ городѣ Дельты, — плодоноснаго острова, образуемаго Ниломъ,— бесѣдовать съ учеными жрецами о древностяхъ отдаленныхъ вѣковъ. Одинъ изъ жрецовъ описываетъ ему Атлантиду и гибель этого острова, послѣдовавшую, по его словамъ, за-долго до зажженія свѣта Фаэтономъ.

Островъ Атлантида, говоритъ жрецъ Солону, лежалъ на Западномъ-Океанѣ, противъ Гибралтарскаго-Пролива, и имѣлъ свободное сообщеніе съ другими островами, прилегавшими къ большому материку, который превосходилъ величиной Европу и Азію вмѣстѣ. Нептунъ избралъ этотъ островъ мѣстомъ

своего пребыванія; а сынъ его, Атласъ, назвалъ его своимъ именемъ и раздѣлилъ между десятью своими сыновьями, которыхъ потомки царствовали на немъ, одни послѣ другихъ, нѣсколько вѣковъ. Они дѣлали набѣги на Европу и Африку и покорили всю Ливію до Египта и всю Европу до Малой-Азіи.

Однакожъ Аѳиняне сопротивлялись имъ и заставили ихъ отступить въ свое Атлантическое владѣніе. Вскорѣ послѣ того произошло страшное землетрясеніе и разлитіе морскихъ водъ, продолжавшіяся цѣлыя сутки. Въ это время обширный островъ Атлантида исчезъ; онъ былъ поглощенъ, со всѣми его великолѣпными городами и воинственными народами, моремъ, которое покрыло все занимаемое имъ мѣсто волнами и образовало такимъ-образомъ Атлантическій-Океанъ. Долго это море было непроходимо для судовъ, по причинѣ великаго множества разсѣянныхъ на немъ отмелей, скалъ, тины и глинистаго илу, и развалинъ этой затопленной страны.

Въ новѣйшія времена многіе почитаютъ этотъ разсказъ басней; другіе полагаютъ, что Платонъ въ бытность свою въ Египтѣ получилъ нѣкоторыя смутныя свѣденія о Канарійскихъ-Островахъ, и по возвращеніи въ Грецію, — зная, что эти острова совершенно неизвѣстны его соотечественникамъ,— употребилъ собранныя имъ извѣстія для под-

крѣпленія своихъ нравственныхъ и политическихъ теорій. Но нѣкоторые признаютъ до извѣстной степени справедливость повѣствованія Платона: допускаютъ возможность существованія описаннаго имъ острова, который могъ занимать собой большую часть Атлантическаго - Океана и прилегать довольно близко къ Америкѣ, — и въ тотомъ случаѣ эта часть свѣта не могла быть неизвѣстна древнимъ. Кирхеръ думаетъ, что островъ Атлантида простирался отъ Канарійской до Азорской группы и дѣйствительно былъ затопленъ во время одного изъ переворотовъ, совершившихся на нашемъ шарѣ, и что обѣ эти группы небольшихъ острововъ — не что иное какъ уцѣлѣвшіе обломки отъ него.

Въ доказательство, что Новый-Свѣтъ былъ извѣстенъ древнимъ, приводятъ еще одно мѣсто изъ *Медеи*, Сенеки, котораго примѣненіе, въ самомъ дѣлѣ, удивительно, и покрайней-мѣрѣ доказываетъ то, какъ пламенное воображеніе поэта можетъ иногда близко подойти къ прорицанію. Предсказанія древнихъ оракуловъ рѣдко бывали столь положительны:

Venient annis
Saecula seris, quibus oceanus
Vincula rerum laxet, et ingens
Pateat tellus, Typhisque novos
Detegat orbes, nec sit terris
Ultima Thule.

Госселень, въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ о путешествіяхъ, предполагаетъ, что Платонова Атлантида—просто одинъ изъ Канарійскихъ-Острововъ, ближайшихъ къ материку Стараго-Свѣта, то-есть: Фортавантура или Ланцерота.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 23.

Мнимый островъ Санъ-Брандань.

Къ числу страннѣйшихъ оптическихъ обмановъ, какіе только когда-либо играли зрѣніемъ человѣка, должно отнесть призракъ одного большаго острова, являвшійся, отъ времени до времени, на Атлантическомъ-Океанѣ, къ западу отъ Канарійскихъ-Острововъ, и такъ долго вводившій въ заблужденіе жителей этой группы. Въ совершенно ясную и тихую погоду они усматривали вдали гористый островъ, простирающійся миль на восемдесять протяженія, и лежащій, по мнѣнію однихъ — миляхъ во стѣ отъ группы, по словамъ другихъ — миляхъ въ сорока, наконецъ по увѣренію третьихъ — отъ пятнадцати до восемнадцати миль разстоянія (1).

Но всякой разъ, какъ только направляли къ

(1) Teyjoo, *Teatro critico*, tom IV, decad. X, § 29.

нему плаваніе, онъ ускользалъ отъ всѣхъ поисковъ, и съ приближеніемъ къ нему исчезалъ совершенно. Между-тѣмъ утвержденія множества очевидцевъ, заслуживавшихъ полное довѣріе, что видѣли его своими глазами, были такъ положительны, и свидѣтельства жителей разныхъ острововъ о видѣ и положеніи его такъ согласны, что существованіе этого острова было вообще признано, и географы помѣщали его на картахъ. Мы находимъ его на глобусѣ Мартина Беэма, сдѣланномъ въ 1472 году, съ котораго Г. де-Мурръ снялъ гравюру; также на многихъ картахъ Коломбова времени: вездѣ онъ означенъ миляхъ въ двухъ-стахъ разстоянія къ западу отъ Канарійскихъ-Острововъ. Въ то время, когда Коломбъ дѣлалъ предложеніе объ открытіи Португальскому двору, одинъ Канарійскій житель вступилъ къ королу Іоанну II съ прошеніемъ о снабженіи его судномъ для отысканія этого острова. Кромѣ того, въ архивѣ де Торре-ди-Томбо (1) хранится одинъ договоръ, заключенный между Португальскимъ правительствомъ и Фернандомъ де-Ульмо, рыцаремъ королевскаго двора и губернаторомъ острова Терсейры, по которому, онъ, де-Ульмо, обязывался предпринять на свой счетъ путешествіе «для отысканія *острова, острововъ или твердой земли*, из-

(1) Lib. VI *de la Cancilleria del Rey Don Juan* II, fol. 101.

вѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ Острова-Семи-Городовъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ управленіе открытыми имъ землями было утверждено за нимъ и наслѣдниками его, изъ рода въ родъ, со внесеніемъ въ казну десятой части доходовъ съ тѣхъ земель.» Но какъ предпріятіе было выше средствъ Ульмо, то онъ вступилъ въ товарищество съ Хуаномъ Альфонсо дель-Эстрейто, заключивъ съ нимъ взаимное обязательство — приготовить къ отплытію въ море двѣ карабеллы, къ марту 1487 года (1). Чѣмъ кончилось это предпріятіе, неизвѣстно.

Этотъ призракъ-островъ назывался съ незапамятныхъ временъ ***Санъ Бранданомъ***, или ***Боронданомъ***, — какъ говорятъ, по имени одного Шотландскаго аббата, жившаго въ VI вѣкѣ, и извѣстнаго также подъ именами ***Сенъ-Бландано*** или ***Бландануса***. Аббатъ былъ настоятелемъ трехъ тысячъ монаховъ и около половины VI столѣтія сопровождалъ ученика своего Св. Маклу въ поискѣ его неизвѣстныхъ острововъ, лежащихъ, по слухамъ, среди океана и заселенныхъ невѣрными.

О странствованіяхъ этого аббата разсказывали много невѣроятныхъ исторій. Мы пропускаемъ ихъ.

Въ то время, когда слухъ о неизвѣстномъ островѣ, усматриваемомъ съ Канарійскихъ-Острововъ и ускользавшемъ отъ всѣхъ поисковъ,

(1) Torre-di-Tombo, lib. *das Vlhas*. fol. 119.

распространился на западѣ Европы, — всѣ эти исторіи о Санъ-Брандан̀ѣ были снова пущены въ ходъ и примѣнены къ этой недоступной землѣ. Говорятъ также, что въ архивѣ катедральной церкви острова Большой-Канаріи хранилась рукопись на Латинскомъ языкѣ, въ которой были описаны похожденія Сенъ-Мало и его спутника; но къ сожалѣнію, этого манускрипта не найдено (1). Нѣкоторые утверждали, что островъ Брандан̀ъ былъ извѣстенъ древнимъ, и что онъ — та самая земля, которую Птоломей, говоря о Счастливыхъ, или Канарійскихъ островахъ, называетъ *Aprositus*, — Греческимъ словомъ, означающимъ ***Недоступный*** (2). Изъ этого видно, говоритъ монахъ Діэго Филиппо, въ своей книгѣ « О воплощеніи Іисуса-Христа, » что и въ древнія времена этотъ островъ обладалъ тѣмъ-же свойствомъ — обманывать зрѣніе людей и уклоняться отъ прикосновенія ноги смертнаго (3). Но, не касаясь мнѣнія древнихъ объ этомъ предметѣ, мы скажемъ только то, что разсказы и преданія объ этомъ островѣ имѣли сильное вліяніе на умы позднѣйшихъ мореплавателей въ эпоху всеобщаго стремленія къ открытіямъ, и что въ доказательствахъ справедливости этихъ слу-

(1) Nunnez de la Pena, *Conquista de la Gran. Canaria.*

(2) Птоломей, кн. IV, гл. 4.

(3) Fr. D. Felipe, lib. VIII, fol. 25.

ховъ не было недостатка. Донъ Іосифъ де-Вира-и-Клавійо, говоритъ, что никогда географія не представляла ни парадокса, ни проблемы болѣе затруднительной для рѣшенія: потому-что—утверждать существованіе этого острова, значило-бы попрать ногами здравую критику, смыслъ и всякое разсужденіе; а отрицая его дѣйствительность — отвергнуть преданіе и опытъ, и допустить, что столько людей, достойныхъ полной довѣренности, были лишены употребленія своихъ чувствъ (1).

Въ существованіе этого острова вѣрили еще долго послѣ Коломба. Онъ представлялся, отъ времени до времени, разнымъ лицамъ въ одно время, и всегда на томъ-же мѣстѣ и въ прежнемъ видѣ. Въ 1526 году для отысканія его была отправлена экспедиція, подъ начальствомъ Фернандо де-Тройа и Фернандо Альвареса, которая, отплывъ отъ Канарійскихъ-Острововъ, крейсировала по указанному направленію, но безъ всякаго успѣха. Безполезность этого предпріятія, кажется, должна-бы была разувѣрить публику; «но этотъ призракъ острова, говоритъ Вира, производилъ столь сильное обаяніе надъ всѣми, кому онъ представлялся, что публика отнесла неуспѣшность поиска къ слабости мѣръ, принятыхъ экспедиціей, и осталась при прежнемъ убѣжденіи, основанномъ на свидѣтельствѣ собственныхъ

(1) *Hist. des îles Canaries*, liv I, chap. 28.

чувствъ очевидцевъ. Въ 1560 году призракъ являлся такъ часто и столь явственно, что любопытство Канарійскихъ жителей раздражилось до невѣроятной степени, и они рѣшились отправить другую экспедицію. Но для отклоненія отъ себя упрековъ въ легковѣріи, они предварительно отобрали показанія отъ многихъ особъ, заслуживавшихъ особенное уваженіе или отличавшихся познаніями, которые видѣли этотъ островъ сами, или имѣли другія доказательства объ его существованіи.

Послѣ этого, Алонсо де-Эспиноза, губернаторъ острова Ферро, составилъ правительству донесеніе, въ которомъ свыше ста особъ, большею частью весьма уважаемыхъ, засвидѣтельствовали, что лично видѣли неизвѣстный островъ, въ разстояніи около сорока миль къ сѣверо-западу отъ острова Ферро, разсматривали его въ спокойномъ положеніи, при полномъ употребленіи чувствъ, и что на ихъ глазахъ солнце закатилось за одну изъ его оконечностей.

Съ острововъ Пальмы и Тенерифа были доставлены показанія еще болѣе убѣдительныя: нѣсколько Португальцевъ, тамошнихъ жителей, утверждали, что послѣ одной бури они приставали къ острову Санъ-Бороидану. Педро Белло, лоцманъ этого судна, показалъ, что, бросивъ тамъ якорь въ одномъ заливѣ, онъ сдѣлалъ высадку на берегъ съ нѣсколь-

кими людьми изъ экипажа; что они напились тамъ свѣжей воды изъ ручья и видѣли на пескѣ слѣды человѣческихъ ногъ вдвое больше обыкновенныхъ, а на ближнемъ деревѣ нашли прибитый къ нему крестъ, и возлѣ — три камня, положенные въ видѣ треугольника, съ остатками огня, на которомъ, повидимому, пеклись чешуйчатыя рыбы; что увидѣвъ множество всякаго скота, пасущагося невдалекѣ, два матроса погнались за стадомъ съ дротиками и скрылись въ лѣсу, преслѣдуя животныхъ; между тѣмъ начало смеркаться, небо покрылось тучами, поднялся сильный вѣтеръ, и оставшіеся на суднѣ люди закричали, что ихъ срываетъ съ якоря: поэтому Бедло тотчасъ-же сѣлъ въ шлюпъ и прибылъ на корабль, — и въ то-же мгновеніе они потеряли изъ виду землю, какъбы увлеченные ураганомъ; по минованіи бури, когда тишина возстановилась на морѣ и въ небесахъ, они тщетно искали острова, и не открывъ нигдѣ нималѣйшаго признака земли, принуждены были продолжать путь, сожалѣя о двухъ своихъ товарищахъ, оставленныхъ въ лѣсу (1).

Ученый докторъ Педро Ортесъ де-Фунесъ, инквизиторъ Большой-Канаріи, находясь въ Тенерифѣ, потребовалъ къ себѣ для

(1) Nunnez de la Pena, lib. I. cap. 1.—Viera, *Ист. Канарійскихъ-Острововъ*, т. 1, гл. 28.

объясненій по этому предмету многихъ жителей, и всѣ они подтвердили ему прежнее свое показаніе — что видѣли островъ явственно и не сомнѣваются въ его существованіи. Въ числѣ призыванныхъ имъ людей находился нѣкто Маркосъ Верде, человѣкъ, пользовавшійся большою извѣстностью на островѣ. Онъ объявилъ, что возвращаясь изъ Варваріи, онъ увидѣлъ невдалекѣ отъ Канарійскихъ-Острововъ землю, которая, по картамъ и вычисленіямъ, не могла быть ни одною изъ извѣстныхъ странъ: почему и заключилъ, что это долженъ быть знаменитый Санъ-Борондонъ. Восхищенный открытіемъ этого таинственнаго острова, онъ взялъ направленіе вдоль его очарованныхъ береговъ, и встрѣтивъ прекрасный заливъ, образуемый впаденіемъ въ море горнаго ручья, бросилъ въ немъ якорь и сдѣлалъ высадку на берегъ вмѣстѣ съ многими изъ своихъ спутниковъ. «Это было около вечерень, говорилъ онъ; солнце сѣло и начало смеркаться. Люди разошлись въ разныя стороны, и такъ отдалились другъ-отъ-друга, что не могли уже слышать своихъ окликовъ. Съ наступленіемъ ночи, на суднѣ выставили призывные сигналы; люди возвратились на корабль, въ намѣреніи продолжать обозрѣніе острова на слѣдующійдень. Но только-что они взошли на палубу, какъ внезапный ураганъ устремился съ горы съ ужасною силой, сорвалъ судно съ якоря и увлекъ его

въ открытое море, — и съ той-поры они уже не видѣли ни малѣйшаго слѣда этого таинственнаго и негостепріимнаго острова.

Кромѣ этихъ свидѣтельствъ, приводили еще одно сказаніе, заключающееся въ рукописи Альбрева Галиндо, — хотя описанное имъ происшествіе и не относилось къ той эпохѣ. Этотъ Галиндо былъ Французскій авантуристъ; путешествуя, задолго до-того времени, къ Канарійскимъ-Островамъ, онъ былъ застигнутъ жестокою бурей, изломавшею всѣ мачты на его суднѣ. Въ такомъ положеніи разъяренные вѣтры прибили его къ неизвѣстному острову, покрытому большими деревьями. Онъ вышелъ на берегъ съ частью своего экипажа, выбралъ одно дерево, годное для мачты, срубилъ его и началъ обдѣлывать. Но божество, покровительствующее островъ, раздражилось, по обыкновенію, на пришельцевъ, дерзнувшихъ коснуться ногой охраняемой имъ земли: при наступленіи ночи, небо вдругъ приняло мрачный и грозный видъ; мореплаватели, опасаясь подвергнуться какому-нибудь несчастью, бросили работу и возвратились на корабль, и ихъ тотчасъ-же отнесло далеко отъ береговъ, какъ это всегда случалось; а на другой день они очутились у острова Пальмы (1).

(1) Nunnez, *Conquista de la Gran. Can.* — Viera, *Hist. des Iles Canaries.*

Однимъ словомъ множество подобныхъ свидѣтельствъ, собранныхъ офиціяльнымъ порядкомъ въ 1570 году, показались столь удовлетворительны, что въ томъ-же году была снаряжена у острова Пальмы вторая экспедиція, подъ начальствомъ Фернандо де-Виллалобуса, рехидора этого острова; но послѣдствія ея были также безуспѣшны какъ и всѣхъ предшествовавшихъ поѣздокъ. Сенъ-Бороданъ продолжалъ, какъ-будто съ намѣреніемъ, возбуждать любопытство свѣта отдаленнымъ, но явственнымъ зрѣлищемъ своихъ райскихъ красотъ, — являясь среди бурь мореходцамъ, борющимся съ непогодой и постоянно уклонялся отъ тѣхъ изъ нихъ, которые старались открыть его. Но все это нисколько не ослабило привязанности жителей Пальмы къ своей любимой мечтѣ. Спустя тридцать-четыре года послѣ неудачной попытки, они снова отправили судно на поискъ этого острова, поручивъ начальство надъ экспедиціей Гаспару Пересу де-Акостѣ, опытному лоцману, и давъ ему въ спутники отца Лоренсо Пинедона, францисканскаго монаха, отличавшагося глубокими познаніями въ естественной исторіи; но Св. Бороданъ и на этотъ разъ не пожелалъ явить свой островъ ни монаху, ни мореходцу. Искрестивъ часть моря, отдѣляющую эту таинственную землю отъ Канарійской группы, по всѣмъ направленіямъ, измѣряя тщательно его

глубину на разныхъ пунктахъ, и дѣлая наблюденія надъ небомъ, облаками, направленіемъ вѣтровъ, — однимъ словомъ надъ всѣмъ, что только можетъ представлять на морѣ признаки близости земли, — они возвратились изъ поиска, не открывъ ничего такого, чтобы могло хоть отчасти оправдать надежды жителей.

Послѣ этого, болѣе столѣтія не предпринимали никакихъ попытокъ для открытія очарованнаго острова, хотя отъ времени до времени умы и приводились въ движеніе слухами объ его появленіи и разсказами, что лимоны и другіе плоды и неувядшія вѣтви деревъ, выбрасываемыя волнами на берега острововъ Ферро и Гомеры, очевидно приносились изъ очарованныхъ рощей Санъ-Борондана. Наконецъ въ 1721 году всеобщее обаяніе возросло до такой степени, что для отысканія его отправили четвертую экспедицію, подъ начальствомъ дона Гаспара Домингуэса, — человѣка, столько-же способнаго, какъ и праводушнаго; и такъ-какъ это предпріятіе заключало въ себѣ нѣчто торжественное и таинственное, то въ спутники ему дали двухъ монаховъ, въ качествѣ представителей апостолическаго ученія. Экспедиція отплыла въ поискъ отъ острова Тенерифа въ концѣ октября, оставивъ жителей въ состояніи неизъяснимаго нетерпѣнія и любопытства. Но и эта попытка, подобно всѣмъ

предшествовавшимъ, не имѣла никакого успѣха: мореплаватели возвратились, не сдѣлавъ нималѣйшаго открытія.

Неизвѣстно, были-ли послѣ того еще предпріятія въ томъ-же родѣ, хотя таинственный островъ продолжалъ занимать умы по прежнему и отъ времени до времени обнаруживалъ свои туманныя высоты. Въ 1759 году одинъ францисканскій монахъ писалъ съ острова Гомеры къ другу своему, что 3 мая, въ шесть часовъ утра, онъ видѣлъ Санъ-Брандана изъ деревни Алаксеро, и разсматривая его въ зрительную трубу, замѣтилъ, что онъ состоитъ изъ двухъ огромныхъ горъ, раздѣленныхъ долиной, или оврагомъ, покрытымъ лѣсомъ. Онъ призвалъ священника Антоніо Госифа Манрика и болѣе сорока другихъ зрителей, и всѣ они также видѣли его весьма явственно (1).

Этотъ островъ означенъ не на однѣхъ картахъ Коломбова времени; онъ помѣщенъ еще въ числѣ Канарійскихъ-Острововъ на одной Французской картѣ, изданной въ 1704 году. И Г. Готье, на своей географической картѣ, приложенной къ замѣчаніямъ его на естественную исторію, изданнымъ въ 1755 году, означилъ его въ пяти градусахъ къ западу отъ острова Ферро, подъ 29 градусомъ сѣверной широты.

(1) Viera, *Ист. Канар. Остр.*, т. I, гл. 28.

Вотъ главнѣйшіе изъ извѣстныхъ фактовъ, относящихся къ острову Санъ - Борондану. Существованіе его долгое время признавалось неподлежащимъ сомнѣнію. Напрасно опровергалось оно многократными и безполезными поисками и путешествіями; публика, истощивъ всѣ возможные софизмы, прибѣгла наконецъ къ сверхъестественному для защиты своей любимой мечты: она утверждала, что островъ дѣйствительно существуетъ, но недоступенъ для смертныхъ. Однимъ словомъ этотъ призракъ островъ служилъ неистощимымъ поводомъ къ самымъ нелѣпымъ и сумасброднѣйшимъ толкамъ (1). Нѣкоторые смѣшивали его съ баснословнымъ островомъ Семи-Городовъ, къ которому въ весьма отдаленныя времена, пристали будто - бы семь епископовъ съ своею паствой, укрываясь отъ Мавританъ. Нѣкоторые Португальцы воображали, что на немъ жилъ ихъ безъ-вѣсти пропавшій король Севастьянъ. Испанцы утверждали, что Родригъ, послѣдній изъ ихъ Готерскихъ королей, убѣжалъ туда отъ Мавровъ послѣ несчастнаго сраженія при Гвадалетѣ. Иные даже называли его — земнымъ раемъ. Говорятъ, что этимъ народнымъ повѣрьямъ поэзія обязана однимъ изъ прекраснѣйшихъ своихъ вымысловъ, и что Армидинъ садъ, помѣщенный Тассомъ на одномъ изъ Канарій-

(1) Viera *Ист. Канар. Остр.*, т. I, гл. 28.

скихъ-Острововъ,—гдѣ былъ заключенъ силой очарованій, Рено,—есть отпечатокъ мнимаго острова Сенъ-Борондана. Ученый падре Фейоо разрѣшилъ физическимъ способомъ эту географическую задачу (1), приписавъ столь частыя и такъ положительно засвидѣтельствованныя явленія этого острова атмосферическимъ иллюзіямъ, относящимся къ одному роду съ тѣми, которыя заставляли предполагать существованіе Фата-Морганы на Мексинскомъ-Заливѣ, гдѣ городъ Реджіо съ окрестностями отражается иногда въ воздухѣ надъ поверхностью моря, и къ подобнымъ же явленіямъ, замѣчаемымъ противъ города Марсели. Что касается до разсказовъ мореходцевъ, будто они приставали къ его завѣтнымъ берегамъ, и потомъ были отбрасываемы отъ нихъ бурями и ураганами,—онъ считаетъ все это баснями.

Но народъ вообще не легко разстается съ своими повѣрьями, особенно если они заключаютъ въ себѣ чудесное и таинственное; подобныя атмосферическія явленія, породившія описанный нами обманъ чувствъ, могутъ возобновляться,—и нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторые легковѣрные и непросвѣщенные жители Канарійскихъ-Острововъ, и понынѣ еще вѣрятъ существованію

(1) *Teatro critico*, tom. IV, doc. 10.

острова Сенъ-Борондана, и отъ времени до времени видятъ его очарованныя горы на отдаленномъ горизонтѣ Атлантическаго-Океана.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 24.

Островъ-Семи-Городовъ.

Преданіе объ островѣ Семи-Городовъ принадлежитъ къ числу народныхъ повѣрьевъ, существовавшихъ въ Коломбово время, относительно къ Океану. Одна старинная легенда говоритъ, что въ эпоху завоеванія Испаніи и Португаліи Мавританами, когда жители бѣжали во всѣ стороны, спасаясь отъ рабства, семь епископовъ съ большимъ числомъ своихъ прихожанъ, отплыли въ море на произволъ судьбы. Послѣ довольно продолжительнаго плаванія, они пристали къ неизвѣстному острову, лежащему среди Океана, гдѣ епископы тотчасъ-же сожгли свои суда, опасаясь, чтобъ послѣдовавшіе за ними люди не оставили ихъ однихъ на островѣ. Впослѣдствіи носились слухи, что къ этой землѣ приставали въ разное время многіе Португальскіе лоцманы, но ни одинъ изъ нихъ не возвращался оттуда, потому-что, какъ уз-

нали послѣ, ихъ задерживали наслѣдники епископовъ, все еще опасавшіеся преслѣдованій. Потомъ былъ слухъ, что въ то время, когда принцъ Генрихъ Португальскій занимался своими открытіями, къ нему явились однажды нѣсколько мореплавателей, и донесли, что они прибыли изъ путешествія, во время котораго приставали къ Острову-Семи-Городовъ. Они разсказали ему, между прочимъ, что жители этого острова говорятъ тѣмъ-же языкомъ, какъ и Португальцы; что встрѣтивъ ихъ на берегу, они тотчасъ-же повели ихъ въ церковь, желая удостовѣриться дѣйствительно-ли они католики, и убѣдясь въ томъ, весьма обрадовались и начали распрашивать, все-ли еще Мавритане владѣютъ Испаніей и Португаліей; что въ то время, когда часть экипажа находилась въ церкви, нѣсколько человѣкъ изъ остальныхъ пошли на берегъ за пескомъ, для чистки кухонной посуды, и къ великому изумленію своему увидѣли, что цѣлая треть этого песку—чистое золото; и наконецъ, что жители уговаривали ихъ остаться на нѣсколько дней на островѣ, до возвращенія ихъ губернатора, который находился тогда въ отсутствіи; но мореплаватели, опасаясь, чтобъ ихъ не задержали, отплыли въ море. Таковъ разсказъ, сообщенный моряками принцу Генриху, вѣроятно, въ надеждѣ получить отъ него хорошую награду за это

извѣстіе; но принцъ, говорятъ, изъявилъ неудовольствіе, что они такъ скоро оставили островъ, и велѣлъ отправиться туда снова, и собрать объ немъ болѣе подробныя свѣденія. Однакожъ путешественники, опасаясь, безъ сомнѣнія, чтобъ не обнаружилась ложность ихъ исторіи, скрылись, и съ той поры объ нихъ не было никакого слуху (1).

Между-тѣмъ ихъ разсказъ надѣлалъ много шуму. Островъ-Семи-Городовъ приняли за тотъ, который, по описанію Аристотеля, былъ нѣкогда открытъ Карфагенцами, и помѣстили его на картахъ подъ именемъ Антиллы. Это было около Коломбова времени.

Потомъ, въ эпоху открытія Новой-Испаніи, въ Испаніолѣ разсказывали множество невѣроятныхъ исторій объ образованности этого края; говорили, что ихъ зданія и храмы прочны, обширны, часто великолѣпны, и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находятъ кресты. Хуанъ де Гривилья, которому поручено было обознать берегъ Юкатана, говоритъ, что обходя его, онъ былъ крайне изумленъ, встрѣтивъ на немъ большія и красивыя зданія, построенныя изъ камня и извести, и весьма много башень, блистающихъ издали (2). Эти

(1) *Hist. del Almirante*, cap. 10.

(2) Torquemada, *Monarquia Indiana*, lib. IV, cap. 4. — *Origen. de los Indios*, por. Fr. Greg. Garcia, lib. IV, cap. 20.

разсказы воскресили на время старинное преданіе о Семи Городахъ, и заставили многихъ думать, что города эти находятся въ Новой-Испаніи.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 25.

Открытіе острова Мадеры.

Главнѣйшее свѣденіе объ открытіи Мадеры Англичаниномъ Мачамомъ заключается въ повѣствованіи Франциска Алькафорадо, оруженосца принца Генриха Португальскаго, для котораго онъ сдѣлалъ описаніе этого событія. Но его свидѣтельство, кажется не имѣло большаго вѣсу между Португальскими историками. Барросъ не упоминаетъ о немъ ни слова. Онъ приписываетъ первое открытіе этого острова Жоаму Гонсалесу и Тристраму Васу, которые, по его словамъ, усмотрѣли его изъ Порто-Санто, въ видѣ облака на горизонтѣ (1).

Однакожъ аббатъ Прево, въ своей ***Всеобщей исторіи путешествій*** (томъ VI), по видимому, признаетъ описаніе Алькафорадо достовѣрнымъ.» Оно было составлено, гово-

(1) Barros, *Asia*, decad. 1, lib. 1, cap. 3.

ритъ онъ, въ то время, когда общее вниманіе къ этому происшествію современниковъ открыло-бы малѣйшую невѣрность въ немъ, и Алькафорадо лучше всякаго другаго могъ описать это событіе во всѣхъ его подробностяхъ, потому-что онъ участвовалъ лично во второмъ открытіи Мадеры. Подлинное «Описаніе» Алькафорадо было загромождено разными украшеніями слога и отступленіями отъ главнаго предмета. Оно было переведено на Французскій языкъ и издано въ Парижѣ въ 1671 году. Французскій переводчикъ очистилъ его отъ украшеній, но тщательно сохранилъ всѣ факты. Какъ-бы то ни было, но эта исторія считается истинною на островѣ Мадерѣ, гдѣ и понынѣ хранится одна относящаяся къ ней картина. Все, что мы будемъ говорить ниже, взято изъ Французскаго перевода, потому-что мы не могли достать подлиннаго сочиненія Алькафорадо.

Въ царствованіе Эдуарда III, короля Англійскаго, одинъ молодой человѣкъ, исполненный мужества и дарованій, по имени Роберть Мачамъ, влюбился въ Анну Дорсе, дѣвицу рѣдкой красоты и знатной фамиліи. Родственники Анны Дорсе, желая воспрепятствовать неровному браку ея съ Мачамомъ, испросили у короля повелѣніе заключить Мачама въ тюрьму, до-тѣхъ-поръ, пока они, употребивъ во зло свою родственную власть, не принудятъ его возлюбленную выдти за-

мужъ за одного знатнаго человѣка. Фамилія Дорсе успѣла въ своихъ усиліяхъ, и мужъ-вельможа, тотчасъ послѣ сватьбы, повезъ свою молодую и печальную супругу въ свой замокъ, лежащій невдалекѣ отъ Бристоля. Между-тѣмъ Мачама освободили. Въ негодованіи на претерпѣнную имъ несправедливость, и увѣренный въ привязанности своей любезной, онъ уговорилъ нѣсколькихъ друзей своихъ, помочь ему въ исполненіи его намѣренія, внушеннаго любовью и мщеніемъ, и пустился съ ними вслѣдъ за новобрачными въ Бристоль. Пріѣхавши туда, одинъ изъ пріятелей Мачама опредѣлился въ домъ вельможи слугой. Онъ скоро открылъ, что молодая супруга сохранила всю нѣжность къ прежнему другу и ненавидитъ своего мужа, за котораго ее принудила выдти противъ воли. Черезъ этого пріятеля Мачамъ имѣлъ съ своей любезной частыя свиданія, и они условились бѣжать во Францію, гдѣ могли предаться взаимной склонности, не опасаясь преслѣдованій.

Когда всѣ нужныя приготовленія къ побѣгу были кончены, молодая дама выѣхала однажды верхомъ съ мнимымъ слугой, подъ предлогомъ прогулки. Отдалясь отъ замка на такое разстояніе, что ихъ нельзя было видѣть оттуда, они пустились въ галопъ и пріѣхали на условленное мѣсто, на берегъ канала. У берега ожидала ихъ лодка, и тотчасъ перевезла на судно, готовое къ отплытію, на которомъ находился Ма-

чамъ. Опасаясь преслѣдованія, они тутъ-же подняли якорь и быстро понеслись вдоль береговъ Корнвалисса. Мачамъ заранѣе наслаждался той минутой, когда онъ съ торжествомъ высадитъ свою возлюбленную на берегъ прекрасной и доблестной Франціи. Къ несчастью, въ ночь поднялся противный вѣтеръ, и къ разсвѣту они уже потеряли изъ виду землю. Экипажъ ихъ состоялъ изъ матросовъ плохо понимающихъ свое дѣло, неопытныхъ и незнающихъ употребленія компаса. Любовники носились цѣлыхъ тридцать дней на разъяренномъ океанѣ, совершенно по произволу вѣтровъ и волнъ. Ужасъ и раскаяніе исполнили сердце убѣжавшей супруги; смятеніе стихій казалось ей знаменіемъ небеснаго гнѣва, и никакія убѣжденія любовника не могли заглушить въ ней пагубнаго предчувствія близкаго бѣдствія.

Наконецъ буря утихла. Въ четырнадцатый день, на разсвѣтѣ, они увидѣли что-то похожее на купу деревъ, возвышающуюся надъ моремъ, и съ радостью устремили свой путь къ тому мѣсту, полагая что это долженъ быть островъ. Они не обманулись: подойдя ближе, глазамъ ихъ представилось великолѣпное зрѣлище. Восходящее солнце освѣтило передъ ними землю, покрытую величественнымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ деревъ вовсе неизвѣстной имъ породы, и цѣлыя стаи птицъ, которыя прилетали на корабль и садились на

мачты и снасти, не обнаруживая нималѣйшей пугливости.

Странники послали лодку для обозрѣнія берега. Она скоро возвратилась съ столь пріятными извѣстіями о красотѣ страны, что Мачамъ рѣшился перевезть туда свою изнемогшую подругу, въ надеждѣ что отдыхъ и свѣжая питательная пища возвратятъ крѣпость ея тѣлу и спокойствіе духу. Онъ исполнилъ это намѣреніе; переѣхалъ на островъ вмѣстѣ съ своими вѣрными друзьями, которые содѣйствовали ихъ побѣгу; а матросовъ оставилъ на суднѣ для охраненія его.

Земля, къ которой они пристали, была истинно-очаровательна: она была покрыта пышнымъ и величественнымъ лѣсомъ, въ которомъ одни дерева были обременены вкуснѣйшими плодами, другіе покрыты благоухающимъ цвѣтомъ; повсюду струилась свѣжая, прозрачная вода; небо было ясно, воздухъ благоухалъ ароматами; животныя не обнаруживали ни малѣйшей дикости, ни кровожадности, — обстоятельство, изъ котораго путники заключили, что островъ необитаемъ; нѣсколько далѣе отъ берега лежала прекрасная зеленѣющая поляна, закрытая рядомъ лавровыхъ деревъ и орошенная горнымъ потокомъ, котораго чистая вода перебѣгала по камешкамъ, и посреди ея возвышалось величественное дерево, котораго густыя вѣтви манили въ пріятную тѣнь. На этой полянѣ

Мачамъ съ товарищами построилъ шалаши, и рѣшился провесть въ ея прелестномъ уединеніи нѣсколько дней, въ надеждѣ что прекрасный видъ края, благорастворенный воздухъ и тишина возстановятъ ослабленныя силы его возлюбленной и возвратятъ ей прежнюю бодрость.

Но на третій день ихъ пребыванія въ этой неизвѣстной землѣ, поднялся съ сѣверо-востока страшный ураганъ и свирѣпствовалъ съ неимовѣрною яростью цѣлую ночь. На слѣдующее утро Мачамъ пошелъ на берегъ посмотрѣть, что сдѣлалось съ его судномъ; но его не было и слѣду: онъ не нашелъ его на прежнемъ мѣстѣ, не замѣтилъ нигдѣ въ отдаленіи, и заключилъ, что она потоплено ночью бурей.

Уныніе овладѣло странниками, оставшимися такимъ-образомъ безъ всякой помощи на пустынномъ островѣ, среди Океана. Этотъ ударъ судьбы сильнѣе всѣхъ поразилъ робкую и раскаявающуюся супругу: она и безъ того уже упрекала себя во всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя претерпѣли за нее друзья и спутники ея возлюбленнаго, и съ самаго отъѣзда мучилась мрачными предчувствіями, которыя теперь начали оправдываться; а это несчастье поразило ее столь сильнымъ ужасомъ, что она лишилась употребленія языка и черезъ три дня скончалась, не произнеся во все это время ни одного слова.

Трагическая смерть этого нѣжнаго и прелестнаго существа повергла Мачама въ отчаянье. Въ изступленіи горести онъ обвинялъ себя, что похитилъ ее изъ супружескаго дома, оторвалъ отъ отечества и семейства, для того только, чтобъ быть свидѣтелемъ ея погибели въ дикой и пустынной странѣ. Всѣ усилія друзей утѣшить его остались безполезны: онъ умеръ черезъ пять дней послѣ кончины своей возлюбленной, съ растерзаннымъ сердцемъ, умоляя ихъ погребсти его тѣло подлѣ останковъ его любезной у подножія простаго алтаря, сооруженнаго имъ подъ большимъ деревомъ. Друзья исполнили его желаніе и поставили надъ общею могилою любовниковъ большой деревянный крестъ, съ надписью, сочиненною самимъ Мачамомъ, въ которой онъ описалъ въ короткихъ словахъ свое бѣдственное приключеніе и просилъ всѣхъ христіанъ, которыхъ судьба приведетъ на этотъ островъ, построить на томъ мѣстѣ часовню, во имя Іисуса-Спасителя.

По смерти Мачама, спутники его начали между собой совѣтоваться, какъ-бы имъ возвратиться въ отечество. Лодка погибшаго судна осталась на берегу; они починили ее, привели въ состояніе выдержать довольно продолжительный путь и отплыли въ море, въ надеждѣ достигнуть Англіи. Не зная своего положенія, они плыли по волѣ вѣтровъ, и наконецъ были принесены къ Марокскимъ

берегамъ, гдѣ лодка ихъ разбилась о скалы, а сами они были взяты въ неволю Мавританами, которые заключили ихъ въ темницу. Тамъ узнали они, что и судно ихъ постигла таже участь: буря сорвала его съ якоря и занесла къ этому негостепріимному берегу, гдѣ весь экипажъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Марокскія тюрьмы были наполнены плѣнниками всѣхъ націй, захваченными Мавританскими крейсерами. Въ той, куда заключили Англичанъ, находился одинъ весьма опытный Испанскій лоцманъ, Севильскій урожденецъ, по имени Хуанъ де-Моралесъ. Онъ слушалъ разсказы объ ихъ странствованіи съ большимъ участіемъ; распрашивалъ о положеніи открытаго ими острова; просилъ описать его, и впослѣдствіи, когда былъ выкупленъ изъ неволи, сообщилъ, какъ говорятъ, всѣ эти, повторенныя нами, подробности принцу Генриху Португальскому.

Въ повѣствованіи Алькафорадо встрѣчаются нѣкоторыя несообразности въ числахъ. Онъ говоритъ, на-примѣръ, что описанное нами путешествіе было совершено въ царствованіе Эдуарда III, продолжавшееся съ 1337 по 1378 годъ. Моралесъ, которому плѣнные Англичане сообщили свои приключенія, находился, говорятъ, въ Португальской службѣ около эпохи втораго открытія острова Мадеры, то есть съ 1418 по 1420 годъ. Предположивъ даже, что Англичане совер-

шили путешествіе и были взяты въ плѣнъ въ послѣдній годъ царствованія Эдуарда, — все еще останется промежутокъ времени въ сорокъ лѣтъ между кончиной этого государя и описаннымъ происшествіемъ.

Гаклюйтъ приводитъ описаніе того-же путешествія изъ Антоніо Гальваніо, и оно въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ разнится съ Алькафорадовымъ повѣствованіемъ. «Это происходило, говоритъ Гальваніо, въ царствованіе Петра IV, короля Аррагонскаго. Мачамъ бросилъ якорь въ одномъ заливѣ, названномъ впослѣдствіи его именемъ — *Mario*. Дама была больна, и онъ переѣхалъ съ нею и нѣсколькими друзьями на берегъ; между-тѣмъ судно подняло безъ нихъ паруса и ушло. По смерти дамы, Мачамъ выдолбилъ изъ одного дерева лодку и отважился отплыть на ней съ своими спутниками въ открытое море. Ихъ прибило къ Африканскому берегу. Мавритане, изумленные ихъ переѣздомъ, повели ихъ къ своему государю, который отослалъ Мачама къ Кастильскому королю. Преданіе объ этомъ путешествіи побудило Генриха II-го, короля Кастильскаго, отправить въ 1395 году экспедицію для вторичнаго открытія острова Мадеры.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 26.

Лась-Касасъ.

Варѳоломей Лась-Касасъ, епископъ Чіапскій, столь часто упоминаемый во всѣхъ исторіяхъ Новаго-Свѣта, родился въ Севиллѣ, въ 1474 году, отъ фамиліи Французскаго происхожденія, носившей имя *Casaus*. Первый членъ этой переселившейся въ Испанію фамиліи служилъ подъ знаменами Фердинанда III, прозваннаго *Святымъ*, въ войнахъ его съ Андалузскими Маврами. Онъ находился при взятіи у Мавританъ Севиллы, и въ награду за свои заслуги, получилъ отъ короля дозволеніе поселиться въ этомъ городѣ. Потомки его пользовались дворянскими преимуществами. Впослѣдствіи они уничтожили въ своемъ имени букву *и*, чтобъ примѣнить его произношеніе къ духу Испанскаго языка.

Антоній, отецъ Варѳоломея, отправился въ 1493 году съ Коломбомъ въ Испаніолу, обо-

гатился тамъ и возвратился въ Севиллу въ 1498 году (1). По словамъ одного изъ біографовъ его сына, Варѳоломей Ласъ-Касасъ отплылъ въ томъ-же (1498) году съ Коломбомъ въ третье путешествіе для открытій, и возвратился съ нимъ изъ Новаго-Свѣта въ 1500 году (2); но это невѣрно: въ то время Ласъ-Касасъ находился еще въ Саламанкскомъ университетѣ, гдѣ онъ учился Латинскому языку, діалектикѣ, логикѣ, метафизикѣ, нравственности и физикѣ, по началамъ и методѣ, приписываемой Аристотелю. Въ эту-то эпоху его жизни, одно обстоятельство произвело на его умъ столь сильное впечатлѣніе, что оно, кажется, дало направленіе всѣмъ его дѣйствіямъ на все остальное время его жизни. Отецъ далъ ему для прислуги въ университетѣ невольника, привезеннаго изъ Новаго-Свѣта и подареннаго ему Коломбомъ. Когда Изабелла, въ пылу справедливаго негодованія, повелѣла всѣхъ невольниковъ возвратить въ ихъ отечество, у Ласъ-Касаса, какъ и у другихъ, взяли его слугу. Этотъ случай погрузилъ молодаго человѣка въ размышленія, — и результатомъ ихъ было живѣйшее состраданіе къ судьбѣ несчастныхъ обитателей новооткрытаго міра. Онъ воспламенился

(1) Navarette, tom. I, *Introd.*, стр. 70.

(2) J.—A. Llorente, *Oeuvres de Las Casas*, page II, Paris 1822.

усердіемъ къ ихъ дѣлу: и съ той минуты его рвеніе не охлаждалось уже никогда, во все продолженіе долголѣтней и дѣятельной его жизни. Напротивъ, оно усиливалось все болѣе и болѣе. На двадцать восьмомъ году жизни онъ прибылъ съ намѣстникомъ Овандо въ Испаніолу, и глазамъ его представилось ужасное зрѣлище бѣдствій и жестокостей, которыми отличалось правленіе этого Испанца. Съ той поры онъ посвятилъ весь остатокъ своей жизни, болѣе шестидесяти лѣтъ, на защиту бѣдныхъ туземцевъ и на облегченіе ихъ участи: объѣздилъ, въ званіи миссіонера, дикія страны Новаго-Свѣта по различнымъ направленіямъ, стараясь всюду обращать къ христіянству и просвѣщать ихъ обитателей; совершилъ нѣсколько путешествій въ Испанію, собственно для ходатайства объ нихъ и для защиты ихъ правъ; неоднократно представлялъ жалобы на притѣсненіе ихъ правительству; написалъ цѣлые томы въ ихъ пользу; однимъ словомъ дѣлалъ все, что могъ, для облегченія ихъ судьбы, съ мужествомъ и постоянствомъ, достойными истиннаго пастыря церкви. Онъ умеръ въ глубокой старости, на девяносто-третьемъ году, и погребенъ въ Мадритѣ, въ доминиканскомъ монастырѣ Атохской-Богоматери.

Одно средство, къ которому прибѣгнулъ Ласъ-Касасъ для освобожденія дикихъ обитателей Новаго-Свѣта отъ жестокаго ихъ раб-

ства, подало поводъ къ многимъ покушеніямъ представить его поступки въ двусмысленномъ видѣ и подвергнуть сомнѣнію его филантропію. Это было въ 1517 году, въ одинъ изъ тѣхъ пріѣздовъ его изъ Новаго Свѣта въ Испанію, которые онъ предпринималъ для исходатайствованія у правительства какихъ-нибудь мѣръ въ пользу своихъ несчастныхъ кліентовъ. Онъ засталъ кардинала Хименеса, назначеннаго регентомъ по смерти Фердинанда, въ весьма болѣзненномъ состояніи, которое недозволяло ему заниматься дѣлами, и отправился въ Валладолиду на встрѣчу къ новому монарху, Австрійскому эрцгерцогу Карлу, впослѣдствіи императору Карлу V, куда его ожидали вскорѣ. Ласъ-Касасъ предвидѣлъ сильное сопротивленіе со стороны владѣльцевъ, имѣвшихъ въ Новомъ-Свѣтѣ помѣстья и невольниковъ, и которыхъ личныя выгоды требовали поддержанія рабства въ колоніяхъ. Къ числу этихъ людей принадлежалъ и грозный епископъ Фонсека, президентъ «Совѣта о дѣлахъ Индіи.»

Наконецъ прибылъ молодой государь. Въ числѣ сопровождавшихъ его придворныхъ, находился его великій-канцлеръ, докторъ Іоаннъ де-Сальважіо, человѣкъ весьма замѣчательный по своему праводушію и просвѣщенію, къ совѣтамъ котораго юный государь прибѣгалъ во всѣхъ дѣлахъ, относящихся къ администраціи и судебной части. Ласъ-

Касасъ весьма скоро сошелся съ канцлеромъ, который возымѣлъ къ нему глубокое уваженіе. Совсѣмъ-тѣмъ, противъ его предложеній о облегченіи участи жителей новооткрытыхъ странъ возстало со всѣхъ сторонъ столь сильное сопротивленіе, что успѣхъ его ходатайства казался весьма сомнительнымъ. Въ этой крайности онъ прибѣгнулъ къ одному средству, которое считалъ вынужденнымъ обстоятельствами и слѣдственно позволительнымъ (1). Канцлеръ Сальважіо и другіе Фламандцы, прибывшіе съ молодымъ монархомъ, испросили у него, еще до отъѣзда изъ Фландріи, разрѣшеніе на вывозъ Африканскихъ невольниковъ въ колоніи Новаго-Свѣта, — вывозъ только-что запрещеный въ 1516 году постановленіемъ регента кардинала Хименеса. Человѣколюбивый канцлеръ, согласивъ свою совѣсть съ общепринятымъ мнѣніемъ, что одинъ Негръ, не вредя своему здоровью, въ состояніи исправить столько работы, сколько съ трудомъ выполняли ее нѣсколько дикихъ Американцевъ вмѣстѣ, разсудилъ, что,

(1) Геррера говоритъ, что онъ обратился къ этой мѣрѣ тогда уже, какъ всѣ прочія не имѣли успѣха. «Bartolome de Las Casas viendo que sus conceptos hallaban en todas partes dificultad, y que las opiniones que tenia, por mucha familiaridad que habia seguido, y gran crédito con el gran canciller, non podian haber efecto, *se volvio a otros expedientes*, и проч. (Decad. II, lib. II, cap 20).

замѣнивъ послѣднихъ первыми, общая сумма бѣдствій человѣчества значительно уменьшится, — и одобрилъ эту мѣру. Такъ легко прикрываютъ люди свои личныя выгоды видами благонамѣренности! Быть-можетъ, впрочемъ, онъ и дѣйствительно полагалъ, что эта перемѣна не сдѣлаетъ Африканцамъ значительнаго вреда, потому-что они уже привыкли къ рабству въ собственномъ своемъ отечествѣ, а климатъ Новаго-Свѣта, какъ утверждали, для нихъ благопріятенъ. «Переселенные на Испаніолу Африканцы, говоритъ «Геррера, были такъ здоровы, что нѣкото«рые вообразили будто Негры никогда не «умираютъ, покрайнѣй мѣрѣ если ихъ не «повѣсятъ: въ то время еще ни одинъ чер«ный не умеръ отъ старости или болѣзни. «Они, подобно померанцамъ, нашли въ Ис«паніолѣ климатъ болѣе свойственный ихъ «натурѣ, чѣмъ даже въ Гвинеѣ, своей род«ной странѣ (1).»

Ласъ-Касасъ, убѣдясь въ безполезности всякаго другаго средства, рѣшился извлечь пользу для туземцевъ — хотя изъ корыстныхъ видовъ великаго-канцлера. Онъ сдѣлалъ предложеніе, чтобъ Испанцамъ, живущимъ въ колоніяхъ, было разрѣшено пріобретать Негровъ для употребленія на Фермахъ, въ рудникахъ и другихъ тяжелыхъ работахъ, дово-

(1) Herrera, *Hist. Ind.*, decad. I, lib. III, cap. 4.

дящихъ до изнеможенія и смерти туземцевъ (1). Изъ этого предложенія ясно видно, что онъ, подобно прочимъ своимъ современникамъ, руководствовался при уменьшеніи бѣдствій человѣчества арифметическимъ расчетомъ — жертвуя однимъ сильнымъ человѣкомъ вмѣсто трехъ или четырехъ болѣе слабыхъ. Кромѣ-того, онъ и самую расу дикихъ обитателей Новаго-Свѣта считалъ несравненно благороднѣйшею и умнѣйшею чѣмъ племя черныхъ, и слѣдственно благосостояніе первыхъ болѣе важнымъ для общей пользы человѣческаго рода.

Эта-то мѣра навлекла строгія укоризны на память Ласъ-Касаса. Его обвиняли въ грубомъ противорѣчіи своихъ правилъ съ поступками, и даже въ томъ, что онъ первый далъ поводъ къ безчеловѣчному торгу невольниками въ Новомъ-Свѣтѣ. Послѣднее обвиненіе весьма сильно; но событія и историческія числа доказываютъ, что оно неосновательно, и что торговля Неграми существовала въ колоніяхъ и была разрѣшена королевскими указами за-долго до того времени, когда Ласъ-Касасъ предложилъ ее, какъ средство къ облегченію участи дикихъ Американцевъ.

Ласъ-Касасъ не былъ въ Новомъ-Свѣтѣ до 1502 года; а еще въ 1501 году королевскимъ повелѣніемъ дозволено было ввозить туда

(1) Herrera, *Hist. Ind.* dec. I, lib. III, cap. 4.

Африканскихъ невольниковъ, родившихся между христіанами (1). Письмо Овандо, писанное въ 1503 году, доказываетъ, что ихъ было уже очень много въ то время въ Испаніолѣ, потому что онъ проситъ въ немъ о запрещеніи дальнѣйшаго ввоза невольниковъ на островъ. Въ 1506 году Испанское правительство запретило перевозить въ Новый-Свѣтъ черныхъ невольниковъ изъ Леванта, также и тѣхъ, которыя выросли между Мавританами, дозволивъ переселять въ колоніи однихъ Севильскихъ Негровъ, наставленныхъ въ догматахъ христіанской вѣры, — съ тою цѣлью, чтобъ они содѣйствовали обращенію туземцевъ (2). Въ 1510 году король Фердинандъ, получивъ донесеніе о физической слабости жителей Новаго-Свѣта, велѣлъ отправить туда изъ Севиллы пятдесятъ Африканцевъ, для работъ въ рудникахъ (3); а въ 1511 году, узнавъ что Негръ можетъ исправлять вчетверо болѣе работы, чѣмъ дикій Американецъ, далъ повелѣніе накупить ихъ въ Гвинеѣ и отправить къ Испаніолу (4). Въ 1512 и 1513 годахъ онъ издалъ другія повелѣнія, относящіяся къ тому-же предмету. Въ 1516 году Карлъ V, по просьбѣ Фламандцевъ, разрѣшилъ ввозъ Не-

(1) Herrera, decad. I, lib. II, cap. 8.
(2) Herrera, decad I, lib. IV, cap. 20.
(3) Herrera, decad I, lib. VIII, cap. 9.
(4) Herrera, decad. I, lib. IX, cap. 5.

гровъ въ колоніи. А Ласъ-Касасъ одобрилъ эту, уже давно существовавшую торговлю, не прежде, какъ въ 1517 году, имѣя въ виду единственно замѣну сильными Африканцами слабыхъ урожденцевъ Новаго-Свѣта. Его поддерживали, въ тоже время и по тѣмъ-же причинамъ, братья іеронимиты, миссіонеры колоній. Побужденія Ласъ-Касаса проистекали собственно изъ доброты его души, хотя основаніемъ ихъ было неправильное понятіе о справедливомъ. Онъ допускалъ зло — въ надеждѣ достигнуть черезъ него добра, — изъ двухъ неизбѣжныхъ бѣдствій избиралъ меньшее, въ надеждѣ отвратить большее. Какъ ни ложны его расчеты въ этомъ случаѣ, однакожъ они были одобрены, какъ проистекшіе изъ человѣколюбиваго побужденія, многими ученѣйшими и благонамѣреннѣйшими людьми того вѣка, и между прочими—кардиналомъ Адріаномъ, впослѣдствіи получившимъ тіару, и котораго характеръ состоялъ — весь изъ кротости и доброты. Торгъ Неграми былъ дозволенъ; собрали свѣденія, сколько ихъ нужно въ колоніяхъ; ограничили число ихъ четырьмя тысячами, и дали исключительную привиллегію на эту торговлю Фламандцамъ, которые продали ее потомъ Генуэзцамъ.

Докторъ Робертсонъ, говоря объ этомъ событіи, дѣлаетъ весьма невыгодное для Ласъ-Касаса сравненіе его поступковъ съ дѣйствіями кардинала Хименеса. «Кардиналъ, — гово-

рить онъ, — когда его упрашивали одобрить торговлю Неграми, рѣшительно отвергъ это предложеніе, потому-что считалъ несправедливымъ осуждать на рабство одно племя людей въ замѣнъ другаго; но Ласъ-Касасъ, увлекаемый тою опрометчивостью, которая свойственна людямъ, стремящимся, во что-бы то ни стало, достигнуть своей любимой цѣли, не могъ понять этого различія. Въ пылу своего усердія къ облегченію участи Американцевъ, онъ нашелъ столько-же справедливымъ, какъ и сообразнымъ съ обстоятельствами, увеличить бѣдствія Африканцевъ (1).»

Эта похвала и порицаніе раздѣлены Робертсономъ не совсѣмъ справедливо. Ласъ-Касасъ вовсе не думалъ увеличивать бѣдствій Африканцевъ, на счетъ туземцевъ Новаго-Свѣта. Негровъ считали болѣе способными къ перенесенію работъ, и въ то время когда Американцы гибли тысячами на Испаніолѣ, они, напротивъ-того, наслаждались тамъ наилучшимъ здоровьемъ: слѣдственно, онъ не видѣлъ въ этой перемѣнѣ зла для Африканцевъ и усматривалъ явное добро для туземныхъ невольниковъ. Что касается до мѣръ кардинала Хименеса, то Геррера, на котораго ссылается докторъ Робертсонъ, относитъ ихъ совсѣмъ къ другой причинѣ, именно — къ чистому финансовому расчету. Онъ говоритъ,

(1) Robertson, *Ист. Америки*, стр. 3.

что кардиналъ запретилъ ввозъ Негровъ въ Индію потому, что уменьшеніе туземнаго населенія въ Американскихъ колоніяхъ, и мнѣніе, что одинъ Негръ работаетъ вчетверо болѣе тамошняго невольника, — представляли въ непродолжительномъ времени возможность большаго требованія на Африканскихъ невольниковъ, и что дождавшись этого времени, можно будетъ наложить на торговлю черными невольниками пошлину, весьма выгодную для королевской казны (1). И это свидѣтельство историка оправдано послѣдствіями: мѣра, замышляемая кардиналомъ Хименесомъ, была принята вскорѣ послѣ его смерти; король началъ выдавать за деньги разрѣшенія на торговлю Неграми. Флешье, въ *Жизни Хименеса*, объясняетъ наложенное кардиналомъ запрещеніе причинами болѣе политическими.» Кардиналъ, говоритъ онъ, отвергъ предложеніе о ввозѣ Негровъ въ колоніи, изъ опасенія, чтобъ они не возмутили туземцевъ, и соединясь съ ними, не возстали-бы противъ Испанцевъ.» Марсолье, другой біографъ Хименеса, также приписываетъ дѣйствіямъ кардинала виды политическіе. Онъ

(1) «Porque como iban faltando los Indios, y se conocia que un negro trabajada mas que quatro, por lo qual habia gran demanda de ellos, parecia que se padia poner algun tributo en la saca, de que resultaria provecho á la real hacienda.» (Herrera, decad. II, lib. II, cap. 8.)

ссылается на его письмо объ этомъ предметѣ, гдѣ кардиналъ говоритъ, что онъ знаетъ Негровъ, и не отвергаетъ, что они способны къ перенесенію большихъ трудовъ; но знаетъ также и то, что они необыкновенно скоро размножаются и одарены предпріимчивостью; что допустивъ ихъ расплодиться въ Америкѣ, должно будетъ страшиться, что они, рано или поздно, но непремѣнно возстанутъ и наложатъ на Испанцевъ тѣ самыя оковы, которыя влачили сами, находясь въ ихъ неволѣ (1). Эти факты, лишая распоряженія кардинала цвѣта филантропіи, которымъ украсилъ ихъ Робертсонъ, доказываютъ только дальновидность этого искуснаго политика, котораго предсказаніе о возмущеніи Негровъ сбылось столь разительнымъ образомъ на островѣ Испаніолѣ.

Дѣло состоитъ въ томъ, что кардиналъ Хименесъ, несмотря на справедливо заслуженное имя мудраго и безкорыстнаго государственнаго человѣка, нисколько однакожъ не тревожился сомнѣніями при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ и не отличался отъ своихъ соотечественниковъ терпимостью въ отношеніи къ дикимъ и языческимъ народамъ. Онъ былъ великимъ-инквизиторомъ Испаніи, и въ послѣдніе годы царствованія Фердинанда съ особеннымъ усердіемъ старался обращать въ

(1) Marsollier, *Histoire du Ministère du Cardinal Ximenès*, liv. VI, Toulouse, 1694.

рабство упорныхъ Мавританъ Гренады; разрѣшилъ положительнымъ образомъ снаряженіе экспедицій для поимки и обращенія въ неволю жителей Караибскихъ-Острововъ, объявивъ ихъ существами, созданными единственно для работы, врагами христіанъ и человѣкоѣдами; учредилъ въ Новомъ-Свѣтѣ инквизиціонный судъ, — что конечно нельзя принять за доказательство его кроткой и вѣротерпимой политики. Всѣ эти факты мы приводимъ здѣсь отнюдь не съ тою цѣлью, чтобъ очернить характеръ кардинала Хименеса, но единственно чтобъ показать несправедливость историка, старавшагося возвысить его униженіемъ Ласъ-Касаса. Ихъ обоихъ должно судить соображаясь съ обычаями и понятіями того вѣка, въ которомъ они жили.

Ласъ-Касасъ написалъ много сочиненій; но напечатано изъ нихъ весьма малое число. Важнѣйшее его произведеніе — рукописная ***Всеобщая Исторія Индіи*** со времени ея открытія до 1520 года, въ трехъ томахъ, — послужившая Геррерѣ и другимъ историкамъ Новаго-Свѣта обильнымъ источникомъ. Это сочиненіе, несмотря на многословіе, драгоцѣнно, во-первыхъ потому, что авторъ былъ очевидцемъ бо́льшей части описанныхъ имъ событій, а о другихъ слышалъ отъ людей, которые принимали въ нихъ личное и дѣятельное участіе, и во-вторыхъ — что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ множество историческихъ

документовъ. Въ немъ замѣтна обширная эрудиція, хотя онъ часто развертываетъ ее некстати и весьма многорѣчивъ. Онъ началъ свою исторію въ 1527 году, будучи пятидесяти-трехъ лѣтъ отроду, а кончилъ въ 1559 году, восьмидесяти-пяти лѣтъ. Такъ-какъ онъ писалъ многое съ памяти, то у него встрѣчаются иногда невѣрности; но въ цѣломъ, сочиненіе его носитъ на себѣ печать истины и чистосердечія. При составленіи «Исторіи Коломба,» мы имѣли въ своихъ рукахъ драгоцѣнную рукопись Ласъ-Касаса, и она доставила намъ большую пользу въ этомъ дѣлѣ; мы почерпнули въ ней много весьма любопытныхъ и доселѣ неизвѣстныхъ фактовъ. Но руководствуясь ею, мы поступали осмотрительно,— сличали ее съ другими источниками и очищали отъ всего, что имѣло видъ предубѣжденія или неумѣреннаго усердія.

Ласъ-Касаса обвиняли въ излишней яркости картинъ и въ напыщенной декламаціи, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ разсказываетъ о жестокостяхъ, которымъ подвергали туземцевъ Новаго-Свѣта, — и это обвиненіе не безъ основанія. Въ его сочиненіяхъ отражается тоже ревностное участіе въ судьбѣ дикихъ Американцевъ, которое блистало во всѣхъ его поступкахъ: тамъ и здѣсь онъ дѣйствовалъ съ неизмѣнною чистотою побужденій, съ пылкостію и иногда съ неблагоразуміемъ, — но самыя заблужденія его всегда имѣли причи-

ны благородныя и справедливыя. Если только одна десятая часть того, что онъ «видѣлъ собственными глазами» истинна, — а правдивость его не подлежитъ сомнѣнію, — то и тогда — надобно не имѣть человѣческихъ чувствъ, чтобъ пересказывать всѣ эти злодѣянія безъ ужаса и негодованія.

Нельзя не пожалѣть, что оригинальные документы, находившіеся въ рукахъ Ласъ-Касаса, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своемъ сочиненіи и изъ которыхъ почерпнулъ многіе описанные имъ факты, утрачены для потомства. Кромѣ дневниковъ и писемъ Коломба, онъ упоминаетъ о множествѣ находившихся у него писемъ адлантадо, донъ Варѳоломея, который писалъ лучше своего брата, и котораго замѣчанія, вѣроятно, исполнены энергіи. Сверхъ-того, у него была карта, плодъ изученій и ипотезъ Коломба, которою руководствовался этотъ великій мореходецъ въ первое свое путешествіе. Какъ драгоцѣнна была-бы эта карта для свѣта! Можетъ-быть эти историческіе документы и существуютъ еще, заброшенные и забытые въ пыли, въ библіотекѣ какого-нибудь Испанскаго монастыря; но при нынѣшнемъ упадкѣ образованности духовенства этого государства нельзя и надѣяться, чтобъ они явились когда-либо въ свѣтъ. Недавно монахи монастыря Атохской-Богоматери, въ разговорѣ съ однимъ принцемъ королевской фамиліи, доказали свое глубокое

невѣденіе обо всемъ, что относится до этого предмета: они не знали даже, что знаменитый Ласъ-Касасъ погребенъ въ ихъ монастырѣ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ указать посѣтителю его могилы!

Исторія Ласъ-Касаса не была напечатана: опасались чтобъ изображенныя въ ней ужасныя картины жестокостей надъ туземцами не сдѣлали ненавистными имена ихъ побѣдителей. Кажется и самъ Ласъ-Касасъ былъ того-же мнѣнія. Это доказывается его своеручною надписью, сдѣланною въ 1560 году и сохранившеюся до нашего времени, на первыхъ двухъ томахъ его подлинной рукописи: этой надписью онъ ввѣряетъ свою исторію ордену проповѣдниковъ Св. Григорія въ Валладолидѣ и проситъ прелатовъ означеннаго ордена не дозволять никому изъ свѣтскихъ, даже членамъ коллегій, читать ее до истеченія сорока лѣтъ, и послѣ истеченія этого срока, напечатать въ такомъ только случаѣ, когда изданіе ея будетъ признано полезнымъ для жителей Новаго-Свѣта и не противно выгодамъ Испаніи (1).

По этой-то причинѣ Испанскіе историки пользовались твореніемъ Ласъ-Касаса съ большою осторожностью, умалчивая вовсе или упоминая только слегка о многихъ событіяхъ которыя, по ихъ мнѣнію, не приносили

(1) Navarrete, tom. I, *Introd.*, стр. 75.

чести ихъ отечеству. Если это побужденіе и нельзя назвать похвальнымъ, по крайней-мѣрѣ оно естественно: свѣтъ, въ своихъ сужденіяхъ, рѣдко принимаетъ на себя трудъ различать націю отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, которыя къ ней принадлежатъ. Законы и учрежденія, изданныя для управленія новооткрытыми землями, и рѣшенія «Совѣта о дѣлахъ Индіи» во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, хотя и запечатлѣны отчасти суевѣріемъ того вѣка, однакожъ не рѣдко исполнены мудрости, человѣколюбія и справедливости, которыя дѣлаютъ честь Испанской націи. Чтожъ касается до жестокостей, въ которыхъ ее упрекаютъ, онѣ произошли отъ злоупотребленія исполнительной власти, лицами, которымъ было ввѣрено мѣстное управленіе колоніями, и не могутъ относится къ цѣлому государству. Должно взять еще на видъ и то, что народъ, изъ среды котораго явились алчные и кровожадные авантуристы, произвелъ также и первыхъ миссіонеровъ, подобныхъ Ласъ-Касасу, которые добровольно устремлялись по кровавымъ слѣдамъ завоевателей Новаго-Свѣта, съ единственнымъ желаніемъ — врачевать раны, наносимыя ихъ соотечественниками. Эти люди, руководимые истинно евангельскимъ духомъ, подвергали себя добровольно всѣмъ возможнымъ лишеніямъ, презирали опасности и самую смерть, — не для пріобретенія сокровищъ или временной славы, но одушевляемые

единственнымъ желаніемъ облегчить судьбу варварскихъ, но страждующихъ племенъ, и спасти ихъ души отъ погибели. Отважныя предпріятія и странствованія, сопряженныя съ величайшими опасностями этихъ добродѣтельныхъ мужей, если цѣнить ихъ по справедливости, могутъ состязаться съ самыми геройскими подвигами рыцарства, и имѣютъ надъ ними еще то великое преимущество, что они проистекали изъ источниковъ несравненно болѣе чистыхъ и благородныхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 27.

Пьеръ Мартиръ.

Пьеръ Мартиръ (Martyr или Martir), сочиненія котораго служили обильнымъ источникомъ при составленіи этой Исторіи, родился въ Ангіеррѣ, въ Миланскихъ владѣніяхъ, 2-го февраля 1455 года. Его обыкновенно называютъ—*Пьеромъ Англерскимъ*, по Латинскому названію мѣста его рожденія—Angleria. Онъ принадлежитъ къ числу первыхъ историковъ, писавшихъ о Коломбѣ, котораго онъ былъ современникомъ и съ которымъ находился въ тѣсной дружеской связи. Пьеръ-Мартиръ получилъ воспитаніе въ Римѣ, и пріобрелъ такую извѣстность своими познаніями, что въ 1487 году графъ де-Тендилла, Испанскій посланникъ, пригласилъ его съ собой въ Испанію. Онъ принялъ охотно предложеніе посла и былъ представленъ имъ въ Сарагоссѣ королю и королевѣ. Изабелла, не переставшая и среди самыхъ военныхъ трудовъ, — которыми

она была обремена тогда, по поводу Гренадской войны, — заботиться объ успѣхахъ своихъ подданныхъ на поприщѣ наукъ, изъявила желаніе поручить Мартиру обученіе молодыхъ дворянъ королевскаго двора. Но прежде, съ свойственною этой государынѣ деликатностью, она велѣла духовнику своему, Фернандо Талаберѣ, узнать отъ него, въ какомъ званіи онъ желаетъ служить при ней. Противъ всякаго ожиданія, Пьеръ Мартиръ отвѣчалъ: «Въ военномъ.» Изабелла согласилась, и онъ слѣдовалъ за нею въ походахъ, числясь въ ея придворномъ штатѣ, въ числѣ военной свиты; однакожъ онъ не отличился на войнахъ; быть-можетъ даже, ему и не поручали никакой значительной должности на этомъ поприщѣ, столь чуждомъ его способностямъ. Послѣ сдачи Гренады, по окончаніи войны, королева наконецъ склонила его черезъ великаго кардинала Испаніи взять на себя преподаваніе наукъ молодымъ людямъ ея двора.

Пьеръ-Мартиръ зналъ Коломба еще въ то время, когда тотъ дѣлалъ свои предложенія Испанскимъ государямъ, и присутствовалъ при торжественномъ пріемѣ, сдѣланномъ адмиралу Фердинандомъ и Изабеллой въ Барселоннѣ, по возвращеніи его изъ перваго путешествія. Въ продолженіи войны съ Мавританами, Мартиръ постоянно находился при ихъ величествахъ, и письма его заклю-

чаютъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей объ этой кампаніи. Въ 1501 году онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ Испаніи, сначала въ Венецію, а потомъ къ Египетскому великому-султану. Послѣдній, въ 1490 или 1491 году, присылалъ къ Фердинанду и Изабеллѣ посольство, съ угрозой—предать смерти всѣхъ Египетскихъ и Сирійскихъ христіанъ, разрушить ихъ храмы и истребить Гробъ-Господень въ Іерусалимѣ, если король и королева не прекратятъ войны съ Гренадскими Маврами. Однакожъ Испанскіе монархи продолжали войну еще съ большею дѣятельностью противъ прежняго, дотого, пока кончили ее побѣдоносно въ слѣдующую кампанію. Все это время султанъ продолжалъ вести переговоры съ папой о томъ-же предметѣ. Овладѣвъ Гренадой, король и королева отправили Пьера-Мартира къ султану, въ качествѣ посланника, для объясненій съ нимъ. Мартиръ выполнилъ это порученіе весьма удачно; не только смягчилъ султана, но даже испросилъ у него позволеніе возобновить «святыя мѣста» въ Іерусалимѣ и уничтожить разные налоги и притѣсненія, которымъ подвергались христіанскіе богомольцы въ его владѣніяхъ. Во время этого посольства онъ написалъ книгу *de Legatione babylonica*, содержащую въ себѣ исторію Египта въ ту эпоху.

По возвращеніи въ Испанію, Мартиръ по-

лучилъ отъ своихъ государей, въ награду за успѣшное посольство, разныя мѣста и денежныя пенсіи, а въ 1524 году былъ назначенъ министромъ «Совѣта о дѣлахъ Индіи» Важнѣйшее его сочиненіе — «Исторія открытій въ Новомъ-Свѣтѣ,» раздѣленная на восемъ «Декадъ,» изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ десять главъ. Оно издано подъ заглавіемъ «*Декады Новаго-Свѣта*» или «*Декады Океана*», и, подобно всѣмъ прочимъ его сочиненіямъ, въ подлинникѣ написано по-Латыне, хотя впослѣдствіи переведено на разные языки. Онъ имѣлъ у себя множество писемъ, бумагъ, дневниковъ и путешествій частныхъ мореходцевъ, сдѣлавшихъ первыя открытія, и притомъ будучи знакомъ съ многими изъ нихъ лично, извлекалъ изъ бесѣдъ съ ними много подробностей, не помѣщенныхъ въ бумагахъ. При составленіи своихъ «Декадъ» онъ всѣми мѣрами старался собирать изустныя свѣденія отъ самаго Коломба и его спутниковъ.

Въ одномъ изъ своихъ «Посланій» къ Помпонію Летусу (январь 1494, № 153) онъ говоритъ, что «сей-часъ только получилъ отъ Коломба письмо:» изъ чего должно заключить, что онъ велъ съ нимъ переписку. Лась-Касасъ говоритъ, что «Описанія путешествій Коломба, Пьера Мартира, заслуживаютъ большаго довѣрія, хотя въ «Декадахъ» его встрѣчаются нѣкоторыя невѣрности въ изложеніи

позднѣйшихъ событій въ Индіи.» Мюнносъ также высоко цѣнилъ его, какъ писателя современнаго, правдиваго, образованнаго и хорошо знавшаго описываемыя имъ событія. Совсѣмъ-тѣмъ онъ-же прибавляетъ, что Мартиръ въ своихъ сочиненіяхъ часто увлекался первымъ движеніемъ, и при описаніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, изображалъ ихъ совсѣмъ въ другомъ видѣ, нежели какъ они найдены впослѣдствіи; что онъ писалъ безъ всякой методы и небрежно, смѣшивалъ числа и происшествія, такъ что основываться на его сочиненіяхъ должно съ большею осмотрительностью.

Мартиръ имѣлъ обыкновеніе каждый день писать къ кому нибудь изъ извѣстныхъ особъ письма. Въ этихъ письмахъ онъ перезсказываетъ все, происходившее при дворѣ и вокругъ него. Во многихъ изъ нихъ онъ упоминаетъ о Коломбѣ и описываетъ важнѣйшія обстоятельства изъ его путешествій, повторяя слухи, носившіеся объ нихъ при самомъ возвращеніи адмирала изъ экспедицій. Эти любопытныя посланія извѣстны только весьма немногимъ ученымъ, которые отъ-времени-до-времени указывали на нихъ въ своихъ твореніяхъ: поэтому мы надѣемся, что читатель не безъ участія встрѣтитъ здѣсь нѣкоторые отрывки, относящіеся къ Коломбу, которые мы извлекли изъ нихъ и которыя

весьма живо изображаютъ намъ эпоху его открытій.

Въ одномъ изъ этихъ писемъ, писанномъ изъ Барселонны 1 мая 1493 года, къ Борромео, Пьеръ Мартиръ говоритъ: «Нѣсколько «дней тому назадъ пріѣхалъ сюда нѣкто, по «имени Христоферъ Коломбъ, родомъ Лигу- «ріецъ, изъ странъ западныхъ антиподовъ. «Онъ, въ прошломъ году, съ трудомъ вы- «просилъ у моихъ государей три судна, для «открытія этихъ странъ: потому-что все, что «онъ ни говорилъ объ нихъ, считали басня- «ми. Теперь онъ возвратился и привезъ съ «собой образцы многихъ драгоцѣнныхъ ве- «щей, и въ особенности золота, которое «само родится въ тѣхъ земляхъ (1).

Въ другомъ письмѣ, писанномъ также изъ Барселонны въ сентябрѣ того-же года, къ графу Тендиллѣ, губернатору Гренады, и къ Фернандо Талаберѣ, архіепископу этой области, — тому самому, которому было поручено Испанскими монархами разсмотрѣніе Коломбова проэкта, — онъ входитъ въ нѣкоторыя подробности при изложеніи того-же предмета.

«Послушайте новость, говоритъ онъ. Помните-ли вы Лигурійца Коломба, которому государи наши во время пребыванія своего въ лагерѣ, поручили отысканіе западныхъ анти-

(1) *Opus epist.* P. Martyris Anglerii, epist. LXXXI.

подовъ, въ другомъ полушаріи земли? Вы не могли забыть его, потому-что сами принимали нѣсколько участія въ этомъ дѣлѣ, которое «безъ вашего совѣта, думаю, не могло-бы и «состояться. . . . Онъ теперь возвратился, «живъ и здоровъ, и разсказываетъ чудеса о «своемъ путешествіи, и обо всемъ, что видѣлъ въ открытыхъ имъ странахъ; привезъ съ собой золото, хлопчатую бумагу и «перецъ, который заключаетъ въ себѣ еще «болѣе пряности нѣмъ Кавказскій. Все это, «онъ говоритъ, земля производитъ тамъ сама собою, также какъ и дерево, которое «даетъ пурпуровую краску. Онъ разсказываетъ, что проплывъ, по теченію солнца, «на западъ отъ Гадеса (Кадикса), пять тысячь миль, онъ открылъ разные острова, «изъ которыхъ одинъ больше Испаніи, и «взялъ всѣ ихъ во владѣніе на имя нашихъ «государей; что эти острова заселены людьми особой породы, которые живутъ въ дикомъ состояніи, но счастливо; питаются «плодами, растеніями и хлѣбомъ изъ тертыхъ «кореньевъ, и что у нихъ есть свои цари, болѣе «или менѣе могущественные. Эти народы иногда воюютъ между собою, и оружіе ихъ состоитъ изъ луковъ, стрѣлъ и копій съ заостренными концами, отвержденными на «огнѣ. Хотя они живутъ въ природномъ состояніи и ходятъ нагіе, однакожъ страсть «къ властвованію существуетъ и между ними.

«У нихъ есть жены. Неизвѣстно, кого они «порождаютъ — Существо-ли небесное, или . . . «и проч. (1). »

Еще въ одномъ письмѣ, писанномъ въ томъ-же мѣсяцѣ къ кардиналу и вице-канцлеру Асканію Сфорцу, Мартиръ говоритъ:

« Желаніе быть вамъ пріятнымъ, свѣтлѣй- «шій князь, такъ велико, что я чувствую се- «бя совершенно счастливымъ, когда въ веди- «комъ движеніи событій встрѣчается что- «нибудь достойное занять ваше вниманіе. «Изъ всѣхъ чудесъ земнаго шара, около ко- «тораго солнце обращается въ продолженіи «двадцати - четырехъ часовъ, доселѣ, какъ «вамъ извѣстно, мы знали только тѣ, кото- «рыя разсѣяны на пространствѣ одного по- «лушарія, отъ Золотаго-Херсонеса до Гадеса, «въ Испаніи. Все остальное космографы счи- «тали неизвѣстнымъ, и если иногда и упо- «миналось что-нибудь объ этомъ предметѣ, «то всегда поверхностно и съ сомнѣніемъ. «А теперь, о благословенное предпріятіе! «теперь, подъ счастливымъ вліяніемъ нашихъ «государей, разоблачается наконецъ то, что «было сокрыто отъ начала вѣковъ. Вотъ «какъ это случилось. Прошу вниманія, свѣт- «лѣйшій князь! Нѣкто, Христоферъ Коломбъ, «родомъ Лигуріецъ, былъ отправленъ моими «государями на трехъ судахъ въ ту часть

(1) Opus epist. P. Martyris Angleri, epist. CXXXI.

« земли; и проплывъ на западъ по теченію « солнца болѣе пяти-тысячь миль отъ Гаде- « са, открылъ путь къ антиподамъ. Онъ плылъ « цѣлыхъ тридцать дней сряду, ничего не ви- « дя кромѣ неба и воды; наконецъ сверху « мачты большаго судна, на которомъ нахо- « дился самъ Коломбъ, сторожевые матросы « закричали, что видятъ землю, — и дѣйстви- « тельно это была земля. Впереди открылось « нѣсколько острововъ. Суда приставали къ « шести изъ нихъ, и одинъ изъ этихъ остро- « вовъ, по увѣренію спутниковъ Коломба, — « можетъ быть обманутыхъ новостью пред- « ставившагося имъ зрѣлища, — больше Испа- « ніи. » Далѣе Мартиръ описываетъ прежнимъ порядкомъ произведенія открытыхъ Коломбомъ острововъ, обычаи и наружность ихъ жителей и въ особенности распространяется объ ихъ войнахъ, которыхъ причины между этими дикими племенами, онъ не можетъ постигнуть. « Они враждуютъ между собой, про- « должаетъ онъ, какъ будто слова *teum* « и *meum*, мое и твое, или разорительная рос- « кошь и страсть къ пріобрѣтенію богатствъ, « существуютъ между ними, подобно какъ у « насъ! . . . . . Спрашиваю я васъ, какія потреб- « ности могутъ быть у людей совершенно « нагихъ? . . . . Я буду извѣщать васъ обо всѣхъ « послѣдствіяхъ этого событія. Свидѣтель- « ствую вамъ мое почтеніе (1). »

(1) *Opus epist. P. Martyris Angleri*, epist. CXXXI.

Въ письмѣ изъ Валладолиды, отъ 1 февраля 1494 года, къ Фернандо Талаверѣ, архіепископу Гренадскому онъ говоритъ: «Король и королева, по прибытіи Коломба въ «Барцелонну послѣ достославнаго предпріятія его, пожаловали его адмираломъ Моря-Океана и пригласили сѣсть въ своемъ присутствіи, изъ уваженія къ его знаменитымъ подвигамъ: это отличіе, какъ вамъ извѣстно, считается у нашихъ государей знакомъ величайшей почести и милости. Теперь они опять послали его въ тѣ страны, поручивъ подъ его начальство флотъ изъ восемнадцати кораблей. Все предвѣщаетъ великія открытія въ западномъ антарктическомъ полушаріи (1).»

Въ письмѣ къ Помпонію Летусу изъ Алькалы-де-Генаресъ, отъ 9 декабря 1494 года, Пьеръ Мартиръ сообщаетъ первое извѣстіе объ успѣхѣ этого предпріятія.

«Испанія, говоритъ онъ, паритъ, распространяетъ свое владычество, имя и славу до отдаленныхъ странъ антиподовъ. . . . . Изъ восемнадцати кораблей, отправленныхъ моими государями съ адмираломъ Коломбомъ во второе его путешествіе въ западное полушаріе, двѣнадцать возвратились, и привезли съ собой хлопчатую бумагу, огромные отрубки красильнаго дерева, много дру-

(1) *Opus epist. P. Martyris Angleri*, epist. CXXXI.

« гнія предметовъ драгоцѣнныхъ въ Европѣ,
« которые производитъ природа этого, досе-
« лѣ сокрытаго отъ насъ, міра, и сверхъ все-
« го значительное количество золота. Гово-
« рятъ, что въ тѣхъ странахъ находятъ на
« поверхности земли слитки самороднаго зо-
« лота необыкновенной величины, такъ что
« нѣкоторые изъ нихъ вѣсятъ до двухъ
« сотъ пятидесяти унцовъ, — и судя по
« разсказамъ жителей, Испанцы надѣются
« найти еще огромнѣйшіе куски этого ме-
« талла. Не возможно болѣе сомнѣваться въ
« существованіи Лестригоновъ и Полифемовъ,
« питавшихся человѣческою плотью: Коломбъ,
« плывя отъ Счастливыхъ - Острововъ, нынѣ
« называемыхъ Канарійскими, въ Испаніолу,
« взялъ направленіе нѣсколько южнѣе, и во-
« шелъ въ группу, безчисленныхъ острововъ,
« населенныхъ дикими, которыхъ называютъ
« Каннибалами или Карайбами. Эти люди, хо-
« тя и наги, но весьма воинственны и хра-
« ры въ сраженіяхъ; искусно владѣютъ лукомъ
« и боевою дубиною, и имѣютъ лодки, выдол-
« бливаемые изъ кряжа одного дерева, которыя
« однакожъ весьма велики. Въ этихъ лодкахъ
« они дѣлаютъ свои ужасные набѣги на со-
« сѣдственные острова, населенные племена-
« ми болѣе миролюбивыми. Карайбы нападаю-
« ютъ на ихъ селенія и уводятъ мужчинъ
« въ плѣнъ для пожранія (1). »

(1) *Opus epist. P. Martyris Angleriï*, epist. CXXXI.

Другое письмо къ Помпонію Летусу о томъ-же предметѣ, мы очень часто приводили въ разныхъ мѣстахъ этого сочиненія. Сдѣланныя нами выписки не заключаютъ въ себѣ ничего новаго; все, что приведено здѣсь нами, вполнѣ находится въ «Декадахъ» Пьера Мартира, и изложено тамъ гораздо подробнѣе, но мы желали сообщить нашимъ читателямъ первоначальныя извѣстія объ открытіяхъ Коломба въ томъ видѣ, какъ они вышли изъ первыхъ рукъ, — извѣстія тѣмъ болѣе любопытныя, что они обнаруживаютъ и то впечатлѣніе, которое эти безпримѣрныя событія произвели на умъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего вѣка.

Въ 1530 году вышло въ свѣтъ «Собраніе писемъ» Пьера Мартира, подъ заглавіемъ *Opus epistolarium Petri Martyris, Anglerii.* Оно раздѣлено на тридцать-восемь книгъ, изъ которыхъ въ каждой заключаются письма въ продолженіе одного года писанныя. Эти письма подверглись тѣмъ-же упрекамъ какъ и Декады; но они запечатлѣны тою-же искренностью и праводушіемъ и доказываютъ, что онъ зналъ, о чемъ писалъ. Особенную цѣну имъ придаетъ то обстоятельство, что они были писаны въ самое время совершенія повѣствуемыхъ въ нихъ событій, прежде нежели предубѣжденіе и клевета успѣли обезобразить ихъ. Его сочиненія исполнены любопытныхъ подробностей, которыхъ нель-

зя найти ни въ одномъ современномъ историкѣ, богаты мыслями и еще болѣе фактами, и отличаются тонкою разборчивостью и благородными чувствами свѣтскаго ученаго. Это одинъ изъ источниковъ, въ которомъ черпали болѣе другихъ, и въ которомъ, съ небольшою только предосторожностью, можно почерпать смѣло - Пьеръ - Мартиръ умеръ въ Валладолидѣ, въ 1526 году.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 28.

Овидо.

Гонсало Фернандесъ де-Овидо-и-Вальдесъ, вообще извѣстный подъ именемъ Овидо, родился въ Мадритѣ въ 1478 году и умеръ въ Валладолидѣ шестидесяти-девяти лѣтъ отроду. Онъ происходилъ отъ благородной Астурійской фамиліи и еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ 1490 году, поступилъ пажемъ къ принцу Іоанну, наслѣднику Испанскаго престола, единственному сыну Фердинанда и Изабеллы. Онъ занималъ это званіе во время осады и сдачи Гренады, слѣдственно находился при дворѣ и въ то время, когда Коломбъ заключилъ договоръ съ католическими величествами и когда знаменитый мореплаватель торжественно вступилъ въ Барцелонну, сопровождаемый дикими людьми открытыхъ имъ странъ.

Въ 1513 году Фердинандъ послалъ его въ

Новый-Свѣтъ, въ званіи главнаго-надсмотрщика золотыхъ плавилень. Тамъ онъ занималъ разныя важныя мѣста въ продолженіе тридцатишести лѣтъ, въ царствованія Фердинанда и Карла V, внука и наслѣдника его. Въ 1535 году онъ былъ назначенъ алькадомъ Санъ-Домингской крѣпости, въ Испаніолѣ, и нѣсколько времени спустя «Исторіографомъ Индіи.» Онъ служилъ правительству болѣе сорока лѣтъ, и, какъ мы сказали, тридцать-шесть изъ нихъ провелъ въ колоніяхъ, и восемь разъ переплывалъ океанъ, какъ самъ онъ говоритъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій. Онъ оставилъ послѣ себя разныя творенія, изъ которыхъ важнѣйшее — *Хроника Индіи*, въ пятидесяти книгахъ, раздѣленныхъ на три части. Первая часть этого произведенія, содержащая въ себѣ девятнадцать книгъ, была напечатана въ Севиллѣ въ 1535 году и вновь издана въ 1547, въ Саламанкѣ, съ дополненіемъ двадцатой книги, заключающей въ себѣ свѣденія о кораблекрушеніяхъ. Послѣднія двѣ части остались въ рукописи. Ихъ начали-было печатать въ Валладолидѣ въ 1557 году, но эта работа прекратилась вмѣстѣ съ смертью Овидо — и онѣ остались въ числѣ неизданныхъ сокровищъ исторіи Испанскихъ колоній.

Овидо былъ писатель неутомимый, страстный охотникъ собирать факты и излагать ихъ на бумагѣ. Онъ написалъ множество то-

мовъ, которые теперь разсѣяны въ разныхъ Испанскихъ библіотекахъ. Онъ описывалъ событія, совершившіяся на его глазахъ, или переданныя ему очевидцами; но въ немъ замѣтенъ недостатокъ разборчивости и *сужденія*. Онъ собиралъ факты безъ всякаго разбора, и часто почерпалъ ихъ въ источникахъ недостовѣрныхъ. Въ описаніи перваго путешествія Коломба, онъ впалъ въ важныя погрѣшности оттого, что основалъ свое повѣствованіе на изустномъ разсказѣ одного лоцмана, по имени Германа Переса Матео, приверженца Пинсоновъ и врага адмирала. Во всемъ, что относится до Коломба, не должно слишкомъ довѣрять ему; но гдѣ онъ изображаетъ позднѣйшія эпохи Исторіи Новаго-Свѣта и описываетъ происшествія по личнымъ своимъ наблюденіямъ, тамъ онъ гораздо удовлетворительнѣй, хотя и здѣсь еще обвиняютъ его въ томъ, что онъ легко вѣрилъ народнымъ баснямъ и ложнымъ слухамъ. Свѣдѣнія, сообщенныя имъ о естественныхъ произведеніяхъ Новаго-Свѣта, нравахъ и обычаяхъ туземцевъ, исполнены любопытныхъ подробностей; но лучшія его описанія — нѣкоторыхъ путешествій второстепенной важности, послѣдовавшихъ за открытіями Коломба, остались въ неизданной части его сочиненій.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 29.

Лосъ-Палаціосскій патеръ.

Андрей Бернальдесъ, или Берналь, вообще извѣстный подъ именемъ Лосъ-Палаціосскаго патера, по названію города Лосъ-Палаціоса, въ которомъ онъ занималъ званіе священника съ 1488 до 1513 года, родился въ городѣ Фуэнтѣ и былъ нѣкоторое время капеланомъ Діэго Деса, Севильскаго архіепископа, — одного изъ самыхъ усердныхъ защитниковъ предложеній Коломба. Бернальдесъ былъ весьма коротко знакомъ съ адмираломъ, который часто бывалъ у него, и въ 1496 году оставилъ ему многія изъ своихъ рукописей и дневниковъ, которые послужили патеру матеріяломъ при сочиненіи «Исторіи царствованія Фердинанда и Изабеллы,» гдѣ онъ помѣстилъ также и описаніе путешествій Коломба. Его описаніе плаванія адмирала у южныхъ береговъ Кубы отличается точностью и подробностью, какихъ нельзя найти ни у одного историка. Произведеніе Берналь-

деса не напечатано: но оно пользуется большею извѣстностью между историками, которые часто прибѣгали къ нему. О. Ричь обладаетъ одною весьма любопытною рукописною хроникой, о которой мы уже имѣли случай говорить въ нашемъ сочиненіи, и которая составлена по «Исторіи» Лосъ-Палаціосскаго патера и по другимъ историкамъ его времени, вѣроятно какимъ-нибудь современнымъ писателемъ. Авторъ этой «Хроники,» въ обзорѣ пушешествій Коломба, иногда отступаетъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ отъ вѣрной копіи съ рукописи патера. Мы тщательно старались сличить и разобрать эти несогласія, и держались «Хроники» во всѣхъ случаяхъ, гдѣ она казалась намъ болѣе-заслуживающею довѣрія.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 30.

«Navigazione del re de Castiglia delle isole e paese nuovamente ritrovate.»

«Navigatio Christophori Columbi.»

Вотъ Италіянское и Латинское заглавія древнѣйшаго печатнаго повѣствованія о первомъ и второмъ путешествіяхъ Коломба. Это повѣствованіе принадлежитъ неизвѣстному автору, и на счетъ его есть нѣкоторыя любопытныя особенности. Первоначально оно написано по-Италіянски Монгальбодомъ Фракансо, или Фракансано, или Франкапано, де-Монтальбодо, — авторы несогласны въ имени, — и напечатано въ Венеціи, въ 1507 году, въ одномъ «Собраніи путешествій,» подъ заглавіемъ: ***Mondo Novo, e Paese Nuovemente Ritrovati.***

Во второй разъ то-же «Собраніе» издано въ Миланѣ, въ 1508 году, на Италіянскомъ-же языкѣ, съ Латинскимъ переводомъ Ар-

канжело Мадриньяно, и названо: *Itinerarium Portugallensium* — по той причинѣ, что оно заключаетъ въ себѣ большею частью путешествія Луиджи Кадамоста, Венеціянца, состоявшаго въ Португальской службѣ.

Впослѣдствіи это «Собраніе» было пополнено Симономъ Гринеусомъ, прибавленіемъ къ нему другихъ путешествій, и напечатано въ Базелѣ въ 1533 году Герважіомъ (1), подъ названіемъ *De Novus Orbis*, и проч. Послѣднія два изданія, — Миланское на Италіянскомъ языкѣ, 1508 года, и Базельское, 1533, — были приняты въ соображеніе при составленіи нами «Исторіи Коломба.»

Пьеръ-Мартиръ (Дек. II, гл. 7) упоминаетъ объ этомъ произведеніи, называя его первымъ Латинскимъ заглавіемъ *Itinerarium Portugallensium*, и обвиняетъ автора, котораго по ошибкѣ называетъ Кадамостомъ, въ похищеніи матеріяловъ для этой книги изъ первыхъ трехъ главъ его «Декадъ объ океанѣ,» съ которыхъ рукописныя копіи онъ давалъ разнымъ особамъ, и между прочимъ Венеціянскимъ посланникамъ. «Декады» Мартира были изданы не прежде 1516 года.

Споторно, въ своей «Исторической Запискѣ о Коломбѣ», говоритъ, что повѣствованіе о первыхъ двухъ путешествіяхъ Коломба написано однимъ изъ спутниковъ адмирала.

(1) *Bibliotheca Pinello.*

Читая это повѣствованіе, ясно видно, что хотя, авторъ его и пользовался безъ церемоній рукописью Мартира, однакожъ онъ имѣлъ и другіе источники свѣденій. Его описаніе наружности Коломба, котораго онъ изображаетъ рослымъ, широкоплечимъ, съ продолговатымъ и краснымъ лицемъ, — не выписано ни изъ Мартира, ни изъ другаго какого-либо писателя. Очевидно что ему не предшествовалъ въ этомъ трудѣ ни одинъ историкъ, исключая развѣ Сабеликуса, писавшаго въ 1504 году. Портретъ его съ адмирала сходенъ съ изображеніемъ, сдѣланнымъ его сыномъ, Фернандо, въ «Біографіи» его отца.

По всей вѣроятности, повѣствованіе, о которомъ идетъ рѣчь, появившееся черезъ одинъ годъ послѣ смерти Коломба, было написано по заказу для «Собранія путешествій,» издававшагося въ Венеціи, и что матеріялы для него были взяты — частью изъ преданій изустныхъ, отчасти изъ Сабеликуса, а болѣе изъ рукописной копіи первой Декады Мартира.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 31.

Антоніо-де-Геррера.

Антоніо Геррера-де-Тордесиллась, одинъ изъ писателей, на котораго мы такъ часто ссылались въ этомъ сочиненіи, родился въ 1565 году. Родители его были — Родриго Тордесиллась и Агнеса де-Геррера. Получивъ отличное воспитаніе, онъ вступилъ въ службу Веспасіана Гонсаго, брата герцога Мантуанскаго, бывшаго вице-короля Неаполитанскаго подъ протекторствомъ Филиппа II, Испанскаго короля. Сначала онъ занималъ мѣсто секретаря при этомъ государственномъ человѣкѣ, который повѣрялъ ему всѣ свои тайны. Потомъ Филиппъ II назначилъ его главнымъ истріографомъ Индіи, опредѣливъ этому званію весьма большое содержаніе.

Геррера написалъ много; но знаменитѣйшее его твореніе — ***Всеобщая Исторія Индіи***

или Американскихъ колоній, въ четырехъ томахъ, раздѣленныхъ на восемь декадъ. Когда онъ предпринялъ этотъ трудъ, для него повелѣно было открыть всѣ архивы и сообщить ему всѣ нужные документы. Его обвиняютъ въ излишней торопливости при составленіи двухъ первыхъ томовъ его «Исторіи» и въ недостаточной повѣркѣ и очисткѣ находившихся въ его распоряженіи матеріяловъ. Но дѣло состоитъ въ томъ, что онъ въ этихъ матеріялахъ нашелъ цѣлыя рукописныя сочиненія, заключавшія въ себѣ большую часть первоначальныхъ открытій, и ограничилъ свой трудъ — простымъ изложеніемъ событій въ томъ порядкѣ, какъ они были тамъ описаны, такъ что большая часть его произведенія — не что иное какъ точный списокъ съ рукописной «Исторіи Индіи» Лась-Касаса, въ которой онъ нѣкоторыя мѣста сократилъ, исправилъ слогъ тамъ, гдѣ онъ былъ слишкомъ напыщенъ, выпустилъ жаркія выходки, въ которыя вовлекался добрый епископъ при описаніи бѣдствій, претерпѣваемыхъ туземцами, и отбросилъ разныя обстоятельства, которыя могли бы помрачить характеръ лицъ, участвовавшихъ въ первыхъ открытіяхъ въ Новомъ-Свѣтѣ. Поэтому мы должны были часто оставлять «Исторію» Герреры и обращаться къ источнику, откуда онъ почерпалъ свои свѣденія, то-есть къ рукописной исторіи Лась-Касаса.

Можно замѣчать, что весь трудъ Геррера при составленіи «Исторіи Индіи,» ограничивался выборомъ и сводомъ цѣлыхъ отрывковъ изъ разныхъ сочиненій — точно такъ какъ поступаютъ при распредѣленіи въ хронологическій порядокъ матеріяловъ, изъ которыхъ намѣреваются составить исторію — и что еслибъ Геррера не обладалъ столь обширными познаніями и умомъ, то послѣдняя, съ какою онъ употреблялъ въ дѣло эти матеріялы, неминуемо вовлекла-бы его въ безчисленныя погрѣшности. Это замѣчаніе справедливо; однакожъ должно взять на видъ и то, что искуство выбрать нужное изъ матеріяловъ, умѣнье расположить ихъ и употребить дѣльно, составляетъ не послѣднее достоинство историка.

Герреру обвиняютъ также въ пристрастіи къ своей націи, въ преувеличеніи подвиговъ своихъ соотечественниковъ, въ смягченіи, и даже въ скрытіи, ихъ дурныхъ дѣйствій. Этотъ упрекъ не заключаетъ въ себѣ большой важности. Передавать потомству славу своего отечества — есть одна изъ благороднѣйшихъ обязанностей историка; а тогдашнія предпріятія Испанцевъ были столь необыкновенны, подвиги ихъ такъ блистательны, что самыя пышныя выраженія едва достаточны для достойнаго ихъ изображенія. Ослабляя слишкомъ рѣзкія черты въ описаніяхъ непохвальныхъ поступковъ, сво-

ихъ одноземцевъ, онъ отступилъ отъ истины; но эта неточность имѣетъ полное право на снисхожденіе, — если только можно ставить въ вину Испанскому писателю желаніе предать забвенію жестокости и пороки своихъ соотечественниковъ.

Боссій осыпаетъ похвалами Герреру «Никто, говоритъ онъ, не описалъ съ такою тщательностью и вѣрностью пространства и границъ разныхъ областей и морей; положенія мысовъ, острововъ, гаваней и рейдовъ; извилинъ рѣкъ, протяженій озеръ, положенія и особенностей каждой страны и удобныхъ мѣстъ для построенія городовъ.» Испанцы назвали его — царемъ историковъ Америки, и нынѣ еще многіе утверждаютъ, что послѣ него не было писателя, который-бы могъ оспоривать у него этотъ титулъ. Большая часть похвалъ Боссія покажутся явнымъ преувеличеніемъ, всякому, кто только возметъ на себя трудъ разсмотрѣть рукописныя исторіи, изъ которыхъ Геррера извлекъ для своего сочиненія цѣлыя главы и книги, съ весьма немногими измѣненіями въ текстѣ: изслѣдователь увидитъ, что значительная часть воздаваемыхъ ему похвалъ за его «Исторію Индіи,» принадлежатъ по праву Ласъ-Касасу, который слишкомъ долго затмевался своимъ конистомъ: Совсѣмъ-тѣмъ Геррера оставилъ и нѣкоторыя доказательства тщательности въ изслѣдованіяхъ, об-

ширности свѣденій и отличнаго литературнаго дарованія. Его сочиненія носятъ на себѣ печать искренности, праводушія и чистосердечнаго желанія говорить истину.

Онъ умеръ въ 1625 году, шестидесяти лѣтъ отроду, получивъ отъ Филипа II обѣщаніе — опредѣлить его на первое вакантное мѣсто государственнаго-секретаря.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 32.

Епископъ Фонсека.

Мы не одинъ разъ имѣли случаи говорить въ этомъ сочиненіи о недоброжелательствѣ епископа Хуана Родригеса де-Фонсеки къ Коломбу и его фамиліи, — недоброжелательствѣ, которое было одною изъ скрытныхъ и главнѣйшихъ причинъ разныхъ непріятностей, испытанныхъ самимъ Коломбомъ лично и членами его семейства. Источникомъ этого враждебнаго расположенія епископа, какъ мы уже замѣтили, были нѣкоторыя несогласія, возникшія между нимъ и адмираломъ въ 1493 году, по поводу замедленій при снаряженіи эскадры ко второму путешествію для открытій, и опредѣленія числа адмиральскихъ служителей. Коломбъ жаловался королю и королевѣ на стѣсненіе, и Фонсека получилъ отъ нихъ косвенный вы-

говорь и повелѣніе — обращать всевозможное вниманіе на удовлетвореніе требованій адмирала и наблюдать, чтобъ ему оказывалось должное уваженіе и почтительность. Этого оскорбленія Фонсека не могъ забыть во всю жизнь свою. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ злопамятныхъ и мстительныхъ людей, которымъ неизвѣстна сладость прощенія, — которыхъ раны никогда не закрываются. Порожденное, такимъ - образомъ, враждебное чувство, скрывалось въ его сердцѣ, возростая все болѣе и болѣе, во все продолженіе жизни Коломба, и послѣ его смерти обратилось на сына и наслѣдника адмирала. Его постоянная ненависть оправдана въ нашемъ сочиненіи фактами, также косвенными замѣчаніями многихъ авторовъ, изъ которыхъ иные были современники Фонсеки; и по этой-то причинѣ, воздерживаемые благоразуміемъ, они видимо остерегались излить явно свое негодованіе противъ епископа. И вотъ единственная причина, укрывавшая имя Фонсеки отъ гласныхъ и слишкомъ заслуженныхъ имъ упрековъ.

Фонсека занималъ мѣсто главнаго правителя дѣлъ Испанскихъ колоній отъ самаго учрежденія этого званія во все продолженіе царствованія Фердинанда и Изабеллы и при императорѣ Карлѣ V. Онъ отличался дѣятельностью и мужествомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ—эгоистъ и человѣкъ коварный. Въ его

политикѣ не находимъ ни одного слѣда величія и благородства души. Онъ возставалъ противъ великодушныхъ усилій епископа Ласъ-Касаса, когда тотъ ходатайствовалъ объ улучшеніи жребія туземцевъ новооткрытыхъ странъ, и старался преклонить правительство къ уничтоженію участковъ невольниковъ (repartimientos), и въ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ обнаруживалъ надменность, даже грубость (1). Причиной этой непріязненности полагаютъ то, что злоупотребленія, противъ которыхъ возставалъ Ласъ-Касасъ, были источникомъ обогащенія для самого Фонсеки, который содержалъ въ неволѣ множество несчастныхъ туземцевъ и употреблялъ ихъ на работы въ своихъ помѣстьяхъ, въ колоніяхъ Новаго-Свѣта.

Въ доказательство, что сужденіе о Фонсекѣ не заключаетъ въ себѣ излишней строгости, можно привести здѣсь въ примѣръ поведеніе его въ отношеніи къ Фернанду Кортесу: оно исполнено зависти и преслѣдованія. Покровительствуя авантуристовъ никѣмъ незнаемыхъ и бездарныхъ, епископъ не былъ способенъ—ни головой, ни сердцемъ—цѣнить достоинства мореходцевъ знаменитыхъ, каковы были Коломбъ и Кортесъ.

Въ ссорѣ, возникшей между Кортесомъ и Діэго Веласкесомъ, губернаторомъ Кубы, ко-

(1) Herrera, dec. II, lib. II, cap. 3.

торый старался остановить завоевателя Мексики среди его блистательнаго поприща, Фонсека, не разобравъ дѣла, тотчасъ принялъ сторону Веласкеса. Тайною причиной благоволенія епископа къ губернатору былъ личный интересъ: въ это время велись переговоры о бракѣ между сестрой Фонсеки и Веласкесомъ (1). Послѣдній представилъ двору жалобы и ложныя донесенія на Кортеса, въ которыхъ изображалъ его человѣкомъ безнравственнымъ,—авантуристомъ непризнающимъ надъ собой никакихъ законовъ, и замышляющимъ присвоить себѣ верховную власть въ Новой Испаніи. Истинныя заслуги Кортеса давно уже пріобрели ему благосклонность и уваженіе двора; но таково было вліяніе Фонсеки, что несмотря на все это, онъ успѣлъ, — также какъ нѣкогда противъ Коломба, — возбудить подозрѣнія въ своемъ государѣ противъ подданнаго, наиболѣе заслуживающаго довѣріе и признательность монарха. Нѣкто, Кристоваль де-Тапія, человѣкъ безъ всякихъ дарованій, не отличившій себя ничѣмъ, но котораго великая заслуга состояла въ томъ, что онъ былъ исполнителемъ особыхъ порученій епископа (2), получилъ повелѣніе изслѣдовать поступки Кортеса, и если признаетъ нужнымъ—арестовать его, кон-

(1) Herrera, decad. III, lib. IV, cap. 9.

(2) Herrera, decad. III, lib. I, cap. 15.

фисковать все его имущество и отрѣшить отъ командованія. Но Фонсека, не довольствуясь формальными и офиціяльными бумагами, врученными Тапіѣ, отправилъ вслѣдъ за нимъ въ Америку Хуана де-Квехо, съ бланками за своею подписью и съ письмами къ разнымъ лицамъ, которымъ онъ приказывалъ принять Тапія какъ губернатора и увѣрялъ, что король признаетъ поведеніе Кортеса противузаконнымъ (1). Только благоразуміе и твердость Кортеса въ состояніи были отвратить эту мѣру, грозившую остановить, и даже вовсе уничтожить, всѣ его предпріятія.

Когда положено было изслѣдовать судебнымъ порядкомъ несогласія, возникшія между Веласкесомъ и Кортесомъ, отецъ послѣдняго и его приближенные протестовали противъ назначенія Фонсеки въ число судей, по причинѣ извѣстной непріязненности его къ Кортесу, явнаго расположенія къ его противнику и предположеннаго супружества Веласкеса съ сестрой епископа. Требованіе сторонниковъ Кортеса было передано на разсмотрѣніе кардинала Адріана, который, послѣ внимательнаго обсужденія дѣла, рѣшилъ, что оно законно и должно быть удовлетворено. Послѣ этого Фонсека получилъ повелѣніе устраниться отъ изслѣдованія. «Утверждали также, говоритъ Геррера, что епископъ на-

(1) Herrera, decad. III, lib. III, cap, 16.

звалъ публично Кортеса измѣнникомъ; что недопускалъ его представленій въ «Совѣтъ о дѣлахъ Индіи,» и сказалъ открыто, что пока онъ живъ — дѣло Кортеса не поступитъ на разсмотрѣніе Совѣта; также что онъ сообщалъ королю неполныя свѣденія по разнымъ частямъ государственнаго управленія, и наконецъ, что запретилъ «Индѣйскому дому,» въ Севиллѣ, доставлять въ Новую Испанію оружіе, товары, и даже отпускать туда путешественниковъ (1).» Самъ Кортесъ говорилъ впослѣдствіи, что «для него несравненно труднѣе было преодолѣвать затрудненія и препятствія, проистекавшія отъ угрозъ и оскорбленій Фонсеки, чѣмъ одерживать побѣды (2).»

Фонсека умеръ въ Бургосѣ, 4 ноября 1524 года, и погребенъ въ Кокѣ (Coca).

(1) Herrera, decad. III, lib. IV, cap. 13.

(2) Herrera, decad. III, lib. I, cap. I.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 33.

Завѣщаніе Колумба.

« Во имя Пресвятой Троицы, внушившей мнѣ мысль, и впослѣдствіи совершенно прояснившей ее для меня — что я могу, отплывъ изъ Испаніи на западъ и переѣхавъ океанъ, достигнуть Индіи, — мысль, сообщенную мною королю дону Фердинанду и королевѣ доннѣ Изабеллѣ, нашимъ государямъ, которымъ благоугодно было снабдить меня потребнымъ числомъ людей и судовъ и возвесть меня въ званіе адмирала помянутаго океана на всемъ его пространствѣ, лежащемъ къ западу отъ мысленной черты, проведенной отъ одного полюса къ другому, во стѣ миляхъ къ западу отъ Острововъ-Зеленаго-Мыса и Азорскихъ, и пожаловать меня вице-королемъ и губернаторомъ всѣхъ земель и острововъ, какія я открою за тою чертой, съ правомъ передать вышеръченныя званія и титулы старшему сыну моему, а потомъ

его наслѣдникамъ, на вѣчныя времена, и даровать мнѣ притомъ десятую часть изъ всего, что пріобретется въ странахъ, которыми я буду управлять, и со всѣхъ доходовъ и прибылей, какія будутъ съ нихъ получаться, а сверхъ-того восьмую часть всѣхъ земель и всего прочаго, съ окладами жалованья по моему рангу адмирала, вице-короля и губернатора, и со всѣми иными выгодами и преимуществами, тѣмъ званіямъ присвоенными, на основаніяхъ, подробно изложенныхъ въ договорѣ моемъ съ ихъ величествами, одобренномъ и утвержденномъ ими!»

«И было угодно Всемогущему Господу, чтобъ я въ 1492 году открылъ Индѣйскій материкъ и великое множество острововъ, а въ томъ числѣ островъ Испаніолу, называемый Индѣйцами — Аити, а Мониконгосами — Чипанго. Послѣ чего я возвратился въ Кастилію къ ихъ величествамъ, которые повелѣли мнѣ, согласно съ моимъ представленіемъ, предпринять вторичное путешествіе для новыхъ открытій и для учрежденія поселеній въ земляхъ мною найденныхъ; и даровалъ мнѣ Господь побѣду на островѣ Испаніолѣ, который простирается на шесть-сотъ миль разстоянія, и покорилъ я его, и жителей сдѣлалъ данниками; и въ семи-стахъ миляхъ отъ того острова, къ западу, открылъ много иныхъ острововъ, на которыхъ живутъ людоѣды, а въ числѣ ихъ — Ямайку, называемую нами

Сантъ-Яго, да сверхъ-того триста-тридцать-три мили матерой земли, простирающейся въ юго-западномъ направленіи, не считая стасеми миль на сѣверъ, которыя открыты мной въ первое путешествіе; да кромѣ того множество острововъ: что можно яснѣе видѣть изъ моихъ писемъ, записокъ и картъ. И такъ-какъ мы надѣемся, что, съ Божіею помощью, въ непродолжительномъ времени получится съ тѣхъ острововъ и твердой земли знатный доходъ, котораго, по вышеизложеннымъ причинамъ, десятая и восьмая доли принадлежать намъ, съ окладами и другими выгодами, присвоенными нашему званію: то, принимая въ уваженіе, что всѣ мы смертны, и что всякой обязанъ заблаговременно приводить дѣла свои въ порядокъ и объявлять своимъ наслѣдникамъ и преемникамъ, сколько у нихъ добра, или на что они могутъ имѣть право, — то мы вознамѣрились учредить изъ вышепомянутой восьмой части земель, окладовъ и доходовъ майоратство, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: »

I.

« Прежде всего, назначаю моимъ наслѣдникомъ сына моего, дона Діэго; а если онъ умретъ бездѣтенъ, то преемникомъ его — втораго моего сына, Фернандо; а когда Господь и его возметъ къ себѣ прежде чѣмъ

будутъ у него дѣти, и послѣ меня не останется болѣе дѣтей мужескаго пола, то его преемникомъ — брата моего, дона Варфоломея, а по немъ старшаго его сына; еслижъ и надъ послѣднимъ совершится воля Божія прежде нежели онъ будетъ имѣть дѣтей, то ему должны наслѣдовать прочіе сыновья дона Варфоломея одинъ за другимъ, послѣдовательно, отъ отца къ сыну, на вѣчныя времена, точно также какъ и дѣти втораго сына моего, Фердинанде, въ случаѣ смерти старшаго сына, Діэго, или дѣти другаго брата моего, дона Діэго, по прекращеніи мужескаго колѣна дона Варфоломея. А если будетъ угодно Богу, что помѣстья мои, переходя по линіи отъ одного изъ вышеозначенныхъ наслѣдниковъ къ другому, останутся безъ прямаго и законнаго наслѣдника мужескаго пола, тогда они имѣютъ перейти во владѣніе ближайшаго родственника, законнорожденнаго и носящаго имя Коломба, переданное ему отъ отца и предковъ; къ женскому-жъ лицу майоратство можетъ перейти въ такомъ только случаѣ, когда ни въ Испаніи, ни въ какомъ другомъ краю свѣта, не найдется наслѣдника мужескаго пола изъ моего истиннаго рода, съ именемъ Коломба, переданнымъ ему отъ предковъ. Въ такомъ только случаѣ (отъ котораго Боже сохрани!) женщина, законнаго рожденія, ближайшая родственница послѣдняго владѣтеля вышеоз-

наченнаго майоратства, можетъ наслѣдовать ему на нижепостановленныхъ условіяхъ, распространяющихся и на дона Діэго, сына моего, и на всѣ вышепоименованныя лица и наслѣдниковъ ихъ, съ тѣмъ, чтобъ каждое изъ этихъ условій было ими выполнено въ точности; въ противномъ случаѣ, неисполнившій ихъ потеряетъ право на майоратство, и оно должно будетъ перейти тогда къ ближайшему преемнику моего рода, который въ свою очередь лишится на него права, если не будетъ выполнять въ предписанномъ видѣ означенныхъ условій, и такимъ порядкомъ далѣе. Но лишенію правъ на владѣніе майоратствомъ не подвергаются наслѣдники за обстоятельства маловажныя или незначительные проступки, подвергаемые разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, а только за дѣла важныя, могущія помрачить славу моего рода. За совершеннымъ исполненіемъ всего нижепостановленнаго мною, прошу судебныя мѣста имѣть наблюденіе, и умоляю его-святѣйшество и преемниковъ его-священной власти, въ случаѣ еслибъ для исполненія настоящаго акта, который заключаетъ въ себѣ послѣднюю мою волю и завѣщаніе, потребовалось его священное повелѣніе, дать его по силѣ повиновенія, которымъ обязаны его сану всѣ христіане, подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви, — чтобъ означенный актъ ни какимъ образомъ не могъ остаться безъ дѣй-

ствія. Осмѣливаюсь также просить короля и королеву, вашихъ государей, и старшаго сына ихъ, свѣтлѣйшаго принца Іоанна, и наслѣдниковъ ихъ, въ уваженіе заслугъ, оказанныхъ имъ мною, и такъ какъ это дѣло законное, не допускать чтобъ въ моемъ завѣщаніи и учрежденіи майоратства было что-либо измѣнено, но содержать то и другое всегда въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ мною установлено въ славу Всемогущаго, въ утвержденіе и укорененіе моего рода и въ память заслугъ, оказанныхъ вашимъ величествамъ мною — урожденцемъ Генуэзскимъ, прибывшимъ въ Кастилію служить вамъ, который для васъ открылъ за океаномъ, на западѣ отъ твердой земли, Индію и прилежащіе къ ней острова. И такъ я прошу ваши величества повелѣть, чтобъ настоящее завѣщаніе мое и дарованныя мнѣ преимущества были, признаваемы, соблюдаемы и выполняемы безъ сопротивленія, безъ проволочекъ и по точному смыслу дѣла. Прошу также грандовъ королевства, членовъ Совѣта и всѣхъ, имѣющихъ власть по судебному управленію, не дозволять чтобъ означенное завѣщаніе мое оставалось безъ дѣйствія, но принуждать всякаго властію своею къ исполненію заключающихся въ немъ намѣреній моихъ: ибо справедливость требуетъ, чтобъ послѣдняя воля дворянина, служившаго королю, королевѣ и государству, и

изъявленная въ формальномъ его завѣщаніи, была уважена относительно распоряженій его своимъ имуществомъ — учрежденіемъ ли майората, или инымъ какимъ-либо образомъ, и чтобъ не была она нарушена ни въ цѣломъ, ни въ частностяхъ.»

II.

«Сынъ мой, Діэго, и всѣ мои преемники и потомки, равно какъ и братья мои, Варѳоломей и Діэго, должны употреблять мой гербъ, въ томъ видѣ какъ я оставляю его послѣ моей смерти, не прибавляя къ нему ничего, и имѣть его на своихъ печатяхъ. Каждый изъ преемниковъ моего рода, при вступленіи во владѣніе майоратствомъ, обязанъ принимать и мою подпись, нынѣ мною употребляемую, которая состоитъ изъ нижеозначенныхъ буквъ, расположенныхъ такимъ порядкомъ: X, а надъ нимъ S; послѣ M, надъ нимъ Римское A, а сверхъ A въ другой разъ S; наконецъ Y и надъ нимъ опять S, — съ чертами и точками, какъ я обыкновенно подписываюсь, что можно видѣть въ многихъ бумагахъ и въ самомъ этомъ завѣщаніи.»

«Какіе бы титулы владѣтель майоратства ни получилъ отъ короля, въ подписи своей всегда долженъ употреблять только одинъ — титулъ *Адмирала*. Но это относится единственно къ *подписи*, а не касается

прописанія титуляцій, которыя онъ можетъ выставлять всѣ сполна, буде пожелаетъ; но подписываться должна просто — *Адмиралъ*. Упомянутый донъ Діэго, и всякой другой преемникъ нашего дома, при вступленіи въ обладаніе майоратствомъ, принимаетъ и званіе *Адмирала* океана, лежащаго къ западу отъ мысленной черты, проведенной по повелѣнію его величества во ста миляхъ отъ Острововъ-Зеленаго-Мыса и Азорскихъ, каковымъ званіемъ Адмирала Океана пожалованъ я по указу его величества, со всѣми преимуществами, присвоенными дону Генрику, по званію адмирала Кастиліи, и назначенъ губернаторомъ и вице-королемъ острововъ и земель, открытыхъ и которыя впредь будутъ открыты на томъ Океанѣ, я самъ лично и всѣ мои преемники, на вѣчныя времена, — какъ все это подробно означено въ вышепомянутомъ договорѣ моемъ съ ихъ величествами.»

III.

«Обязываю рѣченнаго дона Діэго, и всѣхъ безъ изъятія наслѣдниковъ майоратства, распоряжаться доходами, какіе угодно будетъ Господу даровать имъ, слѣдующимъ образомъ, подъ опасеніемъ вышеозначенныхъ лишеній: Во первыхъ, владѣтель долженъ изъ годоваго дохода майоратства, въ настоящее и во вся-

кое другое время, и со всѣхъ иныхъ своихъ доходовъ, выдѣлять каждогодно четвертую часть брату моему, дону Варѳоломею Коломбу, адлантадо Индіи, до-тѣхъ-поръ, пока выдѣляемая сумма не возрастетъ до милліона мараведовъ въ годъ, — за его прежнія и будущія заслуги въ пользу нашего дома, а когда помянутая четвертая часть доходовъ возрастетъ до милліона, тогда уже неувеличивать ее, а выдавать помянутому дону Варѳоломею ежегодно только по милліону мараведовъ: но все это въ такомъ только случаѣ, если самъ онъ ничего не будетъ имѣть; еслижъ онъ пріобрететъ себѣ доходъ, равный вышеопредѣленной нами суммѣ, или нѣкоторой части ея, тогда выдѣлъ ему означеннаго милліона долженъ прекратиться — вполнѣ, или отчасти, смотря по тому какъ великъ будетъ его собственный доходъ, а производить ему изъ доходовъ майората только такую сумму, какая придется по расчету до милліона мараведовъ въ добавокъ къ его собственнымъ доходамъ, — если притомъ на такое дополненіе достаточно будетъ четвертой части всѣхъ доходовъ наслѣдника. Но означенный вычетъ относится исключительно къ его собственнымъ доходамъ съ помѣстьевъ, или съ должностей и званій, какія онъ будетъ занимать, а не распространяется на приданое его жены, — въ чемъ-бы оно не состояло, — изъ котораго никакая часть не должна быть

вычитаема въ дополненіе помянутаго милліона. А когда угодно будетъ Богу, что онъ, или наслѣдникъ его, или потомки, станутъ получать съ своихъ помѣстьевъ и званій не менѣе милліона мараведовъ доходу, тогда уже ни онъ, ни преемники его, не должны имѣть права ни на какую часть помянутой четверти доходовъ съ майоратства, а должна та четверть въ такомъ случаѣ обратиться въ пользу дона Діэго и его наслѣдниковъ.»

IV.

«Изъ тѣхъ-же доходовъ майоратства, или изъ другой четверти ихъ, выдавать каждый годъ сыну моему Фернандо, два милліона мараведовъ, до-тѣхъ-поръ пока собственные его доходы не сравняются съ этой суммой, на томъ-же основаніи какъ выше постановлено въ разсужденіи дона Варѳоломея и его наслѣдниковъ.»

V.

«Упомянутые, сынъ мой донъ Діэго и братъ донъ Варѳоломей, имѣютъ выдавать другому брату моему, дону Діэго, изъ доходовъ, какіе они будутъ получать съ вышеозначеннаго майоратства, сумму достаточную для пристой-

наго его содержанія: ибо онъ братъ мой. Не назначаю ему никакой особой суммы, такъ-какъ онъ посвятилъ себя духовному званію, а предоставляю это дѣло на совѣсть сына моего Діэго, и брата, Варѳоломея. Эта сумма должна быть выдаваема ему сполна, въ одинъ разъ, прежде выдѣловъ сыну моему, Фернандо, и брату, Варѳоломею, или наслѣдникамъ ихъ, соразмѣрно съ доходами майоратства и прочимъ имуществомъ; а въ случаѣ спора, могущаго возникнуть по этому предмету, дѣло должно быть предано разсмотрѣнію двухъ нашихъ родственниковъ, или другихъ лицъ, извѣстныхъ своею добросовѣстностью; еслижъ и они не согласятся въ мнѣніи, то избрать посредникомъ человѣка добродѣтельнаго, пользующагося довѣренностью обѣихъ сторонъ, и исполнить какъ онъ опредѣлитъ.»

VI.

« Всѣ вышеозначенные доходы, завѣщаемые мной въ пользу Варѳоломея, Фернандо и Діэго, должны быть имъ выдаваемы, а ими получаемы, именно на тѣхъ основаніяхъ, какія мною здѣсь постановлены; а они и дѣти ихъ обязываются за то быть всегда вѣрными и преданными сыну моему, Діэго, и наслѣдникамъ его. А если случится, что они, или кто-либо изъ нихъ, учинятъ ему вредъ, въ оботоятельствѣ, касающемся чести и благо-

состоянія фамиліи, или въ ущербъ его владѣніямъ, словомъ или дѣломъ, и изъ того произойдетъ огласка и униженіе моей фамиліи, или раздробленіе майоратства, — въ такомъ случаѣ виновному должна быть немедленно прекращена выдача пенсіи.»

VII.

«Такъ-какъ при учрежденіи майоратства намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобъ удѣлять, — или вмѣсто себя вмѣнить въ обязанность сыну моему, Діэго, дѣлать то же, — ежегодно десятую часть доходовъ со всего нашего имущества на вспоможеніе нуждающимся, какъ десятину во имя Всемогущаго и Превѣчнаго Бога; и такъ-какъ я остаюсь при томъ-же намѣреніи и понынѣ, въ надеждѣ на содѣйствіе его величества какъ мнѣ лично, такъ и наслѣдникамъ моимъ, здѣсь въ Европѣ и въ Новомъ-Свѣтѣ: то и распредѣляю означенную десятину слѣдующимъ образомъ:

«Во первыхъ, поелику само собою разумѣется, что четвертая часть доходовъ съ майоратства, которую я вмѣнилъ въ обязанность и приказалъ наслѣдникамъ моимъ выдѣлять дону Варфоломею до-тѣхъ-поръ пока у него составится милліонъ своего доходу, заключаетъ въ себѣ и десятину всего дохода съ вышеозначеннаго майоратства; — и какъ

по мѣрѣ увеличенія собственныхъ доходовъ брата моего, Варѳоломея, доходы сіи будутъ вычитаться изъ той четверти: то надлежитъ вести счетъ означенной десятинѣ, опредѣляя — до какой суммы она будетъ ежегодно простираться; и если что останется за вычетомъ изъ ней суммы, опредѣленной на пополненіе милліона дона Варѳоломея, въ такомъ случаѣ остатокъ раздѣлять между членами моей фамиліи наиболѣе нуждающимися въ пособіи, — если только доходъ означенныхъ родственниковъ не будутъ превышать пятидесяти-тысячъ мараведовъ; еслижъ нѣкоторые изъ нихъ будутъ получать доходъ, равный этой суммѣ, то такимъ выдавать изъ остатковъ той-же десятины столько денегъ, сколько опредѣлено будетъ двумя особами, собственно для того избранными, и дономъ Діэго, или наслѣдниками его. И такъ должно въ точности разумѣть, что милліонъ, отказываемый мною дону Варѳоломею, заключаетъ въ себѣ и десятую долю всего дохода съ майоратства, и что эта собственно десятая доля должна быть обращаема на вспоможеніе ближайшимъ и бѣднѣйшимъ нашимъ родственникамъ, такимъ порядкомъ, какъ я установилъ выше; а когда донъ Варѳоломей станетъ получать милліонъ собственнаго своего доходу, и ему уже ничего не будетъ слѣдовать изъ означенной четверти, тогда сынъ мой Діэго, или кто будетъ владѣть майорат-

ствомъ, совокупно съ двумя другими особами, означенными мною ниже, обязаны разсмотрѣть счеты и устроить дѣла такимъ образомъ, чтобы десятина со всего дохода попрежнему была уплачиваема бѣднѣйшимъ родственникаамъ нашей фамиліи, живущимъ въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта, которыхъ поручаю моимъ наслѣдникамъ тщательно отыскивать и производить имъ вспоможеніе, вычитая выдаваемую имъ сумму изъ десятины: и если десятина будетъ болѣе той суммы, какая окажется нужною на вспоможеніе, то излишекъ снова раздѣлять между наиболѣе нуждающимся, какъ сказано выше.»

VIII.

«Упомянутый донъ Діэго, сынъ мой, или кто наслѣдуетъ по мнѣ, имѣетъ избрать двухъ степенныхъ и безкорыстныхъ особъ, находящихся въ весьма близкой связи съ нашею фамиліей, для веденія самого вѣрнаго и точнаго счета доходамъ майоратства и для надзора за выдачей съ нихъ десятины (изъ той четверти, которая опредѣлена на уплату милліона дону Варѳоломею) бѣднѣйшимъ нашимъ родственникамъ, которые тогда будутъ находиться здѣсь или въ другихъ мѣстахъ, отыскивая ихъ тщательно и по совѣсти. Въ случаѣ-жъ, еслибъ упомянутый донъ Діэго,

или кто изъ его преемниковъ, по видамъ личныхъ выгодъ, или для сохраненія чести и поддержанія майоратства, не заблагоразсудилъ объявлять настоящаго дохода съ своихъ владѣній, въ такомъ случаѣ предоставляю на совѣсть наслѣдника выплачивать упомянутую сумму по назначенію, а имъ, то есть родственникамъ, приказываю, ради ихъ душъ и совѣсти, не объявлять о томъ, иначе какъ съ его согласія.»

IX.

«Въ избѣжаніе всякаго несогласія при избраніи двухъ ближайшихъ родственниковъ, долженствующихъ дѣйствовать совокупно съ домомъ Діэго, или наслѣдниками его, назначаю для этого — брата моего, дона Варѳоломея и сына, дона Фернанда, которые каждый разъ, приступая къ возложенному на нихъ дѣлу, обязаны избирать двухъ другихъ родственниковъ изъ самыхъ близкихъ и достойнѣйшихъ довѣренности; а эти, въ свою очередь, назначать отъ себя еще двухъ; и такимъ образомъ — да устроится все это дѣло со тщаніемъ на служеніе и во славу Господу, и на пользу майоратству.»

X.

«Приказываю помянутому дону Діэго, сы-

ну моему, или тому, кто наслѣдуетъ вышеозначенное майоратство, содержать всегда въ городѣ Генуѣ одного члена нашей фамиліи, производя ему такую пенсію, чтобъ онъ могъ жить прилично, какъ слѣдуетъ родственной намъ особѣ, съ тѣмъ чтобъ онъ преббывалъ тамъ постоянно, съ своимъ семействомъ, — и не прерывать своихъ связей съ Генуей, а считаться ея гражданиномъ, дабы означенный родственникъ, въ случаѣ надобности, могъ всегда найти тамъ помощь и защиту: ибо я оттуда и родился тамъ.»

XI.

«Обязываю помянутаго дона Діэго и его наслѣдниковъ: всѣ деньги, какія они въ состояніи будутъ сберегать за своими издержками, въ векселяхъ или инымъ какимъ образомъ, откладывать особо и обращать ихъ на покупку, на имя владѣтеля майоратства, акцій банка Св. Георгія, которыя приносятъ шесть процентовъ на сто, и гдѣ помѣщаемыя суммы обезпечены вѣрно, — на составленіе особаго капитала. Капиталъ-же тотъ употребить какъ означено ниже.»

VII.

«Поелику въ обязанности каждаго человѣка знатнаго ранга, владѣющаго помѣстьями, слу-

жить Богу лично или имуществомъ, а капиталы, помѣщаемые въ банкъ Св. Георгія, находятся тамъ въ совершенной сохранности, ибо Генуя городъ благородный и могущественный,—и такъ-какъ я, предпринимая путешествіе для открытія Индіи, имѣлъ намѣреніе просить короля и королеву, нашихъ государей, дабы они посвятили на завоеваніе Іерусалима всѣ деньги, сколько ихъ пріобрѣтется въ Индіи, и привелъ въ дѣйствіе это намѣреніе—просилъ ихъ о томъ: то если они исполнятъ мою просьбу — хорошо; еслижъ нѣтъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, то помянутый Діэго, или кто наслѣдуетъ по немъ, обязывается собрать столько денегъ, сколько будетъ въ состояніи, и сопровождать короля, своего государя, когда онъ отправится для завоеванія Іерусалима; а если король не предприметъ этого похода, то идти туда самому со всѣми силами, какія можно будетъ собрать. И въ совершеніи столь благочестиваго подвига Господь ниспошлетъ ему свою помощь, такъ-что если онъ и не покорить всей страны, покрайней мѣрѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что завоюетъ хотя нѣкоторую часть ея. И такъ, да вноситъ онъ всѣ суммы, которыя у него будутъ оставаться отъ годовыхъ издержекъ, въ банкъ Св. Георгія, въ Генуѣ, и пусть онѣ тамъ прирощаются процентами до-тѣхъ-поръ, пока можно будетъ предпринять что-либо для завоеванія Іерусалима; ибо

я полагаю, что если ихъ величества увидятъ, что это предпріятіе содержится въ виду и не оставляется безъ вниманія, то и сами они пожелаютъ совершить его, или, покрайней-мѣрѣ, даровать преемнику моему, какъ своему вассалу, состоящему у нихъ на службѣ, средства привесть его въ исполненіе.»

XIII.

«Возлагаю на сына моего, Діэго, и потомковъ моихъ,—въ особенности на тѣхъ, которые наслѣдуютъ мое имущество, состоящее, какъ сказано выше, изъ десятой части всего, что найдется въ Индіи, или что можно будетъ получить оттуда, и изъ восьмой доли земель и доходовъ, что, совокупно съ моимъ жалованьемъ и другими окладами по званію адмирала, составитъ болѣе двадцати-пяти процентовъ на сто, — возлагаю, говорю, въ особенности на Діэго и наслѣдниковъ его: весь означенный доходъ, равно какъ и самихъ себя и всѣ средства свои, обращать и употреблять на доброе и вѣрное служеніе ихъ величествамъ и наслѣдникамъ ихъ, и поддерживать ихъ власть, жертвуя за нихъ жизнью и имуществомъ: ибо, послѣ Бога, ихъ величества даровали мнѣ средства совершить открытіе и пріобрести имущество; хотя и то правда, что я самъ явился въ ихъ королевство съ предложеніемъ моего предпріятія, и что про-

ило много времени, пока они взяли мѣры къ приведенію его въ исполненіе, — но это впрочемъ не удивительно, ибо предметъ означеннаго предпріятія никому не былъ извѣстенъ и никто не имѣлъ къ нему довѣрія: и за это-то я еще болѣе обязанъ имъ, равно какъ и за почести и милости, которыми они съ тѣхъ поръ удостоили меня.»

XIV.

«Приказываю также дону Діэго и всѣмъ наслѣдникамъ его, которые будутъ владѣть помянутымъ майоратотвомъ: въ случаѣ если послѣдуетъ въ Католической Церкви расколъ, или если кто, — какого-бы онъ роду и званія ни былъ, — покусится лишить ее присвоенныхъ ей правъ, имуществъ и почестей: повергнуть къ стопамъ его святѣйшества, — разумѣя если означенные наслѣдники сами не будутъ еретики (отчего Боже сохрани!) — себя, власть свою и имущество на подавленіе означеннаго раскола и на предупрежденіе всякаго посягательства на честь и достоянie Католической Церкви.»

XV.

«Приказываю помянутому Діаго, или тому, кто наслѣдуетъ по немъ, во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ всегда имѣть въ виду

славу, благоденствіе и приращеніе могущества города Генуи, и употреблять всѣ средства и способности свои на защиту и увеличеніе благосостоянія и славы этой республики, во всемъ, что не будетъ противно служенію Церкви Господней и достоинству короля и королевы, нашихъ государей, и преемниковъ ихъ.»

XVI.

« Когда приспѣетъ время, донъ Діэго, или тотъ, кто будетъ тогда, владѣть майоратствомъ, долженъ соорудить на островѣ Испаніолѣ, въ приличнѣйшемъ мѣстѣ, церковь во имя святой Дѣвы-Маріи, а при церкви учредить госпиталь по возможно лучшему плану, на манеръ Италіянскихъ и Кастильскихъ; также построить часовню для совершенія въ ней службы Божіей за упокой душъ—моей, предковъ и потомковъ моихъ, съ великимъ благочестіемъ: ибо, безъ сомнѣнія, Господу угодно будетъ даровать намъ доходъ достаточный какъ на этотъ предметъ, такъ и на вышеозначенные.»

XVII.

« Приказываю сыну моему, Діэго, и наслѣдникамъ его, содержать постоянно на островѣ Испаніолѣ четырехъ искусныхъ профессоровъ богословія, съ тѣмъ, чтобы цѣль

трудовъ и занятій ихъ состояла въ обращеніи Индѣйцевъ въ нашу святую вѣру: и по мѣрѣ того, какъ при помощи Божіей, доходы съ майоратства будутъ возрастать, увеличивать въ той-же соразмѣрности и число духовныхъ особъ, которымъ вмѣнить въ обязанность — стараться всѣми силами, посредствомъ назиданія, обращать туземцевъ къ христіанству, — и для достиженія этой цѣли недолжно щадить издержекъ, какъ-бы велики онѣ ни были.

XVIII.

«Наконецъ, приказываю сыну моему, Діэго, и всякому, кто по немъ будетъ владѣть помянутымъ майоратствомъ, каждый разъ, когда онъ будетъ на исповѣди, прежде ея начатія, предъявлять духовнику своему это завѣщаніе, или копію съ него, и просить его прочесть оное, дабы духовникъ, принимая покаяніе, могъ удостовѣриться, въ точности-ли исполнены преемникомъ всѣ возложенныя на него обязанности: и будетъ изъ того много добра и пользы для его души.

S.

S. A. S.

X. M. Y.

El Almirante.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 34.

Подпись Коломба.

Такъ-какъ все, что касается Коломба, исполнено занимательности, то и подпись его дала поводъ къ нѣкоторымъ преніямъ. Въ ней видѣнъ, нѣкоторымъ образомъ, отпечатокъ вѣка — существенно религіознаго, а, быть-можетъ также, и частнаго характера человѣка, который считалъ себя таинственнымъ избранникомъ, предназначеннымъ для исполненія великихъ преднамѣреній Неба, и воображалъ, что всѣ его дѣйствія должны были сопровождаться формальностями важными и торжественными. Вотъ какъ онъ подписывался:

S.

S. A. S.

X. M. Y.

XPO FERENS.

Первая половина подписи *XPO* (**CHRISTO**) состоитъ изъ Греческихъ буквъ; послѣдняя — **FERENS**, изъ Римскихъ. Таковъ былъ обычай въ ту эпоху, и даже въ наше время въ Испаніи употребляются еще въ подписяхъ и надписяхъ буквы Греческія и Римскія.

Предполагаютъ, что шифры, или начальныя буквы, находящіяся сверхъ подписи Коломба, изображаютъ благочестивое воззваніе къ Богу. Чтобъ прочесть ихъ, должно начинать съ нижнихъ буквъ и связывать ихъ съ верхними. Споторно думаетъ, что онѣ значатъ: *Xristus* (*Christus*), *Sancta Maria*, *Yosephus*, или: *Salva Me*, *Xristus*, *Maria*, *Yosephus*.

Въ журналѣ, подъ заглавіемъ: «Сѣверо Американское Обозрѣніе» (апрѣль, 1827) изъявлено мнѣніе, что вмѣсто *Yosephus* должно читать — *Yesus*.

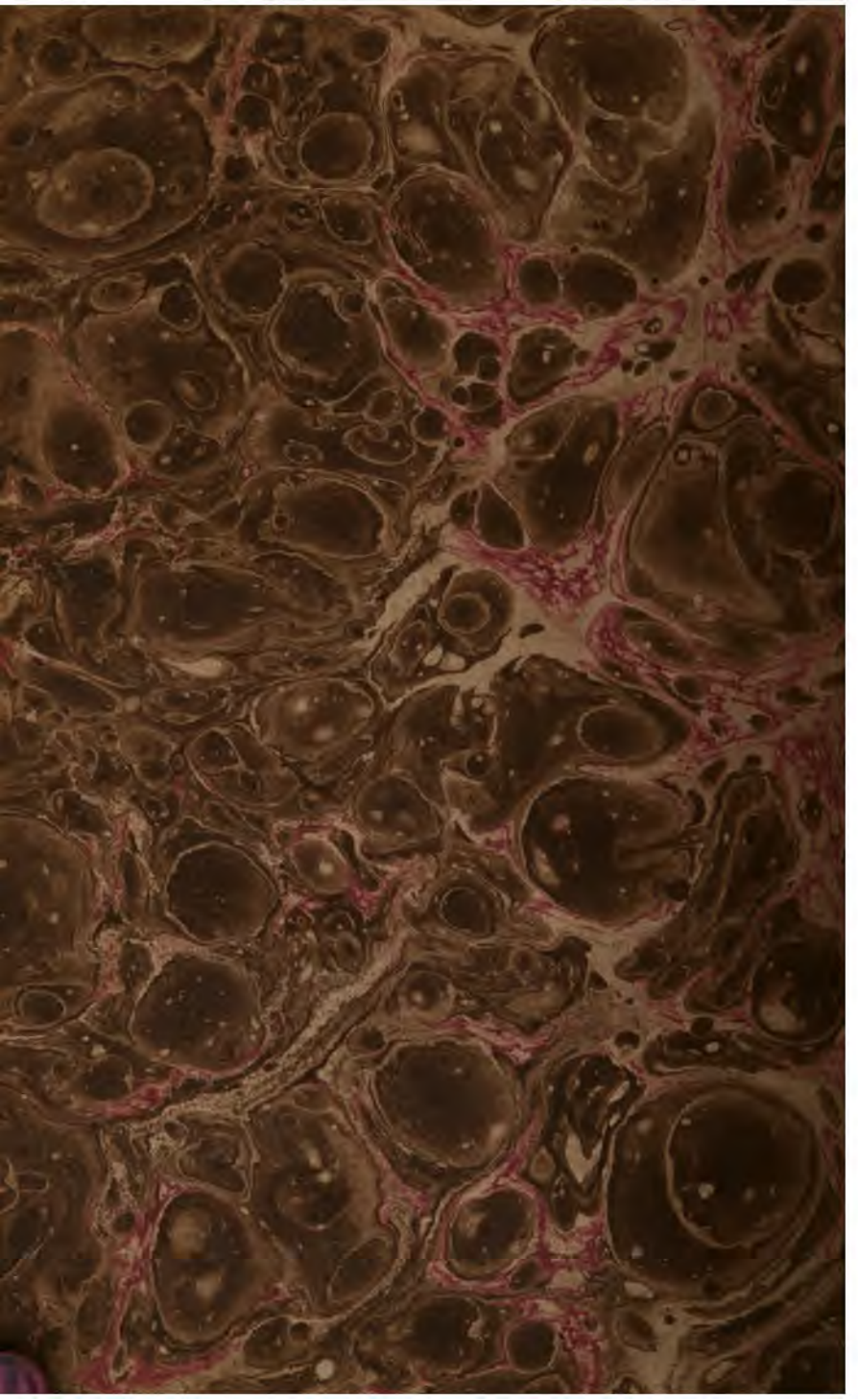
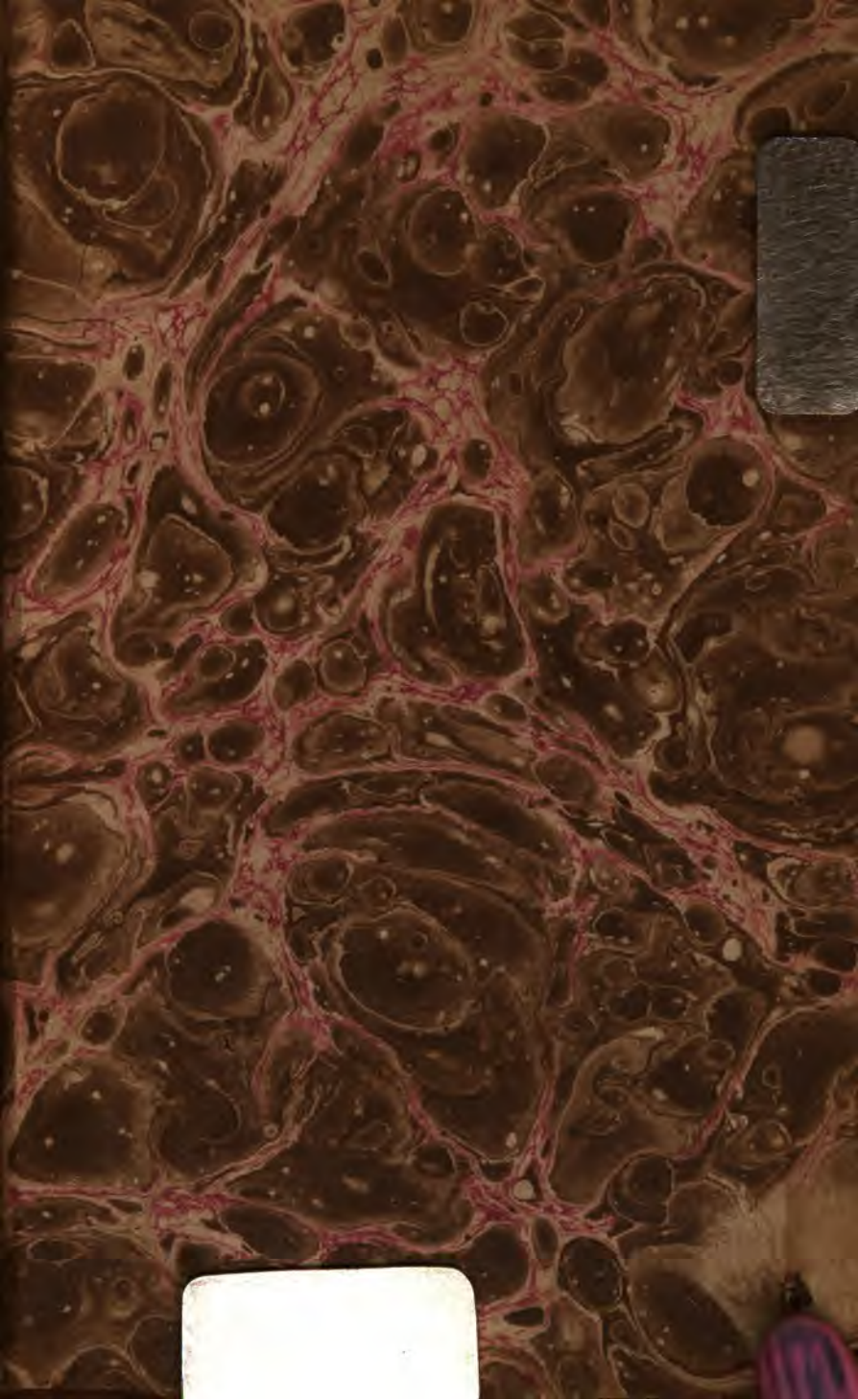
Прибавленіе къ подписи нѣсколькихъ благочестивыхъ изрѣченій или словъ есть древній обычай, существовавшій въ Испаніи, и еще наковсѣмъ вышедшій изъ употребленія. Причиной этого обыкновенія полагаютъ — желаніе подписывающагося показать, что онъ христіанинъ: причина довольно важная въ странѣ, гдѣ жиды и магометане были нетерпимы и преслѣдуемы.

Донъ Фернандо, сынъ Коломба, говоритъ, что отецъ его каждый разъ какъ только принимался за перо, обыкновенно писалъ вначалѣ: *Yesus cum aria sit nobis in viâ*. Книга,

составленная адмираломъ изъ выписокъ разныхъ мѣстъ изъ пророчествъ, которыя, по его мнѣнію, относились къ его открытіямъ и къ освобожденію Гроба-Господня, посланная имъ къ Фердинанду и Изабеллѣ, начиналась тѣми-же словами. Этотъ обычай имѣетъ близкое отношеніе къ другому обыкновенію — ставить начальныя буквы нѣкоторыхъ благочестивыхъ словъ надъ подписью имени, и придаетъ весьма много вѣроятности способу, которымъ объясняютъ подпись Коломба(1).

(1) Мы позволяемъ себѣ замѣтить, что она нисколько не объяснена предшествовавшимъ, потому-что многія начальныя буквы оставлены въ ней вовсе неразобранными. Замѣненіе словомъ *Yesus* слова — *Yosephus*, намъ кажется несовсѣмъ основательнымъ. Коломбъ употреблялъ слово *Christus* и ставилъ за нимъ *Maria*: съ какой-же стати было ему повторять *Yesus*? Мы думаемъ, что его подпись можно истолковать слѣдующимъ образомъ:

Supplex
Servus Altissimi Salvatoris
Christi, Mariae, Yosephi,
XPO Ferens.

Что касается до послѣдней строки, ***Christo ferens***, очевидно, что Коломбъ употребляетъ эти слова для означенія собственнаго своего имени — ***Christophe***, ***Christophorus***, или ***Christopherus***, какъ его писали иногда. (***Примѣчаніе Французскаго переводчика.***)

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО ТОМА.